

география/этнография

Русь за трапезой

Дмитрий Занков

Русь за трапезой

Дмитрий Занков

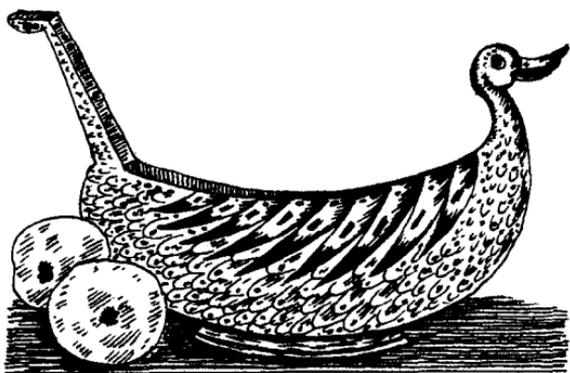

Ломоносовъ
издательство

Дмитрий Занков

Русь за трапезой

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2016

УДК 94(47).02-04
ББК 63.3(2)43-45
3-28

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тиболовой

Scan by Greego

ISBN 978-5-91678-311-7

© Д. Занков, 2016

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2016

Предисловие
О чем эта книга,
и чего вы в ней
не найдете

Не хотелось бы начинать с вещи банальной до невозможности, но, пожалуй, придется. Еда играет огромную роль в жизни человечества.

Причем процесс принятия пищи не только удовлетворяет наши физиологические потребности, но и оказывает немалое влияние на социальные взаимодействия.

Еда может служить признаком социального статуса. Возможность употреблять то или иное блюдо всегда могла многое рассказать о человеке. В своих крайних проявлениях стремление подчеркнуть свою значимость через употребляемую пищу доходило до того, что простонародью в официальном порядке запрещалось баловать себя тем или иным деликатесом.

Даже сейчас черная икра или трюфели вызывают ассоциации с богатством, роскошью, властью.

Мы живем в глобализующемся мире. Но еще какие-то двести лет назад, ознакомившись с повседневным меню человека, мы могли бы практически безошибочно определить регион, откуда он родом.

Впрочем, из нашей жизни и сейчас еще не исчезли пищевые клише типа макаронников и лягушатников.

Еда очень часто выступала в роли социального маркера, для определения своих и чужих. Пища других народов рассматривалась как нечистая, вредоносная. Ее употребление могло привести к гибели души, отпадению от истинной веры. Церковь и государство всегда с неодобрением относились к тем, кто разделял трапезу с людьми другой национальности и особенно религии.

Еда выступала в качестве награды и подчеркивала зависимость. Образ царя-кормильца и обычай жаловать лакомые куски с господского стола давно укоренились в русской культуре.

Удовольствие от еды могло рассматриваться как самоцель. Но в христианской традиции одобрялось принятие пищи исключительно для поддержания физического существования.

В своей книге мне хотелось бы рассмотреть эти и многие другие моменты на примере отечественной кулинарной традиции.

Соответственно эта книга в первую очередь не про то, что и как ели наши предки. На эту тему написано довольно много книг, и добавить что-либо новое достаточно сложно.

Нас будет интересовать более сложный вопрос: а как воспринимали наши предки еду и все с ней связанное? Чем было для них принятие пищи? Каково было отношение к посту и воздержанию? Какая пища считалась престижной и наоборот? Почетным ли было заниматься приготовлением еды? Какая пища считалась недопустимой на столе русского человека и какими причинами это объяснялось? Как воспринималась еда чужеземцев? И какой видели русскую кухню иностранцы? Вот вопросы, на которые хотелось бы получить ответы.

Теперь немножко о хронологических рамках и использованных источниках.

Понятно, что, когда мы рассматриваем проблему, связанную с изучением народного мировоззрения, нельзя определять временные рамки слишком строго и узко.

Русское государство возникло в качестве единого политического субъекта не раньше IX века. Однако огромный объем житийной литературы, душевспасительных поучений, созданных в основном в Византии на протяжении III–IX веков, органично вошел в русскую культуру после принятия христианства при князе Владимире. Мы знаем, что эти византийские тексты активно читались и распространялись в русской среде, не только через книжное слово, но и через многочисленные проповеди, поучения. Было бы странным не использовать эти произведения в качестве наших источников.

Наше исследование доходит до конца XVII века. Решение остановиться на этой границе более произвольное, но вполне объяснимое. Слишком уж большие перемены произошли во всех областях русской жизни после петровских реформ. Императорская Россия и СССР с их пищевой культурой заслуживают отдельного исследования.

В то же время мы порой будем ссылаться на результаты работы этнографов, которые в XIX и даже XX веках фиксировали преимущественно в крестьянской среде пищевые традиции, имеющие явно очень древнее происхождение.

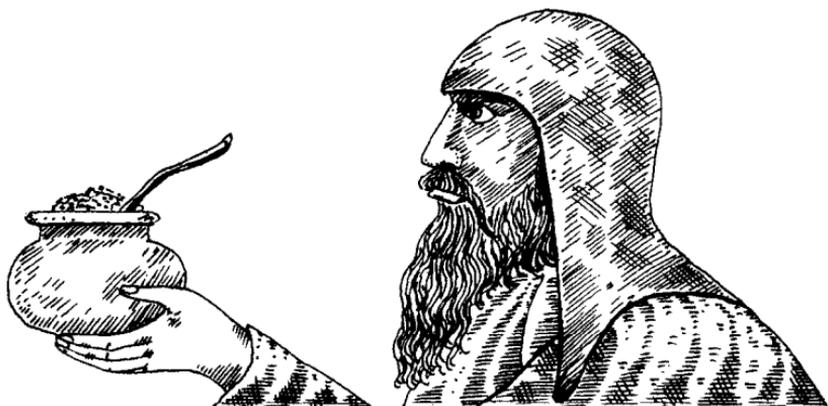
Очень большую долю наших источников составляют документы, так или иначе связанные с церковью. Следует быть осторожным и понимать, что далеко не всегда те требования, которые предъявлялись народу в качестве образца поведения, полностью выполнялись или одобрялись большинством населения.

Пару слов нужно сказать и о впечатлениях иностранцев, по тем или иным причинам оказавшихся в России. С одной стороны, это просто бесценный источник сведений. Именно иноземцы готовы были с интересом фиксировать те моменты, на которые сами русские могли просто не обращать внимания, как на нечто абсолютно обыденное и непримечательное.

Но нельзя забывать, что иностранцы были также людьми своей эпохи, со своими предрассудками и стереотипами в от-

ношении России, которые распространялись и на пищевую сферу. Кроме того, многочисленные преувеличения, искажения фактов могли вызываться самыми разными мотивами. Стремлением развлечь читателя, который сам в России никогда не бывал и готов был поверить любым сведениям. Или наоборот, желанием на примере русских дать поучительный пример своим землякам.

Еда — соблазн или благо?

Отношение к процессу еды в христианской традиции всегда было довольно сложным. Собственно говоря, именно в отношении к еде наиболее остро проявляется один из основных богословских вопросов — взаимосвязь духа и плоти.

С одной стороны, идеалом являлась именно духовная жизнь, которая должна была как можно меньше зависеть от позывов плоти. А стремление к пище, пожалуй, самое сильное из телесных потребностей. Это не могло не сказаться на крайне настороженном отношении церкви ко всему связанному с процессом телесного насыщения.

С другой стороны, пища — это дар Божий. Сам Иисус заповедовал молиться о ниспослании хлеба насущного. Одно из самых впечатляющих чудес Евангелия — это эпизод с насыщением огромной толпы пятью хлебами.

Да и центр христианского богослужения — литургия базируется на идее чудотворного превращения в плоть Христову именно пищи, хлеба.

Попытка найти компромисс между этими противоположностями приводит к позиции, согласно которой еда является благом, когда она служит для обеспечения нормального

функционирования тела, поддержания его здоровья, но представляет собой зло, если потребляется исключительно ради удовольствия.

Жизнь, конечно, оказалась сложнее любых схем.

Одним из грехов, по понятиям святых отцов, на чье мнение опирается и автор «Домостроя» Сильвестр, была критика еды, которую предлагают на трапезе. «Хулить не следует, говоря: “это гнилое” или “кислое” или “пресное”, или “соленое”, или “горькое”, или “протухло”, или “сырое”, или “переварено”, или еще какое-нибудь порицание высказывать».

О подобном прегрешении должны были в обязательном порядке спрашивать священники на исповеди. «Не хулил ли ядения или пития?» «Похулил на трапезе еду и питье?»

Любая еда — это дар Божий, который следует принимать с благодарностью. И Бог, соответственно, воздаст за правильное отношение к Его дарам. «Тогда и Бог придает пище благоухание и превратит ее в сладость».

Не случайно, за трапезу было принято благодарить не хозяйку, а Бога, который считался подателем всех благ.

Особенно сильно чувство Бога как единственного кормильца выразалось у всякого рода вольных людей, которые не привыкли к регулярному труду. Вот типичная реплика казаков, зафиксированная в «Повести об Азовском сидении»: «Кормит нас Бог молодцов на поле Своею милостию, зверьми дикими, да морскою рыбою питаемся, яко птицы небесные ни сеем, ни орем, ни в житницы собираем, а сыти бываем».

Вкус еды зависит не только от самой пищи, но в большей степени от того, в какой атмосфере ее вкушают. Трапезничать следует в молчании или ведя благочестивую беседу, обязательно сопровождая еду благодарственной молитвой. Вот тогда «есть и пить с благодарностью — будет сладко».

Но если сидящие за столом позволяют себе праздные разговоры, смех, непристойности, игры, то ангелы отойдут от этой трапезы, уступив место врагам рода человеческого. «И приступят тут лукавые, влагая в помысл всякую злобу, вражду и ненависть, и подвигнут мысли на блуд и на гнев и на всякое кощунство и сквернословие, и на всякое прочее зло, — и вот уже дело, еда и питье, не спорятся». Еда и питье становятся

ся невкусными, несладкими, они не радуют людей, а тешат только бесов. «И если едят в благоговейном молчании или за духовной беседой, тогда им невидимо ангелы предстоят и записывают дела добрые, а еда и питье тогда в сладость. Если же станут еду и питье хулить, точно в отбросы сразу превращается то, что едят».

За такой непотребной трапезой становятся возможными самые разные грехи. И один из самых страшных то, что «дар Божий — еду и питье, и плоды земные — на посмешище бросят, прольют». Наказание за эти грехи, по мнению Сильвестра, будет скорым и суровым. «Но все такие деяния предстанут в день Страшного суда: о, горе — творящим такое! Когда иудеи сели в пустыне есть и пить и, объевшись и упившись, начали веселиться и блуд творить, тогда земля поглотила их — двадцать тысяч и три тысячи. О, уstraшитесь тем, люди, и творите волю Божью так, как в законе писано; от такового злого бесчинства сохрани, Господь, всякого христианина, Есть и пить вам во славу Божию, не объедаться, не упиваться, пустых речей не вести».

Вкус пищи зависит не столько от нее самой, сколько от того, кто и с каким настроением ее вкушает. Вот какой случай произошел с одним прозорливым старцем: «Раз один прозорливый старец наблюдал над иноками, которые сидели за трапезой и все вкушали одинаковую пищу. И видел он: одни из них вкушали мед, другие хлеб, а третьи нечто весьма нечистое. Удивился старец такому различию во вкушении и стал молиться Богу, говоря: “Господи, открой мне эту тайну: ведь на трапезе всем предложена одинаковая пища: почему же она так изменена для некоторых и представляется, что одни едят мед, другие хлеб, а иные нечто нечистое?” И, вот, старец услышал свыше глас, говорящий: “Которых ты видел ядушими мед, — это те, которые со страхом и трепетом и радостью духовною сидят на трапезе, и непрестанно молятся, и молитва их, как кадило, восходит к Богу, потому пища и медом им кажется. Те же, которых ты видел вкушающими хлеб, — это которые довольны пищею, посылаемою им от Бога; а те, которые, казалось, едят нечто нечистое, — это которые при вкушении пищи ропщут и говорят: это хорошо, а это гнило. Поэтому не следует так помышлять, а благодарить и славить Бога, чтобы

исполнилось сказанное: аще ясте, аще ли пьете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите”».

Отношение к приготовлению пищи, духовный настрой очень важны. Они влияют и на вкус приготовленных блюд. Князь Изяслав очень часто присутствовал на скромных монашеских трапезах в Печерской обители, на которой все угощения сводились к хлебу, чечевице и небольшому количеству рыбы. Тем не менее князь с удивлением задавался вопросом: «Вот, отче, ты же знаешь, что всех благ мира полон дом мой, но никогда я не ел таких вкусных яств, как у тебя сегодня. Слуги мои постоянно готовят разнообразные и дорогие кушанья, и все же не так они вкусны. И прошу тебя, отче, поведай мне, отчего так вкусны яства ваши?»

Преподобный Феодосий не стал скрывать от своего духовного сына этот секрет. «Если хочешь узнать это, добрый владыка, так послушай, что расскажу тебе. Когда братия монастырская хочет варить, или хлебы печь, или другое что-либо делать, то прежде всего идет один из них за благословением игумена, после этого трижды поклонится перед святым алтарем до земли, и зажжет свечу от святого алтаря, и уже от той свечи разжигает огонь. И потом, когда воду наливает в котел, говорит старшему: “Благослови, отче!” И тот отвечает: “Бог да благословит тебя, брат!” И так все дела их совершаются с благословением. А твои слуги, как известно, делают все, ссорясь, подсмеиваясь, переругиваясь друг с другом, и не раз бывают побиты старшими. И так вся служба их в грехах проходит».

Но зато если пища была приготовлена без должного благословения или с нарушением обета послушания, то и сама еда из благословения Божьего превращалась в соблазн, с которым следовало жестко бороться.

Так, Феодосий однажды приказал келарю подать на стол белый хлеб, присланный в монастырь кем-то из благотворителей. По какой-то причине в этот день многих из братии в монастыре не было, и келарь решил, что правильнее будет предложить всем монахам угощение на следующий день. Когда Феодосий увидел эти хлебы на следующей трапезе и узнал все обстоятельства, он безо всякого сожаления приказал выбросить весь хлеб в реку, а на келаря наложил епи-

тимью. В данном случае подвижник хотел не утвердить свою власть, а всего лишь в очередной раз доказать братии библейский принцип «довлеет дневи злоба его». Вот как высказался по этому поводу сам Феодосий: «Следовало бы не заботиться о будущем дне, а сделать так, как я повелел. И сегодня бы Господь наш, постоянно о нас заботящийся, еще больше бы позаботился и подал бы нам, что потребно».

Точно так же Феодосий велел бросать в печь любую еду, если узнавал, что она приготовлена без получения благословения.

Уже после смерти Феодосия следующий игумен Никон, по обычаю, приказал келарю в первую пятницу Великого поста приготовить для братии белый хлеб с медом и маком. Но келаря одолела жадность, и он сказал, что муки для приготовления такого хлеба нет.

В тот же день Божьим промыслом благодетели прислали в монастырь именно такие хлебы.

А вот когда келарь приказал использовать в пищу муку, которой якобы не было, то пекари в горячей воде для заливания теста обнаружили сварившуюся жабу, осквернившую трапезу. Еще один достойный урок был подан таким образом маловажным.

Отношение к еде можно косвенно отследить по тому, какое отношение существует в обществе к тем, кто занимается приготовлением пищи. Насколько почетным считается это занятие.

Практически все отзывы о профессии повара в допетровской Руси связаны с монастырской практикой. Послушание в поварне считалось одним из самых тяжелых. Но в то же время его нельзя назвать непрестижным. Оно вполне укладывалось в рамки представлений о духовном подвиге. Человек, безропотно выдержавший такое послушание, заслуживал всяческого уважения.

Так, преподобный Даниил Переяславский незадолго до своей кончины велел отдать две свои власяницы именно монастырским поварам — монаху Евстратию и иноку Иринару. Даниил рассказал, что он в свое время хотел заменить Евстратию послушание, но тот умолил его не делать этого, так как

видел в такой работе много духовной пользы для себя. Новый игумен, по завещанию Даниила, не должен был лишать Евстратия этого духовного упражнения.

У поваров довольно рано, уже в IX веке, появился свой святой покровитель. Им стал монах одного из египетских монастырей по имени Ефросин, который всю свою монашескую жизнь нес послушание на кухне. Выглядел он, видимо даже по монастырским меркам, довольно непрезентабельно. По крайней мере, остальные монахи над ним постоянно подшучивали, а то и издевались.

Но игумен монастыря догадывался, что за неприглядной наружностью скрывается светлая душа. И вот однажды ночью настоятель увидел во сне настоящий райский сад. Игумен захотел сорвать с ветвей особо приглянувшиеся ему яблоки, но ветви все время уходили вверх и не давали этого сделать. Выручил старца Ефросин, который каким-то образом также очутился в этом саду и смог без всякого труда сорвать фрукты с ветки.

Сон имел чудесное продолжение, так как, проснувшись, настоятель обнаружил у себя в руках те самые чудесные яблочки. Игумен велел немедленно привести к себе Ефросина и начал расспрашивать его. Ефросин долго пытался отмолчаться, но потом все же ответил: «Это те яблочки, которые я сорвал для вас. Ты, отче, просил Господа показать тебе в чувственном виде воздаяние рабам Его, и Господь благоволил твоему преподобию показать сие через меня, худого и недостойного, и вот ты увидел меня в раю».

После того как вся братия узнала о произошедшем чуде, все они раскаялись и слезно просили у Ефросина прощения. Сам же чудесный повар покинул обитель для отшельнического подвига, а вскоре после своей кончины был причислен к лику святых.

Профессия повара удостоилась похвальных слов от весьма почитаемого в православном мире святого Феодора Студита. Вот как святой обращался к поварам: «И к тебе слово, чадо мое, поваре, — каждодневно борющийся в огне, колющий дрова, варящий яства, воду носящий, очищающий и омывающий овощи, коптящий лице свое, загрязняющий одежды, потеющий и жарящийся, усиливаясь всячески успеть предло-

жить братии потребные яства, — ты со святыми честь иметь будешь и лоно Авраамово тепле упокоит тебя».

По мнению Феодора Студита, заниматься пропитанием братии — это почетная обязанность, и люди, которые ее осуществляют, заслуживают самых теплых слов и будущей небесной награды. «Ты — келарь, уповай на Бога и “возмогай в державе, крепости Его” (Еф. 1:19). Преиждивай в попечении о братиях. Стяжая их, Бога стяжаешь: ибо не людей питаешь, но если хочешь, Апостолов Божиих. Приготовляй и давай им и яства и питья, — лучшие из того, что имеешь; но ни приправ, ни сластей, и ничего, чем живущие для чрева — набивают его, да не будет. Это не идет для благочестивых. Но овощи, хлеб и вода — вот все учреждение для них. В этом Отцы наши находили великое утешение. И ты, чадо мое, “повар добрый”, попекись о братстве, приготовляя ему съедомое в утешение, да воссияешь в царствии небесном, как солнце. Вы — “огородники и садовники”, работайте, и старайтесь довольствоваться братий, доставляя им всякого рода овощи; да угождая им, Богу угодите, и удостоитесь насладиться вечным покоем».

Когда преподобного Кирилла Белозерского перевели с поварни на другое послушание, он сильно сокрушался, что теперь его не охватывает такое же умиление и молитвенный настрой, как на прежнем месте. Чайния Кирилла сбылись, его вернули в поварню, где он еще с большим усердием выполнял свой долг. Уже будучи настоятелем, за своими возросшими обязанностями он не забывал про питание братии и регулярно посещал поварню и даже сам принимался за кухонную работу. «Был у блаженного, — говорится в “Житии Кирилла Белозерского”, — и такой обычай: отпев утреннее славословие и исполнив свое обычное правило, приходит в поварню посмотреть, какое будет братьям угощение. Блаженный просил служителя приготовлять братьям пищу, стараясь изо всех сил. А иногда и сам он своими руками помогал приготовить пищу и готовил братьям всевозможные блюда».

Кухонная утварь считалась вполне достойной для того, чтобы с ее помощью проявлялось присутствие божественных сил в нашем мире. Вот о какой достопримечательности рассказывал новгородец Стефан, побывавший в качестве паломника в Константинополе: «И тут стоит доска для раскатыва-

ния теста, на которой само по себе появилось изображение святой Богородицы с Христом: просвирник насыпал муку на доску и вылил воду, и из муки на доске раздался крик ребенка. И, ужаснувшись, просвирник бросился к игумену и братии. И пришли игумен и братия, и увидали на доске образ святой Богородицы с младенцем Христом».

Бог может показывать свои знамения, обозначать свое присутствие через пищу. В окрестностях обители Сергия Радонежского жил один богатый и злой человек. Однажды он отнял у своего бедного соседа борова и велел его заколоть. Денег же бедняку отдавать не собирался. Узнав о таком произволе, Сергей провел с грешником долгую беседу и получил от него обещание по справедливости расплатится за свинину. Но после ухода из обители того человека вновь одолела жадность. Он забыл о своем обещании. И вот когда он открыл дверь в кладовую, где находилась туша злополучного хряка, то в ужасе увидел, что она вся загнила и буквально кишит мерзкими червями. Что особенно подчеркивало чудесный характер произошедшего — в это время была суровая зима, когда по естественным причинам с мясом такое вряд ли могло произойти.

После такого урока скупой окончательно был вразумлен.

Даже остатки пищи могут претворяться в сакральные вещества. Так, за святой Февронией многие примечали, что перед тем, как встать из-за стола, она собирает крошки в рукав. Кто-то из слуг ее супруга, князя Петра, пожаловался, что княгиня ведет себя «не по чину», словно последняя голодная нищенка. Петр решил сам отобедать с женой. Когда же после трапезы он взял Февронию за руку и разжал ее, то оказалось, что хлебные крошки превратились в ладан и фимиам.

Но и злые силы не обходили вниманием пищу, старались осквернить, испортить ее. Бесы частенько проказничали в Печерской обители, рассыпая муку или разливая закваску. Понадобились молитвы самого блаженного Феодосия, чтобы подобные пакости прекратились.

Благодать Божья вполне может сравниваться с трапезой. Автор жития Сергия Радонежского следующим образом выражает надежду на достижение вечного блаженства: «Ведь если другие достойны, я не достоин, стремлюсь и желаю хотя бы

крупницы от трапезы избранных получить: может ведь и множество крупниц насытить алчущую душу... Ведь пищей ангельской в Писании духовные слова называются, которыми наслаждается душа и внимает ум».

Уподобление трапезе самых сокровенных богословских понятий и событий священной истории встречается и в известном «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. Вот как описывается явление в мир Иисуса Христа: «Когда Христос явился на земле, тогда не была еще благодать окрепшей, но младенчествовала прежде более чем тридцать лет, кои и Христос провел в безвестности. Когда же вскормлена уже была и окрепла благодать и явилась на реке Иорданской всем людям, устроил Бог трапезу и великий пир с тельцом, воскормленным от века, Сыном своим возлюбленным Иисусом Христом, созвав на всеобщее веселие небесное все и земное, совокупив воедино ангелов и людей». Сравнение Богоявления с трапезой, видимо, казалось органичным и благочестивым.

Различия между радостями мира земного и мира небесного неоднократно подчеркиваются в духовной литературе. Но с другой стороны, выразить всю радость от будущего блаженства так, чтобы это было понятно читателям, проще всего с помощью уподобления трапезе. Очень хороший пример этого дает «Житие Ефросинии Полоцкой»: «Ибо хочу я вам предложить трапезу из этих яств, чтобы, вкушая, возрадовались вы душами вашими. Ибо вот трапеза из нетленных яств; тленные яства услаждают гортань и насыщают чрево, эти же радуют душу и укрепляют ум на свершение добрых дел. Кто этими яствами, братья, насытится, тот не возжаждет вновь, как сказано в Писании: “Господь не заморит гладом души праведных”».

Даже в божественных видениях мы встречаем пищевые образы. Святой Корнилий отличался нищелюбием и старался регулярно, несмотря на голод, накормить любого нищего пришедшего к обители. И вот однажды присевшему отдохнуть Корнилию приснился сон. «И видит пришедшего к нему почтенного старца, украшенного сединами, по образу похожего на Антония Великого, который взял его за руку и сказал: “Корнилий, иди за мной”. И вывел его на некое

ровное место, и показал ему по одну сторону просфиры, а по другую — калачи, и сказал ему: “Это твои просфиры и калачи, которые ты дал нищим, прости же одеяние свое”. Он же простер. И стал класть в подол просфиры и калачи, пока не стали они высыпаться от избытка. Вздрогнул он и очнулся, и удивился чудному видению. И поведал нам это сам старец Корнилий со слезами, и заповедал нам не только при жизни своей подавать неоскудно милостыню нищим, но и по его преставлении».

В духовных стихах старообрядцев — в жалобе Адама, тоскующего по утраченному раю, — можно встретить такую строку: «Не видеть мне больше райской пищи». Впрочем, говоря о райском блаженстве, трудно было избежать пищевых ассоциаций. В христианстве в отличие от ислама отсутствует подробное описание удовольствий, которые ждут благочестивых и правоверных. Но речь часто идет именно о «вкушении», противопоставляемом земному. Феодор Студит наставляет монахов: «Еще мало елико-елико туда достигнете вратами смерти и начнете ненасытно и вечно вкушать то и пить. Здесь же, если возьмем блага даже такие, какие в царских чертогах, они не сладость, а пища червей, — вкушение их не благоживотие, а безживотие, — услаждение ими не радость, а печаль, — обрадование ими, не обладание, а лишение, — наследие их подлинно суета сует, как изрек мудрейший Соломон, полно насладившийся утехами мира».

Впрочем, встречаются и более конкретные образы, напоминающие о мусульманских реках, наполненных вином, молоком и водой, которые протекают по раю. Вот какое описание рая приводится в «Житии Андрея Юродивого»: «Рай тот был очень велик и в длину, и в ширину, увидел я посередине поле, а на поле том не было сада, но само поле было прекрасно и светло, покрыто травой и многими цветами, источниками, из которых вытекали понемногу молоко и мед... Как вымолвлю, как расскажу, с чем сравню эти мед и молоко, с мирром ли, с мускусом? Ведь мы только люди, уподобить их чему-нибудь иному или назвать — не умеем. И когда увидел я эту пажить покоя, удивился Божьим чудесам».

Рай познается чувственно, через вкусовые впечатления и в «Сказании о Макарии Римском». Вот как описывают свои

впечатления три монаха, побывавшие в райских кушах: «Сон нас сморил, и мы уснули, и встали, когда начали слипаться губы наши от сладости, превосходящей сладость меда и медовых сот».

Еще один путешественник в рай, старец Агапий, уносит из чудесного места кусок хлеба, который никогда не кончается и с помощью которого Агапий совершает множество чудес. Этому хлебу, правда, дается аллегорическое толкование — под ним понимается Евангелие, которое должно разойтись среди всех народов.

Понимание благих слов как пищи встречается и у известного старообрядческого проповедника Аввакума. Вот с какой скромностью он отзывался о своих просветительских трудах, подчеркивая, что пользуется чужой мудростью: «Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостыню просящу. День той скончав и препитав домашних своих, на утро паки поволокся. Тако и аз, по вся дни волочась, собираю и вам, питомником церковным, предлагаю, — пускай, ядше, веселимся и живи будем. У богатова человека, Царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадских людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрал кошел, да и вам даю, жителям в дому Бога моего. Ну, ешьте на здоровье, питайтесь, не мрите с голоду».

У некоторых священнослужителей могло существовать мнение, что получение удовольствия от пищи в любом случае является делом греховным, уступкой, который слабый дух делает грешной плоти.

У нас в России не обошлось без своего Франциска Ассизского, правда, менее известного. Так, Никодим Кожезерский, подвизавшийся в северных лесах, позволял себе питаться рыбой не раньше, чем она как следует вылежалась и покрылась червячками, чтобы избежать греха чревообъедения.

Настоятель Валаамского монастыря Сергей в уставе специально выделил пункт, по которому нужно было: «Еду есть самую простую — какую подаст Бог, а сложные хитроумные

блюда, с ухищрениями приготовленные, — такие вовсе запретил, даже когда сделает Господь то место зажиточным».

Бог может сделать так, что человек полностью перестает нуждаться в пище для поддержания телесных сил. Феодосий Печерский два года ухаживал за парализованным иноком Исаакием, который в течение всего этого времени не принимал абсолютно никакой пищи, а впоследствии исцелился.

Стремление к благой жизни не может не привести к отказу от наслаждения пищей. Так, Феодосий Печерский уже в молодости хоть и вынужден был, выполняя сыновний долг послушания, присутствовать на пирах, но не вкушал там ни крошки.

Любая пища может стать достаточной для подкрепления сил человека, если на то будет Божье благоволение. Так, оклеветанный Григорий, будущий святой Гурий, был заточен в земляную темницу. На три дня ему выделяли для питания по снопу овса. На такой диете Григорий провел почти два года, но не только не потерял силы духа, но и телом не ослаб.

Более того, когда один из его друзей подкупил тюремного сторожа и предложил через него передавать Григорию нормальную еду, то мученик отказался, заявив, что «его питает многая и преизобильная благодать Божия».

По-настоящему благочестивые отшельники, полностью погруженные в молитвенное созерцание, даже и не осознают, принимают они пищу или нет. Однажды настоятель решил испытать отшельника Филимона и в течение двадцати дней не посылал ему в затвор хлеба. Какова же была реакция подвижника?

«Он же ни хлеба не попросил и ничего на это не сказал. Тогда сотворив поклон, я спросил: сотвори любовь, отче, и скажи мне, не оскорбился ли ты, что я не приносил тебе по обычаю поесть. Он сказал: прости брате! Если двадцать дней не дашь ты мне поесть хлеба, я не попрошу его у тебя; ибо доколе терплю душой, терплю также и телом. Так был он занят созерцанием истинного блага».

Греховна не сама потребность в пище, а излишество, которое нельзя встретить даже у животных. Тело может быть и врагом и сподвижником человеческого духа. Главное не запутаться и точно определить, какую роль оно играет в данный момент

и как следует относиться к телесным желаниям. «Подвизающемуся необходимо знать когда и какими яствами следует питать тело, как врага, и когда следует утешать его и подкреплять, как друга изнемогшего: чтобы по ошибке не предложить ему дружеского питания, когда оно враг, и вражеского, когда оно друг, и, раздражив его тем и другим, не найти его, во время искушения, на стороне борющихся врагов» (пресвитер Илия).

Хотя любая еда — это дар Божий, но все-таки далеко не всякую пищу можно позволить себе вкушать. Существовали факторы, которые могли сделать ее вредной для благочестивого человека. Особенно это касалось монашествующих.

Так, в монастыре, где игуменом был преподобный Корнилий Комельский, хлебопек однажды приготовил хлеба, не получив предварительно благословения настоятеля. Корнилий преподнес урок всей братии, заставив выбросить неблагословленный хлеб за монастырскую ограду. В этом случае, как можно видеть, подобный поступок не воспринимался как пренебрежение Божьим даром.

Процесс поглощения пищи также строго регламентировался. Разумеется, монахам еще в большей степени, чем мирянам, предъявлялось требование не допускать за столом смеха и разговоров. За нарушение этих правил вполне можно было получить послушание в виде дополнительных поклонов.

Способствовать особой атмосфере за принятием пищи должен был общехристианский обычай душеполезного чтения во время трапезы. Монахам следовало обращать больше внимания на читаемые жития святых, чем на пищу.

Одним из главных требований было всегда оставаться довольным поставленной перед тобой едой. Не допускались никакая критика пищи и ее недоброжелательное обсуждение. Смотреть следовало прямо перед собой, не рассматривать, что в тарелке у соседа. Нельзя ничего было предлагать другому брату из своей порции или принимать еду у него, чтобы не вводить других в грех обжорства. За подобные нарушения вполне можно было получить день на сухой пище. Запрещалось просить добавки за трапезой. Правда, монахам оставили возможность смиренно согласиться, если добавочное угощение предлагали сами прислуживающие за трапезой.

Даже если монаха обнесли блюдом, он не имел права сам привлечь к этому внимание. Ему оставалось лишь надеяться, что кто-нибудь из несущих послушание в трапезной заметит этот печальный факт. Судя по всему, подобное испытание с неподанной пищей не так уж редко специально использовалось настоятелями, чтобы проверить, насколько братия овладела духом христианского смирения и послушания.

Взаимные визиты монахов в кельи друг к другу в принципе не поощрялись. Но и здесь можно увидеть дополнительный запрет на предложение какого-либо угощения как со стороны гостя, так и хозяина. По-видимому, подобное правило вступало в определенное противоречие с представлениями о необходимости гостеприимства, которое соответствовало и христианским идеалам. Поэтому со стороны опытных старцев следовало подробное разъяснение, что радушие в данном случае не проявление благожелательности, а, наоборот, бесовская уловка, способствующая духовному падению.

Человеческую натуру перебороть тяжело. Поэтому в житийной литературе часты примеры, когда излечение от греха чревоугодия становится возможным не после наставлений игумена или наказаний, а только после самого настоящего чуда.

Одно из таких чудес произошло в Обнорском монастыре. Два инока из этой обители какое-то время прожили в другом монастыре и переняли целый ряд дурных привычек, от которых им оказалось трудно избавиться. Однажды они решили приготовить дополнительную трапезу у себя в келье. Один из монахов возился с варевом, а другой отправился на поиски хлеба. Когда он вернулся, то застал своего товарища лежащим на полу и извергающим пену изо рта.

Монах, надо отдать ему должное, быстро сообразил, из-за чего произошло это несчастье. Он взмолился преподобному Павлу Обнорскому и клятвенно пообещал никогда больше не грешить подобным образом. Этого оказалось достаточно, чтобы излечить товарища.

Но далеко не всегда подобные истории заканчивались столь благополучно. Другой инок Обнорского монастыря за пристрастие к вкушению пищи в своей келье навсегда остался калекой. Наказание свершилось прямо во время службы. Руки и ноги монаха внезапно ослабли, он упал. Придя в себя,

он смог покаяться, но левая рука и нога так и остались парализованы в назидание всей братии.

По отдельным репликам Сильвестра в «Домострое» можно предположить, что получение удовольствия от еды не рассматривается как нечто недозволенное, греховное. Это вполне заслуженная радость.

Вот, например, реплика про пироги: «А когда пекут хлеба, того же теста велеть отложить да пироги сделать; и если пшеничный пекут, то из обсевков велеть пирогов наделать, в скоромные дни со скоромной начинкой, какая случится, а в постные дни с кашей или с горохом, или с вареньем, или с репой, или с грибами, и с рыжиками, и с капустой, или с чем Бог подаст, — все семье в утешенье».

Или, допустим, рекомендации по обращению с барашком: «У жены хозяйственной и у хорошего повара замыслов много: из грудинки сварить отвар, почки — начинить, лопатки — прожарить, ножки яичками начинить; печень изрубит с лучком и, пленкою обернув, на сковороде изжарит, легкие, также с молочком с мукой да яичками разболтав, нальет, а кишечки зальет яичками, из бараньей головы мозжок с потрошком в отваре сготовит, а рубец начинит кашкою, а почки — сварить или, начинив, изжарить, — и если так делать, от одного барана много радости будет».

Смысл поучений Сильвестра в основном сводится к рекомендации быть экономным, но показательно, что, кроме пользы и выгоды, встречается и такая категория, как радость.

Вот еще один пример того, что, с точки зрения Сильвестра, возможно сочетать получение удовольствия от еды со строгой экономией. «Потроха, головы, уши, губы, височные кости и мозг, кишки, рубцы, осердье, копыта, ноги, печень обработают женки да кашею жирной начинают со шкварками — а каша овсяная или гречневая, ячневая и всякая, какую захочешь. Если же не доедят потрохов за осень, пригодятся они в рождественский мясоед, а рубцы и губы, и уши, и ноги коровьи во весь год сгодятся на студень; когда ни делай студень — всегда удовольствие». «Свиной же, выращенных дома, забивать в осень и туши также про запас засолить, а голова и ноги, и сало, и желудки, и кишки, и потрох, и спинка осе-

ню и зимой пригодятся; у заботливого хозяина и заботливой хозяйки в добром хозяйстве во всем изобилие, и всегда удовольствие и себе, и семье, и гостям. Да и не убыточно: кто на рынок, а ты в клеть».

Дополнительное удовольствие от еды, с точки зрения Сильвестра, вызвано как раз возможностью сэкономить, избежать ненужных расходов. Вполне логично, что, когда хозяину приходится все-таки переплачивать, это сказывается и на удовольствии от пищи не в лучшую сторону. «И не будет чего в запасе, а для гостя или себе понадобится что купить, такого на рынке не сыщешь, а если и достанешь не в пору — и купишь втридорога, и кусок не в радость».

В поучениях Сильвестра легко можно заметить противопоставление «покупное — сделанное самим», в котором предпочтение явно отдается последнему. Причем домашней пищи достать даже за деньги нереально. «Редька, хрен, капуста, крепкий рассол и разные овощи, что Бог послал; в иные же дни, по гостям судя, и икра, и рыба вяленая, сушеная, вареная, и уха из вяленой, копченой, вареной рыбы и всяких потрохов, и сушеных немецких сельдей, из снетков, а еще и в рассоле, и в пирогах, и в каше, и в овощах, и разный снеток, и любые пироги, и каши, и блины, и кисели, — всякой постной еды у доброй хозяйки много. А все это Бог послал в дом — ничего на рынке не купишь».

Кроме того, опять же, использование домашней еды дает возможность сэкономить, а в идеале даже нажиться. «А возле тына, вокруг всего огорода, там, где крапива растет, насеять борща, и с весны варить его для себя почаще: такого на рынке не купишь, а тут всегда есть; и с тем, кто в нужде, поделится Бога ради, а если борщ разрастется, то и продаст, обменяв на другую заправку».

Вот как характеризует Сильвестр возможность кушать овощи со своего огорода: «А летом наслаждение: ест дыни, горошек, морковь, огурцы и всякие овощи, а коли послал Бог и больше чего уродилось, то еще и продаст».

Иногда у довольно спокойного автора прорывается эмоциональная реакция, которая позволяет увидеть личность писавшего за набором поучений. Видимо, это происходит, когда он рассказывает об особо полюбившихся блюдах. Вот очень

по-человечески близкая нам реплика из XVI столетия: «Ох и сладки бывают вишни, в патоке перепущенные!»

Вообще бросается в глаза, что Сильвестр перечисляет в своей книжке огромное количество блюд, но подробных рецептов дает всего четыре. Это мазуни из редьки, редька по-царьградски, леваша из всяких ягод и яблочная пастила. Наверное, не будет слишком рискованным предположить, что автор «Домостроя» был большим сладкоежкой.

Подробных рецептов от той эпохи сохранилось немного, да и книжка не об этом, но все-таки не удержусь. Вдруг кто-то захочет приготовить старорусские сладости. Вот рецепт: «Делать мазуни. Редьку, какая крепка да ядрена, резать на тонкие ломти, вздеть хвостиками на нитку да вывялить на солнце или в остывающем жару (после выпечки хлеба у печи повесив), чтоб друг друга не касались ломтики. А как все высохнет и места сырого не останется, насухо протереть да истолочь и просеять сквозь мелкое сито, положить в горшочек всю, сколько получится муки редечной; в то же время патоки светлой сварив, не кислой (только вскипит — пену снять дочиста) — положить в редечную муку вскипевшей патоки столько же, сколько есть и муки. Да не забудь мускату, гвоздики, перцу и шафрану по вкусу, чтобы не было ничего чересчур, чувствовалось бы, но в меру. Затем запечатать все в горшке тестом, парить в печи два дня и две ночи, тогда и в сладость все; если же получится жидко, добавь редечной мучки и разбавь до густоты, какая бывает у пластовой икры».

Желание вкусно поесть вполне нормально, и хозяйка должна приложить все усилия, чтобы это желание удовлетворить в любой момент. «Только дома водятся куры и яйца, и сметана, и сыры, и всякое молоко — так что в любой день праздник и удовольствие: не на рынке куплено. Различные пироги, блины, рулеты, кисели, и разное молоко, — чего захотелось, все уже дома готово».

Вполне разумным представляется и необходимость разнообразного питания, смены блюд. «Тогда у мужа впрок припасено все: и рожь, и пшеница, и овес, и греча, и толокно, и всякие припасы, и ячмень, и солод, горох, конопля; в пост любые яства, сменяя, каждый день готовят сами, жена со слугами; и семья сыта, и все довольны».

Вознаграждение за праведную жизнь вполне может прийти в виде пищи — обильной и разнообразной. Бог податель не только духовных радостей, но и всех материальных благ. В «Домострое» эта мысль проявляется крайне отчетливо. «И глядишь, такому доброму человеку и доброй жене его Бог пошлет приплоду побольше у коров и свиней, и у уток, и у гусей; у коров молока и сметаны больше, масла и сыра, и кур, и яиц; сами всегда едят жирно да и кормят людей».

Приготовление пищи в монастыре рассматривалось как священнодействие и соответственно сопровождалось многочисленными ритуалами, подчинялось определенным правилам и запретам.

Еще до начала утреннего богослужения повар и хлебник приходили в церковь и трижды земно кланялись перед царскими вратами алтаря. После этого они просили огня у настоятеля или епископа (служителя, наблюдающего за порядком). Тот зажигал лучину от лампы и вручал повару. Именно от этого огня зажигались монастырские печи, чтобы еда также получила частицу божественной благодати.

Известно, что в любом монастыре кроме монахов всегда присутствует определенное количество трудников — людей, которые хотят помочь братии своим трудом и понемногу приобщаются к монашеской жизни. Этим трудников использовали на самых разных работах, но непосредственно в приготовлении пищи они участвовать не могли. Это могло быть только монашеским послушанием, что много говорит о восприятии процесса приготовления трапезы. Кстати, трудникам, в отличие от монахов, в праздничные дни могли готовиться мясные блюда, но происходить это должно было вне стен монастыря.

В монастыре признавали существование у человека тех или иных пищевых пристрастий и позволяли в определенных пределах самому определять свой рацион. Так, в непостные дни молочную кашу или молоко можно было заменить яйцами. Репа могла по желанию заменяться огурцами.

Из всех возможных способов приготовления рыбы больше всего по вкусу монашествующим была свежепросоленная и свежая, жаренная на сковороде. Такая трапеза могла даже в богатых обителях подаваться всего лишь несколько раз

в году. Так, любимым блюдом братьев Кирилло-Белозерской обители были «крушки», их подача к столу особо отмечается в записях келаря. Судя по всему, этот деликатес представлял собой тонко нарезанное рыбное филе, зажаренное до хрустящей корочки.

Во многих обителях значительное разнообразие в обычный характер трапез могли внести заздравные или заупокойные корма, которые выделялись монастырю. В Волоколамском монастыре эти корма было принято разделять на три чина: большой, средний и малый. Большой корм полагался во здравие или за упокоевание самого государя и включал в себя «свежую жареную рыбу, два “варива” с маслом, два рыбных блюда со “взваром” и с горчицей, калачи белые “не в меру” (то есть неограниченно), пироги двух видов: одни — с яйцом и перцем, другие — с сыром — и по две оладьи с медом на брата».

Совместные трапезы имеют в истории христианства глубокие корни. Известно, что богослужения первых последователей Христа сопровождалась трапезами — агапами, которые должны были служить воплощением братской любви. При этом со стороны зарождающейся церкви можно отметить стремление к отказу от обильности и пышности застолий. Главным в агапах должна была быть взаимная любовь, а не количество пищи.

Климент Александрийский предупреждал: «Тягчайшее из всех падений есть то, когда непреходящая любовь, эта жительница и дитя неба, низвергается с неба на землю в супы». Он же привел и наилучшее меню для агап: «Лук, маслины, разную зелень, молоко, сыр, а также фрукты, разные морсы, — без супов; если же нужно, можно прибавить вареного мяса».

Интересно, что именно агапы император Юлиан Отступник, который получил известность тем, что вернулся к язычеству и начал активную борьбу с христианством, считал наиболее опасными для языческой религии. По мнению императора, совместные христианские трапезы способны были удержать и привлечь новых членов в христианскую церковь. «Таким же способом начинают с так называемых у них агап, угощения, служения за трапезами; как учреждение это, так и самое имя его (*греч.* агапэ — любовь. — Д. З.) у них мно-

го значит; наиболее вовлекло то и другое в безбожие». Под безбожием Юлиан понимает как раз христианство.

Впрочем, уже к IV веку агапы постепенно исчезают из богослужебной практики. Судя по всему, причиной явилось как раз то, что многие превращали эти трапезы братской любви в обильные пирушки, на которых далеко не всегда соблюдалась добродетельность. Церковь не захотела ассоциироваться с подобными мероприятиями.

Святой Дорофей, известный своими душеспасительными поучениями, разделял грех чревоугодия на две категории. Первая — это чревобесие, при котором человек стремится набить свой желудок как можно большим количеством пищи. При искушении человек испытывает постоянное чувство голода, ему трудно достигнуть состояния сытости. Второй вид, наверное, будет более понятен современным людям. Это гортанобесие, когда количество пищи не играет большой роли. Но человеку хочется получать как можно больше наслаждения от вкуса пищи. Он не готов удовлетвориться простой и скромной едой, даже если она полностью насыщает его. Человеку все время хочется чего-нибудь вкусенького.

Этот вид чревоугодия считался более опасным и греховным, потому что зависел не от физической природы человека, которая изначально задается Богом, а исключительно от воли самого грешника. Вот как охарактеризовал это Дорофей: «Также и в пище, иной может удовлетворить своей потребности малым количеством какого-либо овоща, или чечевицей, или немногими маслинами, а он не хочет этого, но ищет другой пищи, вкуснейшей и лучшей, — это все против совести. Отцы же говорят, что монах никогда не должен допускать, чтобы совесть обличала его в какой-либо вещи».

По словам Дорофея, находятся даже люди, которые настолько одержимы вкусом пищи, что пережевывают ее чрезвычайно медленно и никак не решаются проглотить, чтобы не прекратить наслаждение. В то же время Дорофей понимал, что человеку может хотеться какой-то конкретной пищи.

Противоречие это разрешалось довольно просто. Если Бог находит необходимым предоставить человеку то или иное блюдо, то он обязательно его получит. Если же он его не получает, значит, оно ему и не нужно. Бог ведает наши потреб-

ности лучше нас самих. Не получившим желаемое Дорофей предлагал заняться своеобразным самовнушением на эту душеполезную тему: «Христос знает более меня, должен ли я получить желаемое, и Он будет мне вместо сей вещи, или вместо сей пищи. Сыны Израилевы ели манну в пустыне сорок лет; и хотя вид манны был один и тот же, но для каждого она была тем, в чем он имел нужду: кому нужно было соленое, для того она была солонка; кому нужно было сладкое, для того она была сладка, и, одним словом, каждому она была тем, что было подобно с его потребностью. Так, если кому нужно яйцо, а он не получает его, но получает только овощи, то пусть скажет помыслу своему: “Если бы мне было полезно получить яйцо, то Бог непременно послал бы мне его; однако Он может сделать, что и самые эти овощи заменят мне яйцо”». Сложно сказать, насколько подобные размышления скрашивали жизнь проголодавшимся монахам.

Требование дополнительной пищи монахами однозначно осуждалось. Вот как отзывался о таких людях Феодор Студит: «Узнаю, что некие из вас, заходя в огород требуют от огородника овощей и, не получая по правилу, воюют с ним. Это сатанинское дело и ему не следует быть. Таковые будут подвергаемы епитимиям. Разве недостаточно предлагаемого? Как же ты преодолеешь страстность, когда тебя побеждает овощ?»

Понятно, что часто само желание съесть какое-то конкретное блюдо уже рассматривалось как грех. Отказ от той или иной еды мог приводить порой к печальным последствиям, если она была необходимой из соображений здоровья. Но иноки считали своим долгом упорно отказываться от нее.

Вот одна печальная история на эту тему, описанная Дорофеем. Речь в ней пойдет про тяжело заболевшего юношу Досифея. «Когда же он впал в болезнь и стал харкать кровью (отчего и умер), услышал он от кого-то, что недоваренные яйца полезны харкающим кровью. Это было известно и блаженному Дорофею, который заботился о его исцелении, но, по множеству дел, средство это не пришло ему на ум. Досифей сказал ему: “Отче, хочу сказать тебе, что я слышал о вещи, полезной для меня, но не хочу, чтобы ты дал мне ее, потому что помысл о ней беспокоит меня”. Дорофей отвечал ему на сие: “Скажи мне, чадо, какая эта вещь?” Он отвечал ему: “Дай мне

слово, что ты не дашь ее, потому что, как я сказал, помысл смущает меня о сем”. Авва Дорофей говорит ему: “Хорошо, я сделаю, как ты желаешь”. Тогда больной сказал ему: “Я слышал от некоторых, что недоваренные яйца полезны харкающим кровью; но Господа ради, если тебе угодно, чего ты прежде не дал мне сам от себя, того не давай мне и теперь ради моего помысла”. Авва отвечал ему: “Хорошо, если ты не хочешь, то я не дам тебе, только не скорби”».

Современному человеку сложно избавиться от мысли, что бедняга Досифей хотел, чтобы окружающие переубедили его и заставили-таки съесть эти недоваренные яйца. Иначе непонятно, зачем он вообще завел разговор на эту тему. Впрочем, скорее всего, это народное средство все равно не помогло бы при тяжелой болезни.

Другая описанная Дорофеем история подобного рода закончилась более благополучно, но пример смирения и умения полагаться на Божью волю дает не меньший. «Таков был тот святой старец, которому во время болезни брат влил в пищу вместо меда льняное масло, которое очень вредно. Однако же старец ничего не сказал, но ел молча и в первый, и во второй раз, и нисколько не укорил служившего ему брата, не сказал, что он небрежен, и не только не сказал этого, но даже никаким словом не опечалил его. Когда же брат узнал, что он сделал, и начал скорбеть, говоря: “Я убил тебя, авва, и ты возложил сей грех на меня тем, что промолчал”, то с какою кротостью он отвечал ему: “Не скорби, чадо, если бы Богу угодно было, чтобы я ел мед, то ты влил бы мне меду”».

Дорофей проводит довольно остроумное сравнение процесса еды с половыми отношениями. Физическая суть этих отношений одинакова, будь это законный брак или блудное сожитительство. Вся разница заключается в целях людей. Одни занимаются сексом ради продолжения рода, чтобы не пресекался род людской, а другие только для получения чувственного удовольствия. Так и принятие пищи для поддержания крепости тела не осуждается церковью, но любая еда ради удовольствия уже содержит в себе элемент греха.

Впрочем, тем, кто желает сильнее прочих продвинуться по пути спасения своей души, Дорофей предлагает быть еще строже к себе в отношении еды. Даже пищу для простого

поддержания тела надо принимать со скорбью. «Потому мы и должны, как я сказал, принимая пищу по телесной потребности, осуждать самих себя и почитать себя недостойными всякого утешения и даже самой монашеской жизни, и не без воздержания принимать пищу: таким образом она не послужит нам в осуждение».

В монастырской практике авве Дорофею приходилось сталкиваться с самыми разнообразными случаями, в которых современные психиатры усмотрели бы явные случаи навязчивых идей на пищевой почве. Вот одна из таких историй:

«Когда я был в общежитии, братия по простоте своей, думаю, исповедовали мне помышления свои, и игумен, с советом старцев, велел мне взять на себя эту заботу. Однажды пришел ко мне некто из братии и сказал мне: “Прости меня, отче, и помолись о мне; я краду и ем”. Я спросил его: “Зачем же? Разве ты голоден?” Он отвечал: “Да, я не насыщаюсь за братской трапезой и не могу просить”. Я сказал ему: “Отчего же ты не пойдешь и не скажешь игумену?” Он отвечал мне: “Стыжусь”. Говорю ему: “Хочешь ли, чтоб я пошел и сказал ему?” Он говорит: “Как тебе угодно, господине”. Итак, я пошел и объявил о сем игумену. Он сказал мне: “Окажи любовь и позаботься о нем, как знаешь”. Тогда я взял его и сказал келарю при нем: “Окажи любовь и, когда придет к тебе сей брат, давай ему, сколько он хочет, и ни в чем не отказывай ему”. Услышав это, келарь отвечал мне: “Как ты приказал, так и исполню”.

Проведя таким образом несколько дней, брат этот опять приходит и говорит мне: “Прости меня, отче, я снова начал красть”. Говорю ему: “Зачем же? Разве келарь не дает тебе, чего ты хочешь?” Он отвечал мне: “Да, прости меня, он дает мне, чего я желаю, но я стыжусь его”. Говорю ему: “Что же, ты и меня стыдишься?” Он отвечал: “Нет”. Тогда я сказал ему: “Итак, когда хочешь, приходи и бери у меня, но не кради”; ибо у меня тогда была должность в больнице, и он приходил и брал, что хотел. Но через несколько дней он опять начал красть, и пришел со скорбью и сказал мне: “Вот, я опять краду”. Я спросил его: “Зачем, брат мой? Разве я не даю тебе, чего ты хочешь?” Он отвечал: “Нет, даешь”. Говорю ему: “Что же, ты стыдишься брать у меня?” Он говорит: “Нет”. Я ска-

зал ему: “Так зачем же ты крадешь?” Он отвечал мне: “Прости меня, сам не знаю зачем; но так просто краду”. Тогда я сказал ему: “Скажи мне по крайней мере по правде, что ты делаешь с тем, что крадешь?” Он отвечал: “Я отдаю это ослу”. И, действительно, оказалось, что этот брат крал куски хлеба, финики, смоквы, лук, и вообще все, что он ни находил, и прятал это — одно под свою постель, другое на ином месте и, наконец, не зная, куда это употребить и видя, что оно портится, он выносил это вон и выбрасывал, или отдавал бессловесным животным».

Сложно не вспомнить известный рассказ Джека Лондона «Жажда жизни», где чудом выживший герой долгое время испытывал панические приступы голода, выпрашивал и прятал съестное у целой корабельной команды.

У Дорофея мы можем найти целый комплекс поучений по поводу того, как монахам следует вести себя во время трапезы. Речь идет не о внешнем этикете. В первую очередь инок должен осознавать свои побуждения, уметь их контролировать и в конечном счете преодолевать. Вот образец такого наставления: «Например, если кто идет, как иногда случается, вкушать пищу с другими, то он должен замечать за собою и смотреть: как скоро будет предложена хорошая пища, которая ему нравится, может ли он удержаться и не взять от нее? Стараются ли он также не обидеть брата своего и не взять больше его, или, когда предложено будет что-нибудь разрезанное на части, то не старается ли он взять большую часть, а другому оставить меньшую? Ибо случается, что иной не стыдится даже протянуть руку и положить меньшую часть брату, а большую взять себе. Какая может быть разница между большею частью и меньшею? Велика ли она? И за такую маловажную вещь иной обижает брата своего и согрешает.

Он должен также замечать, может ли он удержаться от многих снедей и, находя их, не предаваться многоядению, как это иногда случается. Замечать также, удерживается ли он от дерзости и не огорчается ли, когда видит, что “другого брата предпочитают ему и более его успокаивают”».

В целом видим все то же самое. Есть надо не просто мало, но еще и специально воздерживаться от тех блюд, которые возбуждают аппетит.

Но вот уже Кирилл Белозерский проявлял определенное внимание к пожеланиям братии в области питания. Вот как описана в житии монастырская рыбалка: «Был у святого Кирилла ученик Герман. И, посылая его ловить рыбу для пропитания братьев, святой говорил Герману, какую рыбу ему ловить, поясняя: “Потому, чадо, что ту или иную рыбу просят братья”. И Герман уходил ловить, и при Божьей тому Герману помощи, благодаря благословиению святого, ту рыбу он и ловил, какую святой повелевал ему, и ничем иным, как одной только удочкой. И этого оказывалось достаточно для пропитания всей братии».

Как мы можем заметить, желание монахов не просто насытиться, а полакомиться определенной рыбкой не считалось чем-то несправедливым, и святой вполне мог поспособствовать в исполнении этого каприза.

Иоанн Лествичник в своих наставлениях называет чрево «лукавым владыкой», от власти которого ни один человек не избавится до самой кончины. Грех чревоугодия состоит не в стремлении к пище, а в желании поглощать ее, когда уже достигнута сытость. «Чревоугодие есть притворство чрева; потому что оно, и будучи насыщено, вопиет: “Мало!”, будучи наполнено, и расседаясь от излишества, взывает: “Алчу”. Чревоугодие есть прельщение очей; вмещаем в меру, а оно подстрекает нас поглотить все разом. Знай, что часто бес приседит желудку, и не дает человеку насытиться, хотя бы он пожрал все снеди Египта, и выпил всю воду в Ниле».

Именно чревоугодие заставляет людей выдумывать приправы, изменяющие естественный вкус пищи, создавать многочисленные лакомства.

Отцы церкви полагали, что сытое чрево ведет еще к одному греху — блудодеянию. Допускать фантазии на сексуальные темы легче в сытом виде, чем после продолжительного поста. Но кроме того, Иоанн Лествичник полагал, что есть виды пищи, стимулирующие сексуальное влечение. «Внимем и усмотрим, что многие из яств, которые пучат живот, возбуждают и движения похоти». «Будем внимательны, и мы увидим, что объедение есть единственная причина потоплений, с нами случающихся». «По пресыщении нашем, сей не-

чистый дух отходит, и посылает на нас духа блудного; он вешает ему, в каком состоянии мы остались, и говорит: «Иди, возмути такого-то: чрево его пресыщено, и потому ты немного будешь трудиться». Сей, пришедши, улыбается и, связав нам руки и ноги сном, уже все, что хочет, делает с нами, оскверняя душу мерзкими мечтаниями и тело истечениями».

Иоанн предостерегает от распространенного заблуждения, что обжора не имеет уже сил предаваться блудной страсти. «Кто служит своему чреву и между тем хочет победить дух блуда, тот подобен угашающему пожар маслом». Иоанну вторит преподобный Исаак Сирин: «Тот никогда не может подавить возбуждений плотской похоти, когда она загорится, кто не силен бывает обуздывать порывов чревоугодия».

Влияет потребление пищи и на характер молитвы. «Ум постника молится трезвенно; а ум невоздержанного исполнен нечистых мечтаний. Насыщение чрева иссушает источник слез; а чрево, иссушенное воздержанием, рождает слезные воды».

Иоанн советует инокам понаблюдать за состоянием своих мыслей. Чем дольше человек пребывает без пищи, тем более смиренным становятся его помыслы. Ну а если иннок все же оказался за столом с многочисленными яствами, ему следует прибегнуть к следующим способам борьбы с обжорством: «Сидя за столом, исполненным снедей, представляй пред мысленными очами твоими смерть и суд; ибо и таким образом едва можешь хоть немного укротить страсть объедения».

Увлечение едой способно погубить даже праведного, благочестивого человека. Пример подобного дает нам «Повесть о Луке Колочском». Некий небогатый крестьянин чудесным образом обрел нерукотворную чудотворную икону Богоматери. С этой иконой он обошел множество городов и сел, в каждом из которых происходили многочисленные исцеления. Все благословляли Луку. Преподносили ему и немало вполне материальных благ. Но очень скоро Лука возгордился, соблазнился роскошной жизнью, непременным атрибутом которой становится богатая трапеза. «И трапеза его была богата кушаньями и дорогими благовонными винами, и много ел и пил он со своими приспешниками». За все это Бог отвер-

нулся от Луки, который с трудом выжил после нападения на него медведя.

В своем красноречивом послании Иоанн даже одушевляет чревоугодие, которое дает себе емкую характеристику. Вот какие слова вкладывает святой отец в уста этого порока: «Почто вы, мне повинные, биете меня досаждениями? И как вы покушаетесь освободиться от меня, когда я естеством связана с вами? Дверь, которую я вхожу, есть свойство снедей, а причина моей ненасытности — привычка: основание же моей страсти — долговременный навик, бесчувствие души и забвение смерти. И как вы ищите знать имена исчадий моих? Изочту их, и паче песка умножатся. Но узнайте, по крайней мере, какие имена моих первенцев и самых любезных исчадий моих. Первородный сын мой есть блуд, а второе после него исчадие — ожесточение сердца, третье же — сонливость. Море злых помыслов, волны скверн, глубина неведомых и неизреченных нечистот от меня происходят. Дщери мои суть: леность, многословие, дерзость, смехотворство, кощунство, прекословие, жестоковыйность, непослушание, бесчувственность, пленение ума, самохвальство, наглость, любовь к миру, за которую следует оскверненная молитва, парение помыслов и нечаянные и внезапные злоключения; а за ними следует отчаяние, — самая лютая из всех страстей. Память согрешений воюет против меня. Помышление о смерти сильно враждует против меня; но нет ничего в человеках, чтобы могло меня совершенно упразднить».

Святой Григорий Синаит так критически оценивает возможности человека в борьбе с чревоугодием: «Что сказать об утробе, царице страстей? Если можешь умертвить ее или полумертвою сделать, не давай ослабы. Одолела она меня, возлюбленне, и я служу ей как раб и данник. Она содейственница бесов и обиталище страстей. Чрез нее бывает падение наше и чрез нее восстание, когда она благочинствует. Чрез нее потеряли мы и первое и второе божественное достоинство. Ибо после растления, древле бывшего, мы обновлены во Христе; но се ныне опять отпали мы от Бога, чрез пренебрежение заповедей...»

По мнению богослова Евагрия Понтийского, демон чревоугодия обладает невиданной хитростью. Если он не мо-

жет соблазнить человека мыслями о вкусной пище, то пытается добиться своей цели противоположными средствами. Вот как это происходит: «Когда демон чревоугодия, после чистых и сильных борений, не сможет растлить установившегося воздержания, тогда влагает в ум желание строжайшего подвижничества, ради чего выводит на среду известное о Данииле — ту скудную жизнь и семена (служившие ему единственной пищей), припоминает ему и других некоторых отшельников, которые всегда так жили... и понуждает стать их подражателем, чтоб, погнавшись за неумеренным воздержанием, не успел он и в умеренном, когда тело по своей немощи окажется бессильным для того. Думаю, что справедливо не верить таким внушениям и не лишать себя хлеба, елея и воды. Ибо братие опытом дознали, что такая диета есть самая лучшая, только всего этого принимать не досыта и однажды в день».

Святой Иоанн Кассиан Римлянин наставляет: «Нам надобно заботиться как о том, чтобы по желанию плотского удовольствия не принимать пищи прежде назначенного времени, или сверх меры, так и о том, чтоб употреблять ее в назначенный час, хотя бы и не хотелось; потому что и чрезмерное желание плотского удовольствия и отвращение от пищи возбуждаются врагом нашим. Притом неумеренное воздержание вреднее пресыщения; потому что от последнего, в силу раскаяния, можно перейти к правильному действованию, а от первого нельзя».

Наставления Иоанна дополняет преподобный Ефрем Сирин: «Укрепляй свою волю, владей собой! Не предавайся духу чревоугодия: не выискивай кушаний дорогих или в обилии предлагаемых, не ешь не вовремя, кроме определенного часа, не возбуждайся к алчности привлекательностью кушаний и не желай со страстью то одного, то другого, не смотри и не бросайся с жадностью на кушанья. Будь господином над своим чревом!»

Многие размышления Иоанна по поводу питания вполне могли бы исходить и из уст современных диетологов. В частности, о том, как меняется размер желудка у тех, кто много ест, и к чему это приводит впоследствии. «Мехи, когда их размягчают, раздаются и вмещают большее количество жид-

кости; а оставленные в небрежении не принимают и прежней меры. Обременяющий чрево свое расширяет внутренности; а у того, кто подвизается против чрева, они стягиваются мало-помалу; стянутые же не будут принимать много пищи, и тогда, по нужде самого естества, будем постниками».

Об опасности греха чревоугодия должно свидетельствовать его сравнение не с кем-нибудь, а с самим Сатаной: «Начальник бесов есть падший денница; а глава страстей есть объедение».

Нил Синайский составил обличение чревоугодия в своеобразной поэтической форме. Приведем небольшой отрывок из его сочинения «О восьми духах зла» (глава 1, «О чревоугодии»):

«Дорогие яства услаждают гортань, но питают и неусыпного червя похотливости.

Отощавшее чрево приуготовляет к бдению в молитве, а преисполненное наводит глубокий сон.

Трезвенно мудрование при сухоедении, а жизнь сытная в довольстве погружает ум в глубокое усыпление.

Молитва постника — парящий в высь орлий птенец, а молитва угостившегося ниспадает долу, тяготимая пресыщением.

Ум постника — светлая звезда на чистом небе, а ум угостившегося мрачен как небо в безлунную ночь.

Туман скрывает солнечные лучи, а густое испарение потребленных яств омрачает ум.

Запятнанное зеркало не передает отдельно черт отразившегося в нем образа; и мысленная сила, отуманенная пресыщением, не приемлет в себя ведения Божия.

Не возделываемая долго земля порождает терния; и ум чревоугодника произрашает срамные помыслы.

Невозможно найти аромат в гное и в чревоугоднике — благоуханий созерцания.

Око чревоугодника высматривает, где пиршества, и око воздержного — где собрания мудрых.

Душа чревоугодника вычисляет дни памяти мучеников, а душа воздержного подражает жизни их».

Святой Ефрем Сирианин говорит, что не стоит гнушаться предложенными за трапезой остатками и кусочками, и при-

водит в пример чудо Иисуса, когда Он, накормив пятью хлебами голодных, мог повторить подобное в любой момент, но тем не менее велел собрать все оставшиеся после трапезы кусочки. Не стоит также сообщать всем и каждому о своем благочестивом воздержании, таким образом легко впасть в другой страшный грех — гордыню. «А если хочешь довольствовать тело свое малым, воздай славу укрепившему тебя Богу, и не говори перед всеми: “не съел я и такой-то доли хлеба”».

У Ефрема мы можем найти немало красивых поэтических сравнений: «Как тучные птицы не могут высоко летать, так и угождающему своей плоти невозможно взойти на небо. Иссохшая тина не угодна бывает свиньям, так и плоть, увядшая от подвигов, не упокоивает более бесов».

Но все же коль скоро вкус пищи дан Богом, то однозначно осуждения удовольствия во время еды быть не могло. «Владыка Бог каждому роду пищи даровал сладость, и принимающему оную с благодарением нет от сего вреда. Пристрастия же всегда надобно остерегаться: ибо оно составляет вред для души».

Любая пища дадена людям Творцом и не может быть греховной по сути своей. Вот как об этом говорил Диалок из Фотики: «Воздержание же в пище так надлежит соблюдать, чтоб никто никогда не доходил до почитания мерзким какого-либо из яств... Ибо мы не потому воздерживаемся от некоторых яств, что они по природе злы... но для того, чтоб воздерживаясь от них, соразмерно укротить пламенеющие члены плоти».

Страстное желание поесть какого-либо конкретного блюда, скорее всего, было навеяно бесами. Вот что говорил по этому поводу Иоанн Карпафский: «Наложи на себя заповедь не есть рыбы, и смотри, как враг после того начнет неустанно гнать тебя к похотению рыбы, и как равно и ты сам неистово начнешь устремляться ко вкушению того, чего и желать тебе не следует, да испытаешь примерно случившееся с Адамом; ибо и он, услышав: вот от этого древа не ешь, на это одно запрещенное и устремился со всем похотением».

Вообще, по выражению отца Зосимы, имея еду, следовало ее как бы и не иметь. О чем в данном случае идет речь, может пояснить конкретный пример из поучения Зосимы, повест-

вующий о монахе, который выращивал овощи для своего пропитания: «Почему, когда пришел к нему один старец с намерением испытать его, и начал истреблять их (овощи), он даже не показался ему, а спрятался; и когда уже оставался один корень, сказал ему: “Если желаешь, отче, оставь это и сделаем из того угощение”. Из сего старец святой узнал, что он есть истинный раб Божий, а не раб овощей, и говорит ему: “Дух Божий почил в тебе, брате”. Если б он имел овощи с пристрастием, то тотчас и обнаружил бы сие скорбью и смущением; но он показал, что имел их так, как бы не имел».

Попечение о запасе пищи считалось не очень-то благочестивым. Человек, стремящийся обеспечить себя пропитанием на большой срок, тем самым как бы сомневался в божественной благодати и отличался большим самомнением.

Хорошим примером может послужить история Герасима Болдинского. Этот подвижник питался только за счет подаяния, которое ему оставляли в кузовке, вынесенном им на обочину дороги. Кроме самого Герасима теми запасами мог воспользоваться любой проходящий мимо нищий и голодный. Но если человек хотел захватить из кузовка несколько кусков про запас, не будучи голодным, то он просто-напросто не мог найти дальнейшей дороги и блуждал по лесу, пока не возвращался к кузовку и не клал хлеб обратно.

В творениях Василия Великого говорится еще об одном чисто физическом недостатке чрезмерно обильного питания: «Обремененное чрево не только к скорости бега, но и к сну неспособно, потому что, теснимое множеством принятой пищи, не дает лежать спокойно, но принуждает часто ворочаться с одного бока на другой».

Вопрос о времени принятия пищи довольно часто встречается в списках тех вопросов, которые священник должен был задать, пришедшим к нему на исповедь. «А в воскресенье и праздники до обеда ела ли или пила?» «Или не чтил Воскресения Христова, и среды, и пятницы, и святых постных дней, блуд творил, рано пил и ел?»

Среди исповедальных вопросов, связанных с принятием пищи, встречаются довольно любопытные. Например: «Или детям остатки не поровну делил?» Предусматривался даже та-

кой вариант: «Или откушал молока женского?» Упоминается также тайноядение, причем речь идет о мирянах. Видимо, съесть что-либо не за общим столом и для них рассматривалось как недопустимое поведение. А вот другая интересная постановка вопроса: «Или лакомствовал и тайноядение держал?» С тайноядением все более менее ясно. А вот что понималось под выражением «лакомствовал»? Просто стремление съесть вкусненькое или именно с нарушением общепринятых правил, не за столом?

Существовали своего рода типичные образцы для желающих принести покаяние. С чего же начинались эти стандартные формы для кающихся? «Отче и господине, вот мои грехи. Объялаюсь и опиваюсь, и сплю без числа...» Как видим, вновь чревоугодие оказывается первым из упомянутых грехов. Но и далее не обходится без раскаяния в нарушении именно пищевых правил: «Рано до обеда в святые дни пью и ем, и в воскресенье, и в среду, и в пятницу, и в праздники господские, и в великое говение, и на святой неделе, когда зазвонят».

А вот пример более эмоционального покаяния: «В бесчинном ядении в неподобное время, в сластолюбии, в гортанобешении и в чревобешении, скотски и свински».

Встречается и такое, когда человек должен признаться, что грешен «обоянием на трапезе явственных ядений». Видимо, предвкушение удовольствия от пищи и вдыхание аромата также воспринимались как грех.

Отдельным пунктом упомянут грех, который заключался в том, что человек принуждал других принимать пищу в позднее время.

Допустить порчу продуктов считалось грехом — это означало пренебречь Божьим даром. Так епитимейник предусматривает наказание в виде поста и поклонов тем, кто зарезал скотину, но не съел или не заготовил соответствующим образом.

Все покаянные памятники оставляют много вопросов. Судя по всему, предполагалось, что в подобных грехах повинен любой человек, ибо каждый должен был произнести все эти фразы на исповеди в обязательном порядке. Но обязательность и общераспространенность вряд ли приводили к тому,

что вслед за такого рода прегрешениями следовало особо глубокое раскаяние.

Послабление к человеческой природе проявлять все-таки приходилось. Так, в «Соборном уложении» категорически запрещалась всякая торговля по воскресным дням. Но исключение делалось для съестных припасов, которые дозволялось «продавати по вся дни и часы невозбранно».

Излишняя полнота, вызванная обжорством, воспринималась скорее отрицательно, высмеивалась. Причем довольно мрачно. Вот шуточка из «Слова о злых женах», поучительно-го произведения византийской литературы, которое было известно на Руси уже с XI века: «Некто увидел толстого человека и сказал: “Этому следует жить неподалеку от кладбища, чтобы не затруднять слишком тех, кто понесет его тело к могиле”».

Не только духовные наставники рекомендовали быть воздержанными в еде. С подобными поучениями можно встретиться и в произведении Владимира Мономаха, который советует: «Ни питью, ни еде не предавайтесь».

На Руси, как, собственно, и повсюду, не обошлось без представлений о некой чудесной стране, где все земные блага не просто в изобилии, но абсолютно общедоступны и не требуют никакого труда. Вековая мечта всех трудящихся наиболее полно была зафиксирована в XVII столетии в таком литературном произведении, как «Сказание о роскошном житии и веселии».

Таинственная страна отличается прекрасными пейзажами, мягким климатом, но все же главным чудом остается изобильная еда. Вот центральный образ всего произведения: «Да там же есть едина горка не добре велика, а около ея будет 90 миль полских. А около тоя горки испоставлено преукрашенных столов множество, со скатертми и с убрусами (полотенцами), и с ручниками... и различных яств с мясными и с рыбными, с поеными и скоромными, ставцы, и сковороды, и сквородки, лошки и плошки. А на них колобы и колачи, пироги и блины, мясные части и кисель, рыбные звены и ухи, гуси жареные и журавли, лебеди и чапли и индейския куры, и курята и утята, кокоши и чирята, кулики и тетеревы, воробыи и цыплята, хлебы ситные и пирошки, и сосуды с раз-

ными напитками. Стоят велики чаны меду, сороковые бочки вина, стоновья делвы (бочки) ренскова и рамонеи, балсамов и тентинов и иных заморских драгоценных питий множество много. И браги, и бузы, и квасу столь множество, что и глядеть не хочется».

Особенного упоминания заслужили пряности и приправы, которые были недоступны большинству русского населения. В благословенных же краях относятся к ним едва ли не как к мусору. «А около гор и по полям, по путем и по дорогам, перцу валяется что сору, а корицы, инбирю — что дубова коренья. А онис и гвоздика, шаврань и кардамон, и изюмныя и винные ягоды, и виноград на все стороны лопатами мечут, дороги прочищают, чтобы ходить куды глаже. А ништо тово не подбирает, потому что всего там много».

Пост. Жертва, страдание или путь к спасению?

Когда мы начинаем знакомиться с пищевыми привычками наших предков, практически сразу же становится понятно, что вникнуть в эту тему невозможно, не разобравшись, какую роль играл пост в жизни древнерусского общества.

Весь жизненный уклад русского человека, независимо от того, к какому социальному слою он принадлежал, по крайней мере вплоть до XVIII века определялся календарем многочисленных постов. Начиная от Великого поста, растянувшегося на множество недель, и заканчивая регулярными однодневными постами по средам и пятницам.

С материальной сутью поста разобраться не так уж трудно, хотя слово это могло иметь разные значения. Первоначально оно означало полный отказ от всякого рода пищи. По понятным причинам такие посты не могли быть продолжительными, хотя и встречаются рассказы о великих христианских подвижниках, сумевших провести в воздержании весь Великий пост.

Более привычным стал пост, заключающийся в воздержании от определенного рода продуктов животного происхождения, получивших название «скоромные».

Сложнее обстоит дело с вопросом о том, как воспринимали пост сами его участники на протяжении многих веков, в чем виделось его основное предназначение.

Если посмотреть в глубь времен на грани письменной истории, мы увидим, что первоначально пост рассматривался как своего рода жертва, приносимая самым разным богам и духам. Мы привыкли к жертвам более материальным: сжигаемому на алтарях мясу, возлиянию вина, даже человеческих жертвоприношениям. Но жертвой могло стать и страдание человека, ограничение им собственных потребностей. Очень ярко этот мотив проявляется в древнеиндийском эпосе «Махабхарата», герои которого, попав в затруднительное положение, неоднократно изнуряют себя длительным постом. Зачастую воздержание от пищи сопровождалось всякого рода увечьями и ранами, которые наносил себе человек.

Рано или поздно к такому мученику являлась некая демоническая сущность и предлагала выполнить его желание. Желание могло быть любым, даже абсолютно аморальным. Отношения со сверхъестественным миром строились на строго бартерной основе. От человека — страдание, от духа — решение проблемы.

Понимание поста как своеобразной жертвы, принося которую человек имеет основания надеяться на реализацию своих желаний, обрело глубокие корни в культуре.

Во многом именно христианство заставило людей взглянуть на пост другими глазами. Самоограничение в еде воспринимается уже не как нужное или приятное Богу, а как необходимое в первую очередь самому человеку. Пост — это средство самоконтроля, способ победить грешную плоть, стать ближе к Богу, в каком-то смысле даже подражать ему.

Недаром ведь обычай Великого поста во многом опирался на сорокадневный пост, который выдержал в пустыне Иисус, прежде чем открыть людям свое учение. Блаженный Августин так предлагал отвечать тем, кто спрашивает о смысле поста: «Если вас спросят, для чего вы поститесь и мучаете себя? Отвечайте: бешеную лошадь, которую нельзя укротить уздой, необходимо усмирять голодом и жаждою».

Уже к концу Средневековья можно увидеть зарождение взглядов, довольно близких для большинства современных

людей, которые рассматривают пост как своеобразный вид диеты, призванный решить в первую очередь проблемы с физическим здоровьем.

Некоторые историки полагают, что наличие поста выполняло в средневековом обществе очень важную социальную функцию. По мнению Костомарова, пост был крайне полезен с точки зрения поддержания стабильности русского общества. Вернее, даже не пост сам по себе, а то, что воздержание от скромной пищи было строго обязательным для всех категорий населения.

Людей больше всего раздражает не наличие само по себе у других богатства и власти, а яркая демонстрация их внешних проявлений. Если позволительно привести такую аналогию, многомиллиардные счета в иностранных банках вызывают слабую реакцию, так как сложно представимы большинством, а вот какой-нибудь бутерброд с черной икрой может как раз раздражать очень сильно по причине своей материальности, хорошей представляемости. Ну а если все, включая самого царя, значительную часть года (от 192 до 216 постных дней) питаются ничем не лучше любого бедняка, куском ржаного хлеба и соленым огурцом (частая еда в пост Алексея Михайловича), то и поводов для раздражения на верхи значительно меньше.

В толковании церковного устава, сделанном известным русским богословом Михаилом Скабаллановичем (1871—1931), говорится со ссылкой на преподобного Аполлоса Гермопольского (начало V века) о непозволительности «нарушать без всякой нужды всеобщие посты (среды и пятницы), ибо в среду Спаситель предан, а в пяток распят; посему, кто нарушает это пост, тот вместе с врагами предает, распинает Спасителя. Если в пост придет к тебе брат, имеющий нужду в успокоении, предложи трапезу ему одному; если же ему не угодно, не принуждай; ибо все мы имеем общее предание о посте».

Но уже во времена Аполлоса Гермопольского существовали дополнительные посты, которые устанавливались, дабы избежать каких-либо бедствий и получить прощение от Бога. В обществе, где христианство еще не стало важнейшей религией, это приводило к многочисленным спорам с языч-

никами. Вот какие упреки обращает к неверным Тертуллиан, говоря о христианских постах: «Когда не бывает дождей, и вследствие этого грозит голод, то вы, ежедневно сытые и постоянно готовые есть... ищите неба у Капитолия, ожидаете облаков с потолков, отвернувшись от самого Бога и от самого неба. А мы, иссохшие от постов, обессиленные от воздержания, удалившись от всякого удовольствия жизни, одевшись во вретище и осыпавшись пеплом, стучимся в небо, касаемся Бога; а когда испросим милость, то чтят Юпитера». Христианскому подвижнику обидно, что постнический труд не получает заслуженного одобрения.

Первоначально посты носили более индивидуальный характер. Некоторые христианские отшельники делали акцент на времени принятия пищи и старались воздерживаться от нее весь день. Известны их утверждения, что «солнце никогда не видело их ядушими».

Очень часто пост понимался как практика полного отказа от пищи вообще. Среди монахов Ближнего Востока, судя по всему, считалось нормой принятие пищи через два дня. Наиболее истовые подвижники старались питаться раз в пять дней, а то и раз в неделю. Сохранились отдельные сведения об отшельниках, которые выдерживали 40 дней абсолютного воздержания. Вот как, например, проводил пост перед Пасхой преподобный Макарий Александрийский: «Наломавши большое количество пальмовых ветвей (для рукоделия), стал в углу и в продолжении всей Четыредесятницы до самой Пасхи не принимал хлеба, не касался воды, не преклонял колен, не садился, не ложился и ничего не вкушал, кроме нескольких листьев сухой капусты; да их ел только по воскресеньям и то для того, чтобы видели, что он ест, и чтобы самому ему не впасть в самомнение; а ежели когда выходил из кельи для какой-либо нужды, то как можно скорее опять возвращался и принимался за дело; не открывая уст и не говоря ни слова, он стоял в безмолвии; все занятие его состояло в молитве сердечной и в плетении ветвей, которые были у него в руках». Особенно интересны, конечно, слова «не касался воды». Вряд ли их можно понимать так, что преподобный не пил 40 дней. Скорее уж речь идет про пренебрежение умыванием.

Но постепенно практика таких постов в качестве общепринятых начинает осуждаться и уходить в прошлое. Больше внимания стало уделяться характеру принимаемой пищи. В первых скитах тоже не сразу выработались единые правила. В некоторых переходили на питание только бобами, в других ограничивали пищу овощами и фруктами, но в конце концов нормой стало употребление только хлеба безо всякой к нему прибавки.

Любое самое маленькое отступление от строгих правил рассматривалось даже самими нарушителями как страшный грех. Вот воспоминания отца Вениамина (IV век): «Когда после жатвы возвратились мы в скит, принесли нам из Александрии подаяние, на каждого по алебастровому сосуду чистого масла. При наступлении следующей жатвы, братия приносили, если что оставалось у них в церковь. Я не открывал сосуда, но просверлив его иглою, вкусил немного масла, и было у меня на сердце, будто я сделал великий проступок. Когда же братия принесли свои сосуды, как они были, а мой был просверлен, то я устыдился, как бы обличенный в блюде».

По мнению Исаака Сириянина, пост является главным оружием против дьявольских козней. А первую победу над сатанинскими искушениями с помощью поста одержал сам Иисус. Поэтому и люди должны максимально подражать своему Спасителю. «Посему-то до поста род человеческий не знал победы, и дьявол никогда не испытывал поражения своего от нашего естества: но от сего оружия изнемог в самом деле. И Господь наш был вождем и первенцем сей победы, чтоб на главу естества нашего возложить первый победный венец. И как скоро дьявол видит сие оружие на ком-нибудь из людей, тотчас приходит в страх сей противник и мучитель, помышляя и вспоминая о поражении своем в пустыне Спасителем, — и сила его немедленно сокрушается, и воззрение на оружие, данное нам Началовождем нашим пополяет его».

Человек, не придерживающийся поста, не может изучать Писание и творения святых отцов. «Плотолюбцам и чревоугодникам входить в исследование предметов духовных

так же не прилично, как и блуднице разглагольствовать о целомудрии».

Очень часто пост все-таки понимался как жертва, способная умиловить божество. Соответственно чрезвычайные происшествия подталкивали людей к ужесточению поста даже по сравнению с довольно строгими православными канонами.

Понимание поста как своеобразной жертвы, необходимой дани можно встретить и в наставлениях Феодосия Печерского: «Бог дал нам эти сорок дней для очищения души; это ведь десятина, даваемая нами от года Богу: дней в году триста и шестьдесят и пять, а от этих дней отдавать Богу десятый день как десятину — это и есть пост сорокадневный, и, в эти дни очистившись, душа празднует светло день воскресения Господня, в радости о Боге. Ибо постное время очищает ум человека. Пост ведь искони имел свой прообраз: Адам в первые времена не вкушал плодов от запретного древа; проповстившись сорок дней, Моисей сподобился получить закон на горе Синайской и видел славу Божию; постясь, Самуила мать родила; постившись, ниневитяне от гнева Божия избавились; постясь, Даниил великого виденья сподобился; постясь, Илья как бы на небо взят был в благодать райскую; постясь, трое отроков угасили силу огненную; постился и Господь сорок дней, показав нам время поста; постом апостолы искоренили бесовское учение; благодаря посту явились отцы наши в мире как светила, что сияют и по смерти, дав пример трудов великих и воздержания, как и тот великий Антоний, или Евфимий, или Савва и прочие отцы, примеру которых мы последуем, братия».

Решение могло приниматься на индивидуальном уровне. Так, многие благочестивые люди вдобавок к общепостным средам и пятницам «понедельничали», то есть ограничивали себя в пище еще и в этот день. Постным днем понедельник был и для благочестивого царя Алексея Михайловича, который вообще отличался крайним усердием в соблюдении постов. Если верить источникам, то в Великий пост три дня в неделю царь вообще не принимал никакой пищи. А в остальные дни питался только один раз в день. Впрочем, по византий-

скому сборнику церковных правил «Номоканону», одна из редакций которого была положена в основу древнерусской «Кормчей книги» (XIII век) — основного источника церковного права в средневековой Руси, по понедельникам мирянам следовало отказываться от поедания мяса.

Существовало понятие так называемой обетной пятницы; некоторые обещали этот день, который ассоциировался с распятием и земной смертью Христа, проводить вообще без пищи. Некоторые могли дать дополнительный зарок на какой-то срок или постоянно воздерживаться от определенного вида пищи.

Иногда не совсем благочестивая подоплека таких постов, желание получить за них награду здесь на земле могли просматриваться довольно отчетливо. Эти сведения, правда, зафиксированы только в XIX столетии, но факт все равно любопытен. Многие крестьянские девушки «выпашивали» жениха. Дополнительные ограничения в пище заканчивались в случае удачного замужества.

В случае же бедствий, которые угрожали всему государству или, по крайней мере, отдельному региону, решение о дополнительных постах принималось коллективно по решению властей. Известно, что такой дополнительный пост был наложен на русские земли в 1395 году во время нашествия Тамерлана. Многие остались убеждены, что именно эта жертва отвратила повторение всех ужасов татарского нашествия XIII века.

Строгий пост был учрежден во всем государстве в октябре 1606 года, после того как некоему человеку было видение, о котором он рассказал благовещенскому протопопу Терентию. Содержание видения для нас осталось тайной. Но видимо, оно было настолько впечатляющим, что необходимость поста для умиловливания Бога не вызвала сомнений у власть предержащих.

Во время Смутного времени в 1611 году был установлен недельный, но очень строгий пост. В понедельник, среду и пятницу вообще запрещалось употреблять пищу, в четверг и вторник разрешалось сухоядение.

В 1650 году из-за участвовавших по всей стране стихийных бедствий и неурожая, которые рассматривались как призна-

ки Божьего гнева, было принято решение провести Рождественский пост более строго, чем обычно.

Иногда пост старались учредить заранее, чтобы успеть предотвратить бедствие. Подобный случай произошел в 1688 году, когда до русских окраин дошли сведения о землетрясении в Персии. Дабы избежать этого несчастья, в Терском городке и в Астрахани начали поститься.

Очень часто решения об ужесточении постных правил принимались после какого-либо чрезвычайного события, к которым относились видения и озарения. Подобный случай произошел в 1672 году в окрестностях Сийского монастыря. Долго стояла дождливая ненастная погода, и перед монахами и крестьянами близлежащих деревень все яснее становилась перспектива грядущего голода. Одному из монастырских работников Ивану Тырыданову явился святой Антоний Сийский и велел передать игумену Феодосию свои требования. Во-первых, следовало организовать крестный ход к озеру, находившемуся в восьми верстах от монастыря. Во-вторых, всем крестьянам и монахам следовало очень строго соблюдать пост по средам и пятницам. Указания святого были исполнены. Очень скоро погода изменилась к лучшему, что позволило собрать богатый урожай.

Жители Калуги обратились к проезжающему антиохийскому патриарху Макарию с просьбой разрешить им дополнительный недельный пост, надеясь, что это отвратит от них гнев Божий и избавит от эпидемии моровой язвы. Патриарх разрешил поститься только три дня, в течение которых все не принимали никакой пищи до позднего вечера.

Разумеется, со стороны церкви неоднократно звучала мысль, что пост не должен сводиться только к пищевым ограничениям, что само по себе воздержание от пищи Богу не нужно и не способно Его никоим образом обрадовать. Пост должен рассматриваться только как помощь в стремлении быть настоящим христианином и возлюбить своих ближних, а это невозможно без контроля над плотью, которая постоянно подталкивает человека к совершению грехов.

Духовные поучения довольно жестко характеризуют тех, кто пост понимает только с его внешней, собственно пище-

вой стороны. Высказывалась вполне логичная мысль, что одного отказа от определенной пищи недостаточно и что подобные «добродетели» могут быть и у животных.

Порой отшельники, покинувшие мир в поисках спасения, питались чем-то уж совсем несъедобным. Боярский сын Андрей Завалишин во время охоты углубился в чащу и неожиданно встретился со старцем Александром Свирским, который в одиночестве прожил в лесу целых семь лет. Изумленный Андрей поинтересовался, чем же монах питался все эти годы. Александр ответил, что он смешивает «былие» (траву) с «перстью» (землей). Подвижник признался, что сначала от такого питания страдал желудочными болями и даже катался от мучений по земле. Но все закончилось благополучно, посланный с небес ангел его исцелил.

Оригинальную трапезу описывает игумен Нектарий, который спасался в Ниловом монастыре. «Как мне забыть труды, и раны, и глад, и жажду, наготу, и босоту? И до смерти мне надобно помнить, какова милость Божия надо мной грешным была в пустыни и что мы кушали: вместо хлеба траву папороть и кислицу, ухлевник и дягиль, и дубовые желуди, и дятловину, и с древес сосновых кору отымали и сушили и с рыбою смешав, вместе истолкши, а гладом не уморил нас Господь».

Обычно, по житийным рассказам, Бог не только не морил, но и оказывал постящимся непосредственную помощь, особенно в тот момент, когда твердость их духа готова была колебаться под влиянием продолжительного голода.

Так, в обители Диодора Юрьегорского братия начала роптать на будущего святого за то, что он нерационально распорядился имеющимися деньгами и вместо покупки съестных припасов все потратил на церковное строительство. Монахи уже хотели разойтись по другим обителям, но настоятелю явился Александр Ошевенский и сказал: «Не малодушествуй и братию укрепляй! Вспомни, сколько человек Бог пропитал в пустыни. Вас ли не может прокормить! Только трудитесь с благодарением и ловите рыбу на озерах!» И улов в прежде малорыбном озере оказался столь велик, что иноки сами постоянно питались свежей рыбой и смогли продать часть выловленного для закупки других продуктов.

Похожая история произошла и с Пафнутием Боровским, когда тот был настоятелем. В канун праздника Пасхи монастырские запасы настолько истощились, что для праздничного обеда не нашлось даже мелкой рыбки. Братия, уставшая от «постных трудов», начала роптать. И вот когда пономарь пошел к реке зачерпнуть воды, то увидел там множество «сижков», рыбы, похожей вкусом на сига, но размером с небольшую сельдь. Обычно монахам удавалось поймать не больше пары рыбин. Теперь же, по благословению Пафнутия закинув сети, наловили столько, что хватило на всю Светлую седмицу после Пасхи.

В неурожайный голодный год в обители, где подвизался Кирилл Белозерский, щедро раздавали хлеб стекающимся со всей округи нищим. Запасов в монастырских закромах было немного, но кормление голодных продолжалось вплоть до нового урожая, потому что мука в амбарах чудесным образом не уменьшалась. В житии Кирилла говорится, что монахи не были слишком уж удивлены этим чудом, ведь «кто прежде умножил вино, когда его не стало, тем более может умножить и хлеб».

Впрочем, и самому Кириллу удалось, по сути дела, повторить одно из чудес Христовых, причем как раз в области насыщения алчущих. Вот как описано это чудо в житии: «По прошествии трех дней блаженный Кирилл отпустил посланных князем Михаилом бояр. И повелел он келарю дать им в дорогу полтора хлеба. Всего же было пришедших от князя Михаила восемь человек... Они же попросили: “Отец, повели, чтобы нам дали хлеба и рыбы в дорогу, потому что мы должны пройти большой путь, а места эти пустынные, и нам будет негде купить хлеба”. Святой ответил им: “Я послал человека дать вам хлеба на дорогу”. Те сказали: “Нам дали полтора хлеба и несколько рыбок”. А святой сказал: “Идите с миром, и этого вам будет достаточно, до самого дома вашего будет в изобилии”. С тем они и отправились в путь, размышляя о хлебе, где бы его купить, ибо путь их был около двадцати дней ходу или больше. Хлеба же, бывшего у них, думали они, хватит им поест лишь на один день.

Дойдя до первого пристанища, стали они варить небольшое количество рыбы, данной им святым. А когда сварили,

тогда увидели, что рыбы много. А сев есть, взяли половину того хлеба и начали есть, ели и насытились и увидели, что полхлеба по-прежнему остались целыми. Также и рыбы варено было мало, а молитвами святого оказывалось ее намного больше. И тогда поняли они смысл того, что сказал им святой, и о пище больше не заботились. И через много дней, пройдя весь путь до своего дома, только одну половину хлеба они съели, а другой хлеб принесли с собой целым».

История эта имела не менее чудесное продолжение. Половинку хлеба, которую принесли с собой бояре, теперь как некую святыню попробовали князь с княгиней и все их домоладцы. После этого все, кто испытывал какие-либо проблемы со здоровьем, практически сразу же исцелились.

Иногда Бог может подавать пищу и непосредственно, совершая чудо, для укрепления веры и прославления божественного величия. Когда христианский мученик Мамант Кесарийский был заключен за исповедание своей веры в темницу и правитель решил уморить его голодом, в тюрьму начал прилетать голубь, который приносил в клюве своей пищи «яркую словно бисер и слаще меда». Понятное дело, что много у птицы в клюве поместиться не могло. Но пища эта чудесным образом умножилась, так что Мамант мог ею еще и делиться с товарищами по несчастью.

Иногда Бог мог оказать помощь не только непосредственно пищей, но и в денежной форме. Такой случай описан в житии Феодосия Печерского: «И вот еще что рассказал мне тот же чернец Иларион. Был он искусным книгописцем и дни и ночи переписывал книги в келье у блаженного отца нашего Феодосия, а тот тихо распевал псалмы и пряд шерсть или иным чем занимался. Так же вот в один из вечеров заняты они были каждый своим делом, и тут вошел эконом и сказал блаженному, что завтра не на что купить ни еды для братии, ни чего-либо иного, им потребного. Блаженный же отвечал ему: “Сейчас, видишь, уже вечер, а до утра далеко. Поэтому иди, потерпи немного, молясь Богу: может быть, помилует он нас и позаботится о нас, как ему будет угодно”. Выслушал его эконом и ушел. А блаженный снова вернулся в свою келью распевать по обычаю двенадцать псалмов. И, помолившись, сел и принялся за свое дело. Но тут снова вошел эконом

и опять заговорил о том же. Тогда отвечал ему блаженный: “Сказал же тебе: иди и помолись Богу. А наутро пойдешь в город и попросишь в долг у торговцев, что нужно для братии, а потом, когда смилуется Бог, с его помощью отдадим долг, ибо истинны слова: “Не заботься о завтрашнем дне, и Бог нас не оставит”. Как только удалился эконоом, в сиянии явился отрок в воинской одежде, поклонился Феодосию и, ни слова не говоря, положил на стол золотую гривну и также молча вышел. Тогда встал блаженный, и взял золото, и со слезами помолился про себя. Тут же позвал он привратника и спросил его: “Разве кто-нибудь приходил этой ночью к воротам?” Но тот поклялся, что еще засветло заперты были ворота, и с той поры не отворял их никому, и никто не подходил к ним. Тогда блаженный позвал к себе эконома и отдал ему гривну золота со словами: “Что скажешь, брат Анастасий? Не на что купить нужное для братии? Так иди же и купи все, что нужно для братии. А завтра Бог снова позаботится о нас”. Тогда понял все эконоом и, пав ниц, поклонился ему. Блаженный же стал поучать его, говоря: “Никогда не предавайся отчаянию, но будь крепок в вере, обратись с печалью своей к Богу, чтобы он позаботился о нас, как ему будет угодно. И ныне устрой для братии великий праздник”. Бог же и в дальнейшем щедро подавал ему все, что было нужно тому божественному стаду».

Хотя чаще помощь все-таки приходила через руки других людей. В подобной же ситуации после молитв Феодосия оголодавшая братия с радостью встречала тяжело нагруженные возы с подарками от богатого боярина.

Старца Зосиму, основателя Соловецкой обители, многие отговаривали отправляться на далекие острова, утверждая, что старому и не особо здоровому монаху трудно будет обеспечить себя пищей на безлюдной земле. Но Зосима сослался на евангельское чудо, когда Христос насытил всех голодных пятью хлебами.

Не миновали чудеса и первых соловецких поселенцев. «Спустя малое время обнаружился недостаток в пище; и об этом он немного поколебался в помыслах, но потом возложил упование на Господа Бога, повторяя про себя псаломское изречение: “Возложи на Господа печаль твою, и Он тебя напитает во веки”. И в скором времени, когда он молился в своей

келии, пришли к нему два мужа, светлые образом, тянувшие за собой саночки, полные хлебов, муки и масла. Сотворили они молитву — и, получив, по обычаю, у преподобного благословение, сказали ему: «Возьми, господине отче, у нас хлебы, муку и масло и положи у себя, а мы идем на промысел в море. И если будет у тебя недостаток в пище, то ты ешь эти хлебы, муку и масло; а мы, если Бог повелит, вернемся к тебе через некоторое время». Старец же, терпя голод долгое время, ожидал тех мужей, но они не пришли. И понял он милосердие Божие, что это было послано ему Богом».

Суждения о благодатности той или иной обители не в последнюю очередь зависело от того, насколько братия проявляла себя в постнических трудах. Вот, например, характеристика Печерского монастыря в Киеве: «Такие чернецы как светила в Русской земле сияли: ибо одни были постники крепкие, другие же крепки на бдение, третьи — на преклонение коленное, четвертые — на пошение, через день и через два дня, иные же ели только хлеб с водой, иные же овощи вареные, другие — сырые.

Первый среди них, Демьян пресвитер, был такой постник и воздержник, что, кроме хлеба и воды, ничего не ел до смерти своей».

Для того чтобы избежать лишних соблазнов даже планировка монастырей устраивалась с особым умыслом. Практически всегда трапезная, кухня и кладовые с припасами устраивались на максимально большом расстоянии от келий.

Соблюдение пищевых ограничений не просто спасало души, но и должно было гарантировать успешность монастырской миссии, сделать обитель известной и многолюдной. Вот что говорил по этому поводу в своем назидании игумен Ильинской пустыни Лаврентий: «Отцы наши начальники игумен Адриан да старец Леонид не питались разными сладкими яствами и хмельным питием, строя дом Пречистой Богородицы. Но насыщались они словами божественного писания, всеношными стояниями, непрестанным постом и молитвами. А еда их была былие и немного хлеба с водой, да и то в установленном время. А если бы не совершали они такой подвиг поста и молитвы, то не распространилась бы обитель их».

По мнению святого Кассиана Римлянина, при определении поста необходим индивидуальный подход к каждому человеку. «Касательно образа воздержания в пище, или постничества, не может быть постановлено одинаковое для всех правило; потому что не у всех тел одинакова крепость, добродетель же сия соблюдается не одною силою души, но должна соразмеряться и с силою тела. Не для всех возможно соблюдать пост по неделям; некоторые не могут быть без принятия пищи более трех или двух дней, а иным трудно пребыть без пищи до заката солнца. Не для всех также питательны овощи, или зелья, или сухой хлеб. Еще — иному для насыщения нужно два фунта, а другой чувствует тяжесть, если съест фунт или полфунта. Но все воздержники должны иметь одну цель, чтобы, принимая пищу по мере способности, не вдаваться в пресыщение. Ибо не только качество пищи, но и количество расслабляет душу, возжигая в ней вредоносный, греховный огонь».

Но в то же время существуют и общеобязательные правила, без соблюдения которых невозможно одержать победу с греховным чревоугодием. «Монах, желающий достигнуть подвига внутренних браней, пусть наперед такую назначит себе и держит предосторожность, чтоб, прежде уставом определенного и для всех общего часа подкрепления себя пищей и при том вне трапезы, отнюдь не позволять себе принять что-нибудь из пищи или питья, какая бы приятность и сладость их ни манила к тому. Но и по окончании трапезы да не попускает он себе дерзнуть на нечто подобное, хотя бы то в малейшей малости. Равно должно ему строго соблюдать время и меру сна, как уставом положено. И этого рода похотения с таким же рвением надобно отсекать, с каким должны мы отсекать движения блудной страсти. Ибо кто не мог подавить излишние пожелания чрева, тот как сможет погасить разжение плотского вожделения? И кто не мог укротить страсти явные и малые, тот как возможет победить тайные, проторгающиеся без всяких свидетелей?»

При выборе пищи следует руководствоваться следующими нехитрыми правилами: «Пищу надо избирать такую, которая бы умеряла, а отнюдь не возбуждала жар похоти плотской,

и притом была удобоприобретаема и сообразна с общим обычаем и употреблением братий».

Не стоит пост, несмотря на всю его полезность в деле спасения души, ставить выше других заповедей, а особенно любви к ближнему. Кассиан с одобрением рассказывает о нарушении уставных постов, с которыми столкнулся в египетских монастырях: «Куда бы мы не проходили, нигде для успокоения нас не стеснялись соблюдением определенного уставом часа для принятия пищи, как мы обвыкли видеть в монастырях Палестинских, — но везде разрешали на пищу прежде того, кроме только среды и пятка. Один из старцев, когда мы спросили его, почему у них, так свободно мимоходится правило каждодневного поста, ответил нам: пост всегда со мною, вас же я не могу удержать с собою навсегда. Притом хотя пост многополезен и всегда нужен, но он составляет жертву произвольную; исполнение же дела любви есть неотложимое требование заповеди. Итак, принимая в вас Христа, я должен напитать Его. Когда же провожу вас, тогда сделанное ради Его снисхождение могу вознаградить строжайшим постом».

Несмотря на признание богоугодности поста, довольно распространенным, особенно в монастырях, оставалось использование ограничения в пище в качестве наказания.

Для наказанных монахов и так небогатая трапеза заменялась сухоядением. Существовали определенные нормы, разумеется отличающиеся от монастыря к монастырю, сколько конкретно суток монах должен провести на подобной диете за разные провинности. Так, в Белозерском монастыре за непосещение службы без уважительной причины можно было получить шесть дней строгого поста, за разговоры и смех во время богослужения уже двенадцать, а вот за клевету на брата во Христе уже все сорок. Иногда можно выделить систему соотношений поста с другими благочестивыми наказаниями. В Волоколамском монастыре пятьдесят поклонов приравнивались к одному дню сухоядения.

Очень строгое наказание полагалось тем, кто пытался пронести в трапезную какое-либо свое угощение или, наоборот, вынести что-то и съесть потом в одиночку в своей келье.

За одно только присутствие на мирском пиру инок должен был провести в сухоядении шесть недель, добавляя к этому по сто ежедневных поклонов. За еду после вечерней службы полагался строгий семидневный пост.

Но серьезнее всего было взять что-либо из еды без благословения келаря или настоятеля. За подобное нарушение устава монах не допускался к причастию до тех пор, пока не получал прощения. Но и после прощения брату следовало еще выполнить в келье определенное количество земных поклонов. Сто, если он сам покаялся в грехе, и триста если его изобличили другие.

В указаниях для священников подробно расписывалось, какой продолжительности пост должен был последовать за те или иные грехи. Так, за изведение младенца во чреве полагалось провести пять лет на хлебе и воде. Такой же срок поста полагался за блуд с родственниками или убийство. За блуд с тещей полагалось два года. А вот за пьянство до беспамятства всего сорок дней. При этом воздержание от пищи могло быть основанием для существенного сокращения епитимьи.

Говоря о северных монастырях, которые практически все были общежительными, не стоит забывать, что на Руси долгое время хватало монастырей, в которых каждый инок мог жить сам по себе, встречаясь с остальными лишь на богослужениях. Степень комфорта, который выражался в том числе и в питании, зависела от вклада, который принятый брат делал в монастырскую казну. По мнению многих старцев, это приводило к нарушению монастырских порядков, а на упреки монахи отвечали: «Я свое ем и пью».

Святые подвижники, однако, с легкостью справлялись с соблазнами. Так, основатель Кирилло-Белозерского монастыря Кирилл отказал покровительнице монастыря княгине Агриппине, жене князя Андрея Дмитриевича, которая в честь своего визита очень хотела угостить братию рыбными блюдами, несмотря на то что в это время был Великий пост. Кирилл сказал ей: «Если я так поступлю, то сам буду разорителем устава. И затем, стоит мне умереть, как начнут тогда говорить, что Кирилл повелел в пост есть рыбу».

Но конечно, не все оказывались такими же твердыми в соблюдении устава, как святой Кирилл, за что, как утверждается, и получали наказание. Сам игумен Саввино-Сторожевского монастыря Афанасий не удержался и согласился опробовать во время Великого поста рыбку, которую предложил ему московский князь. У нарушителя немедленно отнялись рука и язык. Исцелиться он смог только у гроба основателя монастыря, где пообещал никогда более поста не нарушать.

В каждом монастыре могла существовать своя система правил, связанных с едой, в тот или иной день. Порой она была довольно сложна. Ведь дни среды и пятницы могли по-разному сочетаться с различными праздниками и длительными постами. Праздники могли иметь своеобразный статус, что также сказывалось на монастырском меню.

В великие двенадцатые праздники всегда, независимо от дня недели, разрешалась свежая рыба. В средние праздники позволялась уже только сушеная рыба. А в малые праздники при их совпадении с постным днем ели только растительную пищу, но, правда, с добавлением масла.

В череде таких памятных дат особняком стоит день Усекновения главы Иоанна Предтечи. В церковных наставлениях специально оговаривалось, что этот день нужно праздновать «духовно» в скорби и молитве. Запрещалась любая пища животного происхождения, существовал строгий запрет на вино — ведь решение о казни пророка было принято Иродом во время пира.

В народной среде иногда рождались дополнительные запреты. Так, крестьяне в день Усекновения главы Иоанна Предтечи — из-за сходства капустного кочана с головой — не употребляли в пищу капусту.

Такое суждение по аналогии долго бытовало в народе. По крайней мере, Похлёбкин сообщает в своем исследовании, что русские крестьяне порой уже и на рубеже XX века отказывались есть в пост помидоры, морковь и свеклу, так как они обладали кровавым, «животным цветом».

Многие иностранцы отмечали, что в первую неделю Великого поста улицы Москвы становились пустынными, все предпочитали провести это время в молитвенном уединении.

Итальянец Александр Гваньини пишет в «Описании Московии» (XVI век): «Некоторые же, особенно благочестивые, принимают пищу только в воскресенье и субботу (они считают, что грешно поститься в эти дни), а в остальные дни, подкрепившись только кусочком хлеба в полдень, воздерживаются от всякой пищи. Иные едят вареную пищу в воскресенье, вторник, четверг и субботу, а в остальные дни лишь кусочек хлеба с заквашенной водой, и по целым дням голодают».

На начало Великого поста приходились самые строгие пищевые ограничения в монастырях. Два или три дня монахи должны были вообще воздерживаться от пищи. Правда, оговаривались послабления для больных и немощных, которые, по благословению настоятеля, могли получить небольшой кусок хлеба, но не в трапезной, а в примыкающей к ней кладовой.

Несмотря на строгость и обязательность уставов, многие настоятели считали необходимым индивидуальный подход к определению меры пищи для того или иного монаха. Пост должен был держать человека на тонкой грани — ослаблять грешные позывы плоти, но не причинять ущерба телу, которое также было творением Божиим. Преподобный Нил Сорский дает совет, с которым согласились бы и современные диетологи: «Если монах поймет, что пища отягощает его, то пусть уменьшит ее количество. Если же видит, что тело ослабевает, то нужно немного прибавить».

Учитывались не только физические особенности, но и духовные, морально-волевые качества. Иосиф Волоцкий делил подопечных ему монахов на три категории: сильных, слабых и средних. Сила здесь понималась в смысле способности переносить соблазны. Сильным Иосиф рекомендовал всегда съедать только одно блюдо, сколько бы их ни было предложено за трапезой, средние могли съесть два. Ну а слабым позволялось съедать все, что выставлено на стол в трапезной, и не налагать на себя дополнительных в сравнении с уставом ограничений, которые, принимаемые добровольно, порой могли быть очень жесткими. Преподобный Павел Обнорский, например, независимо от календаря постов никогда не ел молока, масла и рыбы.

Отказавшись от чревоугодия, легко было впасть в другой страшный грех — гордыню. В вопросах для покаяния встречается и такой: «Или без отца духовного пост держала?» Самостоятельное решение о посте, без предварительной консультации со священником, рассматривалось церковью негативно.

Следовало не только поститься, но и не подчеркивать этого факта, не стараться выделиться среди братии. Преподобный Дмитрий Прилуцкий, настоятель одного из вологодских монастырей, в праздничные дни всегда получал за свой стол отдельный горшочек. Монахи думали, что он ест какое-то особенное блюдо, недоступное братии. Но на самом деле в горшке была только раскрошенная просфора, залитая кипятком.

Идеалом игумена считался человек, который снисходительно относится к нуждам и желаниям братии, старается им угодить, но при этом сам отличается крайне строгим воздержанием. Одним из наиболее приблизившихся к этому идеалу можно, вне сомнения, считать Пафнутия Боровского.

Вот как отзываясь о его привычках автор жития: «Если и повелит что-нибудь приготовить из еды, то, когда принесут, тогда похвалит ее и говорит братии: “Ешьте, а я с вами — уж очень хороша”. Пищу же всегда просил такую, чтобы братии угодить, а сам всегда худшее выбирал. И не только в пище, но и во всем келейном устройении довольствовался самым малым».

Порой настоятелям приходилось даже сдерживать ретивых монахов, которые стремились поститься слишком усердно. Преподобный Мартиниан Белозерский, когда еще был молодым монахом, так и не получил разрешения от игумена пропускать отдельные трапезы. «И воспринимал он пост словно некое наслаждение, а наготу — словно прекрасное одеяние, и таким образом томил свою плоть воздержанием, по словам апостола, “плоть изнуряя, душу же просвещая”. И просил он святого о том, чтобы тот установил ему пост далее времени трапезы ввиду его молодости. Преподобный же этого ему не позволил, но повелел ему с братией есть хлеб, пусть не до сытости». И это не удивительно: многими наставниками считалось греховным, не приводящим к настоящему преодоле-

нию плоти своеобразное удовольствие, которое некоторые подвижники находили в посте.

Приходилось игумену сдерживать постнический пыл и другого в будущем святого, Кассиана Босого. «И пришла ему мысль, чтобы сорок дней не есть, не пить и, кроме того, не спать лежа. И когда он начал это, то провел так двенадцать дней и изнемог. И когда узнал об этом игумен Иосиф, то, придя, запретил ему так через силу трудиться. Он же снова через день стал принимать хлеб и воду, а иногда и через два дня, и до тех пор так трудился, что в очах его и свет померк. И в то время был у него ученик — старец Иона Голова, по прозванию Пушечников, и тот водил его к церковной службе. И так пребывал Кассиан тридцать дней ничего не видя, водимый учеником. И увидел это Иосиф-игумен, и понял, что это от великих трудов и поста с ним случилось, и снова запретил ему <это делать> великим запрещением. И Кассиан послушался Иосифа, и немного ослабил пост, — и выздоровели его глаза».

Порой стремящимся к спасению души с помощью поста довольно трудно было определить, где кончается разумное попечение о здоровье тела и начинается угождение ему. На этот счет подробное наставление было дано преподобным Варсануфием. «Что значит по прихоти принимать пищу, и что — по требованию естества? По прихоти — значит хотеть принимать пищу не по потребности тела, а для угождения чреву. Если, однако же, видишь, что тело твое охотнее принимает иную пищу, не по сласти, а по легкости, то принимать ее не будет прихоть. Если одни по естеству своему требуют сладкой пищи, другие — соленой, а иные — кислой — и это не есть прихоть. Но любить какую-либо пищу особенно и похотливо желать ее — это есть прихоть — служительница чревоугодия. Если желаешь узнать, одержим ли ты страстью чревоугодия, вот как узнаешь: если пища обладает помыслом твоим (так, что ты не можешь противиться ему), то ты чревоугодник. Если же такого обладания нет, и ты свободно принимаешь всякую пищу, в меру потребности тела, то у тебя нет чревоугодия. Другой еще признак чревоугодия есть — хотеть есть прежде времени, чего никогда не должно делать, — разве будет какая уважительная причина».

Рассматривал Варсануфий и такой вариант, если страсть к пище возникает в момент, когда человек уже садится за трапезу. В таком случае, если трапеза совместная, ее рекомендовалось не прерывать и бороться с грешной страстью с помощью психологических приемов, представляя, во что превратится в скором времени съеденная пища. Если же обед проходит в одиночестве, то следовало поменять пищу на ту, которая бы не возбуждала аппетита.

Особенностью поучений Варсануфия является то, что он не считает чем-то греховным садиться за трапезу несколько раз в день. Это расходится с большинством подобных наставлений. «Давай телу столько (пищи), сколько ему нужно; и не получишь вреда, хотя бы ты ел и три раза в день. Если человек и один раз ест в день, но безрассудно, то какая ему от того польза?»

Вопрос о том, что делать в том случае, если великие христианские праздники совпадают с общеобязательными постными днями, считался довольно важным и не сразу получил однозначный, устраивающий всех ответ.

По крайней мере, Феодосий Печерский посвятил ему в поучении киевскому князю довольно обширное разъяснение: «Ты же, мой княже, если по какой-то причине или беде зарекся не есть мяса в среду и пяток... — то знай, что не подобает христианину самому связывать себя обетом не есть или не пить чего-либо, но должен быть связан от отца духовного. Ибо имеем предание святых апостолов и святых отцов: Господские праздники и все праздники святой Богородицы и дни памяти святых двенадцати апостолов праздновать духовно и от избытка нашего питать убогих. И раз уж спросил ты меня, недостойного, то, если ты связан отцом духовным не есть мяса в среду и пяток, тогда от него и разрешение прими; если же сам себя связал, то меня ради Бог простит тебя. Когда случится в среду или пяток Господский праздник или святой Богородицы, либо двенадцати апостолов, то ешь мясо».

Строгое соблюдение церковных уставов в области поста всегда находит подкрепление чудесами Божьими. Такой случай описан в «Житии Макария Желтоводского». Во время

странствия по северным лесам Макарий и спутники жестоко страдали от голода. Подвижник истово молился, и вскоре людям удалось поймать огромного лося. Они стали просить преподобного благословить употребление животного в пищу. Но Макарий увидел здесь соблазн, ведь оставалось еще три дня до окончания Петрова поста. Он уговорил людей отпустить животное, но перед этим приказал отрезать зверю ухо. Спустя три дня охотникам вновь удалось поймать лося, и, конечно, это оказался тот же самый одноухий, которого теперь можно было спокойно съесть.

Разумеется, царь должен был быть примером для подражания в столь важном деле, как пост. Вслед за ним и всем остальным приходилось ограничивать себя в питании. Впрочем, если у кого-то и не было особого желания поститься, то это мало что меняло. Как пишет чиновник российского Посольского приказа Григорий Котошихин (умер в 1667) в своем сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича», к воздержанию людей принуждали и церковь, и государство: «А кто не хочет постити, и ест рыбу и упиваетца вином и иным питьем, и таких от того не унять, а иных унимают, смиряют и отлучают власти и попы от церкви Божии, и возлагают епитимию».

Известно, что в «Беседе Валаамских чудотворцев» (XVI век) предусматривалось устройство строгой государственной системы контроля за соблюдением поста духовенством и мирянами, которой, судя по всему, в реальной практике не существовало.

Об епитимье и различных наказаниях за нарушение поста можно найти множество свидетельств. Известны сроки и характер наказаний. Но практически ничего не известно про процедуру их назначения и исполнения. Как узнавали о нарушении поста, если, конечно, человек сам не каялся на исповеди? Кто непосредственно выносил решение о наказании мирян? Кто контролировал исполнение? Остается лишь предполагать. Вполне можно допустить, что строгость наказаний за невоздержанность в пище компенсировалась тем, что о таких проступках не так уж часто узнавали власти.

Наказание за нарушение поста для мирянина заключалось в отлучении от причастия на определенный срок, а вот свя-

щенник вполне мог и лишиться сана. Причем не только за нарушение Великого поста, но и за посты по средам и пятницам. «Кормчая книга» довольно определенно говорит о том, что причастие в руках нарушителя поста утрачивает свой священный характер.

Впрочем, нет документов, которые свидетельствовали бы о многочисленных отлучениях священников именно на этом основании. Можно, конечно, предположить, что священники в массе своей строго соблюдали посты, но это косвенно опровергается многочисленными жалобами церковных иерархов на неподобающее поведение рядового духовенства.

Согласно «Схоластиковой кормчей», сухоядением предписывалось за нарушение поста строже наказывать свободного, чем раба.

В одном из церковных правил можно встретить указание на необходимость наказывать тех, кто дает кому-то деньги, чтобы этот человек за него постился. Наказывать следовало, разумеется, постом.

Сложно сказать, насколько такой вид нарушений был распространен в русской практике, упоминаний о конкретных наказанных встретить не удастся. Скорее всего, перед нами просто переписанное византийское правило — ведь греки с такой проблемой сталкивались, причем даже среди афонских монахов.

Впрочем, случаи взаимного или замещающего пощения порой допускались. Церковь рекомендовала всей семье держать пост, если кто-либо из близких получил епитимью. Мать должна была поститься несколько дней после крещения младенца.

Правила, как мы видим, очень жесткие. Но возможен и вариант, при котором строгость прописанных на бумаге уставов далеко не всегда гарантировала их выполнение. Тем более что всегда для несоблюдения поста указывалось как минимум одно смягчающее обстоятельство — «разве аще недугом телесным возбранен будет». Можно предположить, что определять допустимость отхода от строгих постных норм, как и в современной православной церкви, должен был духовный наставник. От доверия последнего, скорее всего, и зависело, на-

сколько часто и безопасно может тот или иной священник позволить себе грех вкушения скоромной пищи.

Снисхождение к телесной немощи во время поста сопровождается вполне логичным объяснением. Постятся люди для усмирения плоти, чтобы ее устремления не мешали спасению души. Во время болезни тело уже и так усмирено страданиями, поэтому накладывать на плоть еще и постные ограничения было бы излишеством. Поэтому роженицам разрешалось, например, употреблять рыбу и в Великий пост.

Духовным отцам рекомендовалось быть внимательными к жалобам на различные болезни. Освобождение от поста следовало давать только в том случае, если нездоровье человека было абсолютно очевидным, чтобы не возникало соблазна просто выпросить себе послабления, сославшись на телесную немощь. В «Номокалоне» даже приводится целый список выдумок симулянтов, на которые не следует поддаваться: «Стомах (желудок) болит ми. Нозс не стоят просто. Руце недобресуть. Уши звенят. Глава горит с болезнию».

Постящийся должен соблюдать три основных правила: ограничение количества съеденного, отказ от многообразия употребляемых блюд и вообще отказ от вкусной еды, еды ради самого процесса.

В «Сказании о блаженном отце Досифее» рассказывается, как некий юноша, абсолютно ничего не знавший о христианском вероучении, однажды остановился перед изображением Страшного суда. В этот момент ему явилась Богоматерь и пояснила, что ждет каждого из грешников в соответствии с характером их проступков. Молодой человек проникся перспективой возможных адских мук и поинтересовался, что же ему следует делать, чтобы избавиться от такой участи. Богородица ответила: «Постись, не ешь мясо и молись часто, и избавишься от мук». Как видим, из трех пунктов, гарантировавших небесное блаженство, два напрямую связаны с питанием. Любопытно, что употребление мяса даже в непостные дни уже могло послужить препятствием для спасения.

Иоанн Лествичник говорит о важной проблеме, связанной с постом. Он должен очищать нашу душу и способствовать добродетели, но у многих он только разжигает страсть

к вкусной пище. Постящиеся не занимаются благочестивыми размышлениями, а предаются гастрономическим фантазиям. Соответственно и всякого рода религиозные праздники начинают восприниматься в первую очередь как возможность много и вкусно покушать. «Монах-чревоугодник, — говорит Иоанн, — веселится о субботе и о воскресном дне; во время поста считает, сколько осталось до Пасхи; и за много дней до нее приготавливает снеди. Раб чрева рассчитывает, какими снедями почтить праздник; а раб Божий помышляет, какими бы дарованиями ему обогатиться. Когда пришел странник, чревоугодник весь движется на любовь, подстрекаемый чревонестовством; и думает, что случай сделать брату утешение есть разрешение и для него».

Даже во сне продолжается внутренняя борьба, в которой не каждый добивается успеха. «В сердцах чревоугодников — сновидения о снедах и яствах; в сердцах же плачущих — сновидения о последнем суде и о муках».

Иоанн Лествичник советует быть осторожным в своей борьбе с чревом. Не стоит ставить себе невыполнимых задач или слишком торопиться. Следует учитывать, что стремление к вкусной пище отвечает естественной природе человека. Главное в тяжелой борьбе — постепенность и последовательность. Вот подробное наставление Иоанна, в котором он спорит с богословом Евагрием: «Евагрий... говорит: “Когда душа наша желает различных снедей, тогда должно изнурять ее хлебом и водою”. Предписывать это то же, что сказать малому отроку, чтобы он одним шагом взошел на самый верх лестницы. Итак, скажем в опровержение сего правила: если душа желает различных снедей, то она ищет свойственного естеству своему; и потому противу хитрого нашего чрева должно и нам употребить благоразумную осторожность; и когда нет сильной плотской брани, и не предстоит случая к падению, то отсечем прежде всего утучняющую пищу, потом разжигающую, а после и услаждающую. Если можно, давай чреву твоему пищу достаточную и удобоваримую, чтобы насыщением отделяться от его ненасытной алчности и чрез скорое переварение пищи избавиться от разжения, как от бича».

Нужно с осторожностью относиться к стремлению утяжелить для себя пост. Как ни странно, это благое побуждение

может оказаться навеяно бесами, которые потом через слабость человеческой природы заставят отказаться от установленных ограничений, внушая человеку слабость и чувство неуверенности в собственных силах. «Посмевайся ухищрению беса, который по вечерам внушает тебе впредь позднее принимать пищу; ибо в следующий же день, когда настанет девятый час, он понудит тебя отказаться от правила, уставленного в предшествовавший день».

Запреты на дополнительные посты объяснялись, вероятно, и тем, что в них могли усмотреть желание следовать другой религиозной традиции. Не случайно особенно сильно православная церковь выступала против субботнего поста, который не мог не вызвать ассоциацию с иудаизмом.

Идеалом постника считался, например, Кирилл Белозерский. Как написано в его житии, он принимал пищи ровно столько, чтобы не упасть от голода. При этом он тщательно следил, чтобы остальные монахи не знали о его усиленном посте.

Чтобы соблюсти эти условия, будущий святой зачастую допускал своеобразную хитрость. Он начинал в своем поведении подражать юродивым, что зачастую вызывало насмешки братии и раздражение настоятеля. Ну а одним из обычных наказаний был как раз усиленный пост. Таким образом Кирилл и добивался задуманного. Как говорится в житии: «Кирилл же с радостью это принимал и усердно постился, а когда проходили установленные отцом дни поста, он иным образом вновь начинал юродствовать, чтобы принять от настоятеля еще большее запрещение, что и происходило. Случалось иногда, что настоятель повелевал ему по целых шесть месяцев не есть ничего, кроме хлеба и воды. Блаженный же этот Христа ради юродивый, принимая запрещение, очень радовался тому, что может свободно поститься, а видящие его постящимся должны будут говорить: «По запрету постится, а не по своей воле»».

Иоанн Лествичник о борьбе с чревоугодием рассуждает довольно пессимистично. Перспективы массовой победы людей над этим грехом кажутся ему маловероятными. «Но внимай, и услышишь говорящего: пространен и широк путь чревоугодия, вводящий в пагубу блуда, и многие идут по нему.

Но узки врата и тесен путь воздержания, вводящий в жизнь чистоты, и немногие входят им».

Иоанн признает, что «пост — это насилие естества». Человеку по своей животной природе вовсе не свойственно стремление к умеренности. Неисчислимо число несчастий, произошедших в библейской истории, Иоанн объясняет именно страстью к объедению. Святой отец упоминает падение Адама, глупость Исав, обнажение Ноя, кровосмешение Лота и даже истребление Гоморры. По поводу последнего все станет ясно, если мы вспомним, что чревоугодие обязательно должно разжигать похоть, из-за которой и пострадали жители Гоморры, вознамерившиеся «познать» даже Божьих посланников.

В случаях Ноя и Лота виновато, конечно, скорее опьянение. Но видимо, по мысли Иоанна, этот грех также обязательно связан с обжорством.

Утверждать, что Адам принял от Евы яблоко только из желания ощутить новый вкус, — довольно оригинально. По крайней мере, нигде больше с таким толкованием сталкиваться не приходилось.

А вот с Исавом все понятно. История человека, отдавшего первородство за чечевичную похлебку, ясно показывает что иногда надо уметь и перетерпеть чувство голода.

Именно строгость постов могла оттолкнуть слабых духом, которые возжелали бы принять иноческий чин. Вот с какими словами обратился к молодому послушнику игумен Никон, бывший настоятелем Троице-Сергеевой лавры вслед за Сергием Радонежским: «Не можешь, — сказал, — быть иноком, ибо не мала вещь — дело инока. Ты юн, а завет старческий суров, ничего другого не велит есть, кроме хлеба и воды, и того в меру, масла же и вина совершенно воздерживаться, и бодрствовать до полуночи».

Мысли о нарушении поста исходят не только от человеческой природы, их могут нашептывать и демоны. По крайней мере, в этом уверены авторы древнего патерика. «Если шепчут тебе демоны о пище, и о вкушении, и о великой нищете, не отвечай им, но поручи себя Богу всем сердцем своим, и успокоишься».

Впрочем, наиболее сильные верой могли позволить себе открытую борьбу с соблазнами. Пример такого подвижника

приводит Ефрем Сирин: «Повествуется и о другом старце, которому захотелось съесть огурец. Желая закалить свою волю и самообладание, старец взяв огурец, положил его пред своими глазами и так долго он лежал у него. И, не будучи побежден похотью, он еще и раскаивался, укоряя самого себя, что при всем этом имел пожелание».

Настоящие подвижники проявляли свое стремление к святой жизни еще с детства. Причем не в последнюю очередь эти усилия заключались в строгом постничестве. Вот как, например, начал свой иноческий подвиг десятилетний мальчик Архипп, живший некогда во Фригии: «Служа Богу, он ничего не вкушал из мирских кушаний и питий: ни мяса, ни вина, даже хлеба он не ел, но питался одною пустынною зеленью, которую сам собирал и варил; пищу принимал он один раз в неделю и то без соли, питием же для него служило лишь незначительное количество воды».

Постнические подвиги будущих святых могли начинаться даже еще до их рождения. Понятное дело, что вначале поститься и за себя, и за ребенка приходилось матери. Вот как описывается в житии поведение во время беременности матери Сергия Радонежского: «И когда в себе ребенка носила и была им беременна, тогда она себя блюла от всякой скверны и от всякой нечистоты, постом ограждала себя, и всякой пищи скоромной избегала, и мяса, и молока, и рыбы не ела, лишь хлебом, и овощами, и водой питалась».

Пост для родительницы будущего святого не закончился с рождением младенца. Маленький Варфоломей, будущий Сергий Радонежский, упорно отказывался сосать материнскую грудь, если женщина в этот день ела что-то скоромное. Иногда ребенок мог голодать и по два дня. Родственникам с трудом удалось понять, чего же желательно новорожденному, и мать продолжила свой затянувшийся пост.

Но и на этом чудеса с младенцем не закончились. Теперь он регулярно отказывался от материнского молока по средам и пятницам. Мать и родственники уже думали, что ребенок заболел, но он вел себя в эти дни по-прежнему оживленно и радостно. Наконец истина открылась окружающим. «Тогда все увидели, и поняли, и уразумели, что не из-за болезни по пятницам и средам младенец молока не пил, но это прояви-

лось некое знамение того, что благодать Божья была на нем. Это был образ будущего воздержания, того, что когда-нибудь, в грядущие времена и годы, младенец прославится постнической жизнью; что и сбылось». Мы помним, что среды и пятницы считались обязательными постными днями.

Кроме того, дитя полностью проигнорировало многочисленных кормилиц, которых ему находили родители. Видимо, их молоко тоже не соответствовало требованиям благочестия.

Немного подрастая, Варфоломей не переставал удивлять окружающих подвигами постничества. По средам и пятницам он по-прежнему полностью воздерживался от пищи. В остальные дни питался только хлебом и водой.

Матери такое усердие сына не нравилось. Ее позиция, переданная в житии, очень для нас интересна. Она, скорее всего, представляет общенародную позицию по отношению к посту, которая не совпадала полностью с церковной. Пост воспринимается как в целом правильное и благородное поведение, но при этом необходимой остается умеренность, особенно в молодом возрасте.

Вот как звучали материнские наставления Варфоломею: «Чадо! Не погуби свою плоть излишним воздержанием, как бы тебе не заболеть, — ведь ты еще мал, тело твое растет и расцветает. Ведь никто такой молодой, в таком юном возрасте, как ты, столь жестокого поста не соблюдает; никто из братьев твоих и сверстников твоих так строго не воздерживается от еды, как ты. Ведь есть и такие, которые и все семь дней в неделю едят, с утра пораньше начинают и поздно ночью кончают есть, пьют без меры. Ты же иногда один раз днем поешь, иногда ни одного раза, но через день питаешься. Прекрати, чадо, такое длительное воздержание, ты не достиг еще зрелости, не настало еще для этого время. Все ведь хорошо, но в свое время». Как мы видим, точка зрения вполне медицинская. Растущему детскому организму пост вреден, может привести к болезни.

Далеко не всегда стремление к благочестивой и постнической жизни встречало понимание у окружающих и ближайших родственников, особенно если человек принадлежал к высшим сословиям. Один из самых ярких примеров — ис-

тория Николы Святоши, который ради иноческой жизни отрекся от княжеского титула, что вызывало недоумение у его братьев Изяслава и Владимира. Родственники всячески, вплоть до угроз, старались заставить брата вести себя подобающе своему высокому происхождению.

Вот что на это они слышали в ответ: «К чему же ты угрожаешь мне смертью, укоряешь в моей нищете и в воздержании от излишних яств? Ведь и ты, когда лечишь телесную болезнь, не повелеваешь ли больному быть воздержным, а некоторых яств и совсем избегать? А мне таким же способом нужно врачевать недуги душевные».

В отрочестве Сергию не давалась грамота. Он усердно молился, чтобы Бог дал ему возможность читать Святое Писание. И вот однажды отрок встретил некоего старца, который пообещал ему овладение книжной премудростью. Старец также вручил мальчику маленький кусочек белого хлеба, съев который подросток почувствовал необыкновенную сладость. Обратим внимание: и здесь прямая связь с едой.

Уже живя отшельником, Сергей регулярно подкармливал дикого медведя, который каждый день приходил к жилищу инока. И даже если у Сергия оставался только один кусок, то он и тогда не обманывал ожиданий зверя, рассуждая, что медведь в отличие от человека не может понять благость отказа от пищи.

Сергий не просто призывал монахов воздерживаться, он даже запретил обычную практику, когда монахи ходили по близлежащим деревням и просили подаяние. По мысли Сергия, стоило терпеливо ждать, когда людям самим придет на ум помочь обителю.

Даже самая простая пища заслуживает того, чтобы за нее человек потрудились. Так, сам Сергей целый день работал в качестве плотника, сооружая сени перед кельей одного из старцев. Платой ему стали несколько кусков «гнилого», как сказано в житии, хлеба. Но и эту неприглядную пищу святой вкушал с благоговением.

Голод воспринимается как испытание, посланное Богом. Но испытание не с целью покарать, а научить, просветить людей. Вот с какими словами обратился Сергей к братии, ко-

гда она начала роптать на затянувшийся голод: «А вы ныне из-за голода скорбите, который на короткое время для испытания с вами приключился. Но если вы будете терпеть с верой и с благодарностью, то пользу вам принесет испытание это и большую выгоду: ибо благодать Божья всем дается не без испытания. И у вас сейчас недостает хлеба, и не хватает всякой пищи сегодня, а завтра множеством еды всякой нужной и обильем всякой пищи и питья вы насладитесь: я верю, что не оставит Бог места этого и живущих здесь».

Чудо, разумеется, не заставило себя долго ждать. Не успел еще Сергий до конца договорить свою душеполезную проповедь, как раздался стук в монастырские ворота. Это благодетели отправили в монастырь множество самой разной еды.

После благодарственной молитвы братия уселась за стол. Далее в житии следует очень эмоциональное, не побоюсь этого слова — аппетитное описание принесенного хлеба: «Были же хлеба теплыми и мягкими, как обычно бывает свежеспеченный хлеб. Вкус же их удивительным каким-то и непонятным казался, словно медовой некой сладостью были наполнены, насыщены и пропитаны, как будто с маслом постным они были испечены и приготовлены, будто какие-то в них пряности были положены ароматные, и вкус постный, как кажется, и от этого они имели. И нерукотворной поистине казалась ниспосланная пища».

Для автора жития не было никаких сомнений, что вкус трапезе придало благочестие Сергия. Более скептически настроенный читатель может подумать, что столь вкусной пища оказалась из-за долгой предшествовавшей голодовки.

В житии проводится мысль о несомненной связи эпизода с гнилым хлебом и этой вкусной трапезой. Человек, не погнушавшийся скудной пищи, обязательно получит воздаяние от Бога. «За хлеба эти гнилые Бог такую вкусную послал ему пищу: вместо гнилых хлебов не гнилые, но свежеспеченные, вкусные, ароматные, вместо истлевающих нетленные, земными благами наслаждение».

Уже насытившись, монахи заинтересовались, кто же оказался тем благодетелем, который спас иноков от голода. Люди, привезшие хлеб, сказали только, что это человек из далекой страны. На приглашение пообедать и переночевать

таинственные спутники ответили отказом, а потом и вовсе исчезли с глаз изумленных монахов.

Потом кому-то пришел в голову естественный вопрос, как привезенный якобы издалека хлеб мог оказаться настолько свежим, как будто только что испечен. Ответ на все эти странности мог быть только один. Произошло самое настоящее чудо. Бог напрямую оказал милость голодающим.

Считалось, что и облик постящегося человека должен отличаться особой благодетельностью. Соответственно у тех, кто не воздержан в пище, это отражалось на внешности не в лучшую сторону.

Вот еще одна история, упомянутая в житии святого Кирилла Белозерского: «Брат Зеведей пришел однажды к святому за благословением. Святой же, открыв оконце кельи, видит, что у Зеведея красное лицо. И он спросил его: “Что, брат, случилось с тобой?” Тот спросил, о чем идет речь. И святой сказал ему: “Вижу, брат, что не постническое у тебя лицо, а мирское, хуже, чем у объедающихся”. Устыдившись, начал Зеведей воздерживаться, чтобы больше не укорял его святой».

Для монахов длительные посты, включая Великий, не могли быть особенно трудным испытанием, так как ограничение в пище уже должно было войти у них в привычку. «У нас и простых блюд немного и ничего при этом не бывает другого, раздражающего до безумия душу: но хлеб, и тот в меру, и некоторые растительные яства, и тех понемногу. Нас потому не утешит всечестная четырехдесятница, так как диета ее почти что одинакова у нас с диетой прочих дней».

Существовали специальные техники постепенного сокращения количества употребляемой пищи. Вот как описываются подобные упражнения в исполнении Досифея — ученика отца Дорофея: «Когда пришло время вкушать пищу, авва Дорофей сказал ему: “Ешь до сытости, только скажи мне, сколько ты съешь”. Он пришел и сказал ему: “Я съел полтора хлеба, а в хлебе было четыре литры”^{*}. Авва Дорофей спросил его: “Довольно ли тебе сего, Досифей?” Тот отвечал: “Да, госпо-

^{*} В данном случае речь идет о римской литре (либре), равной 327,45 грамма. — *Прим. ред.*

дине мой, мне довольно сего”. Авва спросил его: “Не голоден ты, Досифей?” Он отвечал ему: “Нет, владыко, не голоден”. Тогда авва Дорофей сказал ему: “В другой раз съешь один хлеб, а другую половину хлеба раздели пополам, съешь одну четверть, другую же четверть раздели надвое, съешь одну половину”. Досифей исполнил так. Когда же авва Дорофей спросил его: “Голоден ли ты, Досифей?” Он отвечал: “Да, господине, немного голоден”. Через несколько дней опять говорил ему: “Каково тебе, Досифей? Продолжаешь ли ты чувствовать себя голодным?” Он отвечал ему: “Нет, господине, молитвами твоими мне хорошо”. Говорит ему авва: “Итак, отложи и другую половину четверти”. И он исполнил сие. Опять через несколько дней авва Дорофей спрашивает у него: “Каково тебе теперь, Досифей, не голоден ли ты?” Он отвечал: “Мне хорошо, господине”. Говорит ему авва: “Раздели и другую четверть надвое и съешь половину, а половину оставь”. Он исполнил сие. И так с Божьею помощью, мало-помалу, от шести литр, а литра имеет двенадцать унций, он остановился на восьми унциях, то есть шестидесяти четырех драмах. Ибо и употребление пищи зависит от привычки».

Согласно учению православных аскетов — исихастов, постоянное чувство голода является одним из необходимейших условий умной молитвы и возможности постижения Бога. Григорий Синаит наставляет: «Но безмолвствующий всегда должен быть голодующим, не давая себе пищи до сыта. Ибо когда стомах отягчен бывает и ум чрез то помутится, тогда не может человек творить молитву крепко и чисто; но под действием испарения от многих брашен клонимый ко сну вожделевает поскорее лечь соснуть, — от чего бесчисленные мечтания во сне наполняют ум. Итак, желающему спасение улучшить и нудящему себя Господа ради жить безмолвно, хлеба, как полагаю, достаточно литры (три четверти фунта), воды или вина в день три или четыре чаши, и прочих снедей, какие случаются, вкусить понемногу, не допуская себя до насыщения, чтоб таким мудрым употреблением пищи, то есть вкушением от всех снедей, с одной стороны, избегнуть кичения, с другой не показать гнушения Божиими творениями, зело добрыми, за все благодаря Бога. Таково рассуждение благоразумных!»

В подробном учебнике для исихастов «Наставление безмолвствующим в сотне глав» очень много внимания уделяется именно вопросам питания, расписывается примерный рацион монаха: «В три дня недели, второй, четвертый и шестой, всегда твори девятицу, то есть вкушай пищу однажды в день (в 9 часов), съедая хлеба унгий шесть (три осьмухи фунта), сухих снедей не досыта и воды три или четыре чаши. В два дня, то есть во вторник и четверток, дважды в день принимай пищу, съедая хлеба тоже шесть унгий, какое-либо варево воздержно и сколько-нибудь из сухих снедей, и выпивая вина, если употребляешь, растворенного водою, чаши три или четыре; вечером же съедай хлеба унгии три, что-нибудь из сухих снедей, или овощей каких, вина с водою выпивай одну чашу, или много две, когда жажда сильная одолевает.

Во всякую субботу, кроме Великой, подобает тебе два раза принимать пищу, как выше положено для вторника и четвертка. Это и по определению священных правил, и по тому, что во все всего лета дни Господни должен ты совершать бдения, кроме сырного, и еще кроме того случая, когда на неделе случится какой-нибудь великий Господский праздник, или праздник какого-либо из великих святых. Тогда совершай бдение в эти дни, а в день Господень оставляй его. После всякого твоего бдения делай труда ради, от бдения бывшего, небольшое утешение в пище и питии на вечера, именно: съедай хлеба унгии три, с приложением и сухих каких снедей, сколько потребно тебе будет, пей и вина с водою чаши три. При телесных же немощах, можно, как сказали мы, вкушать, не стыдясь, от всего потребного и разрешенного нам для поддержания тела. Ибо св. отцы научили нас быть страстоубийцами, а не телоубийцами».

К нарушению поста православных подталкивает сам отец всякого зла. Вот как звучит исповедальный вопрос по этому поводу: «Не едал ли к Рождеству Христову в ночи скорому, по научению дьявола?»

Нарушение пищевых запретов, которые исходили из уст святых, могло привести к печальным последствиям. Так, Кирилл Белозерский уже после своей кончины избавил некоего Федора от одержимости бесом, которой тот страдал более десяти лет. После исцеления святой запретил Федору употреб-

лять в пищу мясо. Что произошло дальше, легко предугадать. «Но случилось тому Феодору вместе с другими людьми косить сено, и, когда все стали есть мясо, начал и тот Феодор есть мясо, забыв данную ему заповедь никогда не есть мяса. И когда это произошло, когда он поел мяса, бес вновь напал на него и начал мучить его хуже прежнего».

Вполне возможно, что даже злодеяние против человека могло наказываться строже, если пострадавший в данный момент постился. По крайней мере в одном из покаянных памятников как отдельное преступление выделяется изнасилование «жены говеющей».

Впрочем, церковь признавала, что для некоторых людей возможность постничества довольно сильно ограничена той социальной ролью, которую они выполняют в обществе. В первую очередь это правители, князья. Умеренность в пище для них тоже добродетель, но особенное усердие в деле самоограничения, скорее всего, помешало бы выполнять обязанности, которые возложены на них Богом. Следовательно, строгий пост вполне может быть заменен другими добродетелями, которые более соответствуют высокому статусу и выполняются с большей легкостью.

Предусматривалась возможность замены поста раздачей милостыни, особенно для богатых и знатных. Вот что, например, советовал князю Кирилл Белозерский: «А от упивания вы бы воздерживались, и милостыню посильную давали, потому что, господин, поститься вы не можете, а молиться ленитесь: так вместо этого вам милостыня ваш недостаток восполнит».

Феодосий Печерский наставлял князя, чтобы он не усердствовал в деле поста и не налагал на себя самостоятельно никаких ограничений сверх того, что положено по уставам. «Знай, что не подобает христианину самому связывать себя обетом не есть или не пить чего-либо, но должен быть связан от отца духовного». Проявляя излишнее рвение в данном вопросе, легко впасть в ересь. Феодосий ссылается на слова апостола Павла: «Тот, кто благовестит вам больше того, что мы вам благовестили, да будет проклят». При этом он подтверждает возможность есть мясо по средам и пятницам,

если на эти дни приходятся значимые христианские праздники.

По мнению Симеона Благоговейного (X–XI века), пищевые ограничения, которые человек наложил на себя сам или подвергся по решению духовного отца, должны были сниматься на братской трапезе. Это следовало делать для того, чтобы не смущать остальных, не постившихся столь усердно, а самому человеку не впасть в грех гордыни. «Если случится тебе угощаему быть трапезой вместе с другими благоговейными братьями, все предлагаемое надобно тебе есть без раздумий, что бы там ни было. Если имеешь от кого-либо заповедь не есть, например, рыбы или другого чего, а это предложено, то когда тут же или недалеко давший тебе заповедь, поди и умоли его позволить тебе есть то; когда же нет его, или знаешь, что он не разрешит тебе, а ты не хочешь смутить тех, с которыми сидишь за трапезой, ешь не колеблясь, и после стола расскажи ему все, как и почему так ты поступил, прося прощения. Если не хочешь ни того, ни другого, то лучше тебе не ходить на такое угощение».

В качестве идеала преподобный Иосиф Волоцкий представлял следующую ситуацию: «Следует иноку, пребывающему в общежительном монастыре, часть пищи оставлять и говорить: “Это часть Христа моего”». В то же время он готов был признать, что наряду с идеальной, существует просто нормальная, допустимая ситуация, запрещающая только крайние проявления неводержанности. У многих монахов, однако, были свои представления о монастырской трапезе, которые во многом не соответствовали выдвигаемому церковью идеалу постничества и воздержания. Наиболее ярко это противоречие отражено в сатирическом произведении XVII века «Калязинская челобитная».

Текст написан от лица группы монахов, которые слезно жалуются на своего настоятеля. Главный предмет жалоб — это многочисленные притеснения в отношении пищи и весьма скудный рацион подаваемый братии на трапезе. «И за то он нам ясти не дает, а заутреню и обедню не едчи поем, и от тое мы изморы скоро помрем. Да он же архимарит нам, богомольцам твоим, изгоню чинит: когда ясти прикажет, а на

стол поставят репу пареную, да ретку вяленую, кисель з братом да посконная каша на вязовой лошке, шти мартовские, а в братины квас налевают, да на стол поставляют. А нам, богомольцам твоим, и так не сладко: ретка да хрен, да чашник старец Ефрем».

Монахи готовы поделиться своими представлениями об идеальной трапезе: «Лучши бы было для постных же дней вязага да икра, белая рыбица телное, да две паровые, тиошка б во штях, да ушка стерляжья, трои бы пироги да двои блины, одне бы с маслом, а другия с медом, пшонная бы каша да кисель с патокою, да пиво б поддельное мартовское да переварной бы мед».

Впрочем, стоит отметить, что в даже таком легкомысленном по форме и содержанию произведении некоторые нормы представляются незыблемыми. О возможности их нарушения просто невозможно говорить. И автор, и читатели «Калязинской челобитной» вполне могут представить монахов, недовольных монастырской трапезой и желающих поесть повкуснее. Но те же вздорные монахи ни словом не упоминают мясо. Описываемый «идеальный» постный стол довольно богат, но он именно постный. Скоромные блюда не упоминаются.

Время поста воспринималось как особенное, святое, требующее усиленного внимания к своему поведению. Необходимо было не только воздержание от пищи, но и вообще не грешить. Не соблюдавшие эти правила сурово осуждались, порой независимо от их социального статуса.

Так, в 1462 году князь Василий II отдал приказ о жестокой казни нескольких дворян, которые пытались вызволить из заточения своего князя Василия Ярославича. Приговоренных привязали к лошадям, протащили по всему городу, а потом отрубили им головы. Многие, по свидетельству летописца, были потрясены. Поразил их не столько сам жестокий приговор, а время приведения его в исполнение. Вот что говорилось в летописи: «Ведь к тому же и недостойно православному великому государю, единственному во всей вселенной, подобными казнями казнить и кровь проливать в святой Великий пост».

Смерть Василия II, которая последовала в том же году, связывается еще с одним нарушением святости поста. Князь приказал «у себя на спине трут попалить из-за сухотной болезни», несмотря на уговоры жены и бояр не делать этого. Именно после этого случая и началась болезнь правителя, приведшая к его кончине.

Насколько трепетным было отношение к чистоте и строгости поста, очень хорошо демонстрирует случай, зафиксированный в воспоминаниях голландца Витсена, находившегося в свите шведского посла.

Псковский воевода сначала отказывался навестить иностранных гостей, так как в России в это время был пост. Согласился он, только когда ему пообещали, что русским гостям не подадут ничего скоромного. Увидев, что русским и шведам поданы разные блюда, воевода заявил: «Так и подобает, чтобы стол подходил к местному обычаю: одному по-шведски, другому по-русски». Ну а дальше произошел, с точки зрения иностранца, забавный случай. За столом случилось, что бычья ребро прикоснулось к голове щуки, стоящей перед русскими и приготовленной для них. Все сразу закричали, что рыба осквернена и должна быть убрана, что и было сделано.

Подобные строгости в соблюдении чистоты постной пищи были отмечены еще раз. «Была среда, у них день поста, поэтому он [пристав] с нами не ел, довольствовался одним русским хлебцем с селедкой и икрой. Они очень строго соблюдают пост, не хотели есть с тарелок, на которых лежал наш хлеб».

Невольно возникает мысль: а все ли дело только в соблюдении поста? При чем тут вполне постный хлеб? Вполне можно предположить, что русские чиновники просто не хотели никакого соприкосновения с той едой, которой уже коснулись иностранцы. Они считали эту пищу нечистой, неприемлемой для православного. Ссылка на пост была только вежливым прикрытием. Хотя, конечно, утверждать это со стопроцентной уверенностью нельзя.

Не только употребление скоромной пищи, но и любой контакт с ней воспринимается как оскверняющий. Как пишет шведский дипломат Петр Петрей, русские брезговали даже прикоснуться к ножу, которым резали что-то мясное.

Русские послы в Англии отказывались ехать вместе с королевой на оленью охоту, ссылаясь на постный день. Впрочем, в конце концов дипломатический этикет был соблюден, и послы на охоту все-таки отправились. Но на последовавшем после охоты угощении они сидели за отдельным столом — как раз потому, что ели в этот день только постные блюда.

Разумеется, православная церковь всегда считала свой образ жизни лучше, чем у католиков «латинян». Желающие оспорить эту точку зрения находились редко.

Одним из таких критически настроенных людей оказался известный Максим Грек. К его мнению готовы были прислушаться многие, так как, сравнивая, он исходил из своего богатого жизненного опыта. Родившийся в православной греческой семье, он долгое время жил в Италии, принял католичество, увлекался проповедями Джироламо Савонаролы. Но в возрасте 35 лет он возвратился в Грецию, где принял постриг в православном афонском монастыре. Спустя десять лет после этого Максим оказался в далекой и абсолютно на тот момент неизвестной ему России.

Судьба его и здесь выдалась непростой. Закончилось все опалой и заточением в далекий монастырь. Но до этого Максим успел поучаствовать в дискуссии иосифлян и нестяжателей по поводу возможности церкви и конкретных монастырей владеть земными богатствами. Симпатии Грека были на стороне нестяжателей. Максим буквально вопиет, обличая монастырские нравы: «Ты страшишься вкусить вина и масла в среду и пяток, повинуюсь отеческим уставам, а не боишься грызть человеческое мясо...» Он осуждает настоятелей, которые тратят выделяемые князьями деньги на роскошные пирры. Возмущение вызывает и тот, кто оказывается приглашен на эти трапезы. «Я заповедал вам не звать на пир ни богатых соседей, ни сродников своих, ни друзей, но звать слепых, маломощных, хромых, убогих и, вообще, всех нищих; и эту Мою заповедь попрали, и с богачами всегда совершаете роскошные и дорого стоящие пиршества, и щедро одаряете их подарками из имения убогих и сирот».

При этом он проводил нелестное для русских монастырей сравнение с итальянскими католическими обителями.

В чем же заключались различия? Для нас интересно, что Максим немало внимания уделяет отношению к пище. И здесь католики оказываются на высоте по сравнению с православными. Как образец благочестия он приводит в пример трапезу в католическом монастыре. Вот ее развернутое описание: «Войдя же в трапезную и прочитав предварительно “Отче наш”, как и у нас принято, сядут они по порядку тихо и со всяким благочинием, а хлеб уже положен у них не посередине стола, как у нас принято, но напротив каждого на краю стола — каждому из них целый калач, и рядом нож, и ложка, и чарка пустая. И никто не смеет прежде игумена взять себе свой хлеб или, разрезав его, попробовать. Тогда два юных инока входят, и каждый из них несет на тонкой дощечке приготовленное для братии кушанье в чашках оловянных, и, начав с последних, протягивают инокам эти дощечки с чашками, и каждый своей рукой берет чашку, а после всех уже и игумен берет чашку. Но еще не смеют они коснуться хлеба, пока назначенный инок не начнет читать положенное чтение. Когда же он начнет, то игумен ударяет трижды в висящей перед ним колокольчик. Тогда сам настоятель берет положенный перед ним калач, также и остальные. Когда они едят, входит виночерпий и, начав с последнего, наполняет также вином по порядку чарки их. И если другое какое кушанье будет принесено, и его прислуживающий предлагает, начиная с последних вплоть до игумена. После еды они встают и начинают петь благодарственные молитвы, и с пением выходят из трапезной попарно и благочинно, и, войдя в церковь, здесь заканчивают благодарственные песни... Собираться в трапезную они должны каждое воскресенье и по всем большим праздникам. Где у них особая какая-нибудь вкусная пища, или напиток, или какие-нибудь овощи, или что-нибудь другое, услаждающее гортань? О пьянстве же и избытке вкусной еды даже и не слышно у них».

В принципе, это описание мало отличается от того, как должна была происходить трапеза по уставу русских монастырей. Видимо, у Максима были основания считать, что на практике положения этих уставов в полной мере не соблюдались. Он обвиняет русских монахов в том, что они копят всеми правдами и неправдами большие запасы пищи, которые

тратят отнюдь не на помощь сирым и убогим. Придерживая эти запасы, монастырь с огромной выгодой перепродает их в голодные неурожайные годы. Иноки кутаются в соболиные шубы и роскошно питаются каждый день. Если же они и соблюдают пост, то это всего лишь лицемерное прикрытие их гораздо более страшных грехов.

С другой стороны, надо заметить, что западная литература самых разных жанров полна изобличений католического монашества. И кроме того, мы знаем, что иностранцы часто ставили православных монахов и даже мирян в пример своим соотечественникам. Так что вполне возможно, Максим использовал сравнение с католиками скорее как своего рода риторический прием, для большей убедительности своих обличений.

У беспокойного грека нашли и русские последователи, которые мечтали о монастыре, где полностью воплощается евангельское положение о равенстве всех людей. В послании, адресованном великому князю, монахи подчеркивали, что им дорого не богатое обеспечение обители, а равенство всех ее обитателей: «Не о множестве бо потребных пекушеся молим твое державство, дабы на братию ядения или питія много было и преизлишно... но о равенстве и о общем пребывании: аще воздержание, да вси имут равно; аще недостатки, то вси купно потерпят...»

Благодатность поста была своеобразно истолкована после церковного раскола в XVII веке. Многие старообрядцы, уверенные, что уже настали последние дни и Антихрист явился на землю, не желали жить на оскверненной земле и мечтали быстрее достигнуть царства небесного.

По русским областям прокатилась волна самоубийств. Больше всего известны так называемые «гари», то есть самоожжения. Но этот способ расставания с жизнью многим староверам казался все же сомнительным, так как греховность самоубийства никакие даже самые тяжелые времена и испытания для православного не отменяли.

Выход, однако, был найден. Нежелающие жить во времена антихристовы могли просто запоститься до смерти. Первым идею о «самоуморении» голодом начал проповедовать Васи-

лий Волосатый, уроженец Юрьевец-Польского уезда. Позже так называемые «морильщики», призывающие к массовым самоубийствам посредством голода, получили довольно широкое распространение в 1660-х годах на севере России. Такой вид самоуничтожения позволял считать, что самоубийство в данном случае не происходит. Кроме того, многие считали, что таким образом уподобляются святым и подвижникам, которые проявляли к посту большое усердие.

Официальная православная церковь жестко осуждала такую постническую практику. Святитель Дмитрий Ростовский говорил о «морильщиках»: «Есть у них скит, глаголемый морельщики, которые так же, как и сожигатели, простых людей, мужей и жен прельщают, еже в затворе постничеством и гладом умерети, будто за Христа... И если кого прельстят, молят его, да, шедши во сдину келию или в пещеру, покается прежних грехов своих, и постническим венцем яко мученик увенчается».

Согласившихся пострадать ради будущих венцов в царстве небесном сажали в специальные ямы, которые крепко заколачивали сверху, лишая несчастных любой возможности выбраться. Многие из соблазненных и хотели бы прервать свой страшный пост, но им в этом препятствовали, обрекая на смерть.

Иногда, по замечанию Дмитрия Ростовского, происходило еще более страшное. Желавших «принять венец» сажали не в одиночные ямы, а по двое или по трое. Обезумевшие от голода люди, прежде чем все-таки умереть от голода, оскверняли себя грехом людоедства.

С православной точки зрения таких постников ожидала следующая перспектива: «И тако проклинаяще день рождения своего погибают смертью сугубою, телесною и душевною: не в Царство бо Небесное, но в адския муки души тех отходят, яко самоубийцов».

Пост, служащий для усмирения и даже умерщвления плоти, по смыслу своему имеет мало общего с диетой, которая должна иметь своим результатом здоровое, а в идеале еще и красивое тело. Но в более поздние времена идея полезности поста для физического здоровья получает все большее рас-

пространение. Приведем пример из знаменитых великопостных проповедей московского митрополита Филарета: «Животные многопищные и тучные, не могут бегать так скоро, как малопищный олень; подобно сему чревоугодник не может быть так деятелен и благопоспешен в подвигах, как воздержанный». Зоологическую несообразность оставим на совести Филарета: все-таки многие мясоеды-хищники бегают довольно быстро, а среди воздержанных травоядных немало тихоходов. Нам здесь важно прямое указание на неспособность «многопищных» к активной деятельности.

Полезность поста довольно часто доказывалась с помощью примеров из жизни животных, которым находили христианские аналоги. Широко известный русскому средневековому читателю «Физиолог» содержит такое сравнение: «И еще: когда состарится змея и не видит, влезает в узкую расселину в скале, и постится сорок дней, и затаится, и полиняет, и опять станет молодой. И ты, человек, постился сорок дней, чтобы сбросить с себя лесь дьявола и принять новый облик, обновляющийся во Христе».

Порой богословские рассуждения о благодати поста довольно причудливо переплетаются с медицинскими представлениями. Мы можем наблюдать это, например, в «Починении о простой чади» новгородского игумена Моисея (XII век): «Бог вложил человеку любое желанье духовных и плотских поступков: сну свое время и мера, желанию пищи и время, и мера, и питью свой срок и умеренность, потребности в женщине время и мера, — стоит ли дальше слова продолжать? Любому желанию время и мера назначены живущему в вере одной, в христианстве. Но если же все те желанья исполнить кто хочет без меры и времени — грех будет в душе, а в теле недуг. Рождается всякий недуг в человеческом теле из желчи. Желчь же свернется от чрезмерной еды и питья, и лезанья, и от женской ласки без меры и срока. Желчи же три в человеке: желта, зелена и черна; от желтой — горячка, зеленая даст лихорадку, от черной же — смерть, то есть кончина души; дьявол тогда возликует о гибели человека».

Как видим, главной добродетелью является умеренность. Человеку предлагается поучиться умеренности даже от неразумных существ: «Насколько больше нас кони, насколько бы-

стрее нас пес, а каждый из этих животных, как видим, в еде и в питье пренебрегает обжорством: хоть не раз понуждаемы будут, не захочет сверх меры принять, — неужели коней тех мы хуже?»?

Это стремление найти гармонию между обязательностью и полезностью поста, обрести умеренность в постничестве нашло воплощение во множестве поучений. Получило оно и стихотворную форму.

Вот вирша известного русского писателя и богослова XVII столетия Симеона Полоцкого:

Воздержание аще безмерно храниши,
Множицею души ти вред велий твориши:
Плоти бо изнемогшей ум не добр бывает, —
Разсуждение в меру вся да устроает.
Уне есть мерно по вся дни вкушати,
Нежели долго от пищ ся держати:
Пост бо безмерный силу истребляет,
Дух уныния и печаль раждает.

Для тех, кого к соблюдению постов не могли подвигнуть благочестивые наставления, оставались народные суеверия, которые апеллировали к гораздо более простым и доступным вещам. Так, скажем, по народным представлениям у того, кто ест скоромное в пост, будет рябая невеста. Даже само слово «мясо» во время поста становилось запретным, вместо него следовало говорить «скоромь».

Считалось, что соблюдение постов может избавить от различных напастей. На основании этнографических материалов мы можем представить, как это выглядело в довольно наивном народном представлении: «Кто перед Успением Пресвятой Богородицы постится, тот от покушения лукавого сохранится. Кто в пятницу перед Вознесением постится, тот от утопления сохранится. Кто в пятницу перед сошествием Духа Святого постится, тот от меча сохранится. Кто перед днем Козьмы и Демьяна постится, тот от смертного греха сохранится. Кто в пятницу перед Ильиным днем постится, тот от вечных мук сохранится».

Обычай держать строгий однодневный пост сопровождал день памяти Иоанна Крестителя, который в народной среде

даже превратился в Ивана Постного. Сохранилось множество народных поговорок, отражающих строгость соблюдения этого поста. «На Постного Ивана вся скоромь мертвым узлом затянута (запрещена)!\», «Не соблюдешь Иван-пост, пришемишь в аду хвост!\», «Кто Ивану Крестителю не постит — за того и сам набольший поп грехов не умолит!»

С такой же строгостью соблюдался пост и на праздник Воздвиженья, что тоже нашло отражение в фольклоре: «Кто скороми на Воздвиженьев день чурается, — тому семь грехов прощается!\», «У кого на столе убоина о Воздвиженьи, — тот все свои молитвы убивает, а новой не знает — не ведает, нечем ему Бога помолить!»

Народные легенды связывали спасение Пскова от судьбы Новгорода во время опричнины с тем, что юродивый Никола умело сыграл на уважении царя Ивана к соблюдению постов. «Был еще один такой же, пользовавшийся большим уважением, в Пскове (по имени Никола Псковский), который сделал много добра в то время, когда отец нынешнего царя пришел грабить город, вообразив, что замышляют против него бунт. Царь, побывав прежде у блаженного на дому, послал ему подарок, а святой муж, чтобы отблагодарить царя, отправил к нему кусок сырого мяса, между тем как в то время был у них пост. Увидев это, царь велел сказать ему, что он удивляется, как святой муж предлагает ему есть мясо в пост, когда Святая Церковь запрещает это. “Да разве Ивашка думает (сказал Никола), что съесть постом кусок мяса какого-нибудь животного грешно, а нет греха есть столько людского мяса, сколько он уже съел?”»

Средневековые ереси, создающие свой вариант христианского вероучения, не могли, разумеется, обойти своим вниманием моменты, связанные с принятием пищи. Общий посыл этих еретических учений легко предугадать — в противоположность господствующей церкви посты и воздержания объявляются абсолютно ненужными, позднейшими добавлениями человеческой фантазии.

Мы знакомы с мировоззрением еретиков в основном по документам, вышедшим из-под пера их противников. Вот как излагаются взгляды ересиарха Косого из Новгорода в «Многословном послании»: «“Кто разделил дни на постные и не

постные?” Дни изначала сотворены Богом одинаковыми, и Господь в Евангелии сказал: “Не могут сыны чертога брачные поститься, пока с ними жених». И с нами жених — Христос, и поэтому не подобает нам поститься, и с утра есть можно, ибо и ученики Христа утром растирали колосья и ели. Сказал Христос: “Не входящее в уста оскверняет человека”, и прочее. Поэтому никогда не следует поститься. А апостол писал: “Для чистых — все чисто”. И Петру на спустившемся с неба полотне показал Бог всех животных и повелел их есть. Что такое посты? Что значит среда и пятница? Нет этого ничего. И ничего нет в том, чтобы есть мясо ежедневно. Ибо говорит Златоуст: “Не поститься велел Христос, но быть милосердным, как милосерден Отец ваш небесный. А не есть мяса в среду, в пятницу и в пост, и монашествовать, и не жениться, и после соития омываться — все это человеческие измышления. И поэтому подобает есть мясо в среду, и в пятницу, и в посты, и не блюсти воздержания, и после соития не омываться».

Как мы видим, критика установлений православной церкви идет в рамках именно христианского учения, допускавшего разные толкования. С одной стороны, слова Христа можно понимать так, что его ученикам не следовало поститься, пока Спаситель с ними в этой земной жизни. А вот потом, после распятия, найдется место и для постов. С другой стороны, сама Церковь учит, что Христос всегда с нами, следовательно, его слова можно понимать гораздо более широко, как ненужность постов после принесения искупительной жертвы Спасителя.

Христианские посты могли использоваться и как своеобразное средство борьбы с пережитками язычества. Именно этим, например, академик Б. А. Рыбаков объясняет появление в русском церковном календаре Петрова поста, который мог очень сильно различаться по продолжительности — от одной до шести недель. Но в любом случае время поста должно было покрывать главнейший из языческих праздников — русалии на Ивана Купалу. Так как русалии сопровождались обязательным употреблением ритуальной пищи — мяса, яиц, — то пост должен был удержать новообращенных христиан от празднества.

Впрочем, могла применяться и другая, более известная тактика, когда языческие праздники затмевались новым христианским смыслом, при этом оставляя людям возможность побаловать себя вкусной пищей. Так, трапеза, ранее посвященная роженицам, теперь выставлялась в честь Рождества Богородицы.

Порой в спорах о правилах соблюдения постов мы можем увидеть отголоски напряженной политической борьбы.

Одна из наиболее драматических историй развернулась во Владимирской земле в правление Андрея Боголюбского. Этот князь подумывал не только о власти над русскими землями. Ему хотелось, чтобы и русская церковь была как можно более независимой от Константинополя. Судя по всему, князь всерьез задумывался о создании собственной митрополии.

Это желание наложило на давний спор по поводу постов между Константинопольской патриархией и русским духовенством, воплощением которого стала позиция Киево-Печерского монастыря. Византийцы стояли за максимально строгое соблюдение постов. Киевляне позволяли многочисленные льготы, в особенности по отношению к мирянам.

Во Владимирском княжестве сложилась двусмысленная ситуация, когда, с одной стороны, туда был отправлен рукоположенный епископ Леон, но у князя был собственный кандидат на епископскую должность Федор. Пик конфликта пришелся на Рождество 1163 года, которое выпало на среду — постный день. По совету Федора Андрей устроил богатый пир с изобилием мясных блюд, так как ради праздника пост отменялся.

Но явившийся на трапезу Леон заявил о недопустимости происходящего. Что интересно, византийца поддержали мачеха Андрея, сама родом из Византии, его младшие братья и многие из наиболее знатных бояр, которые с возмущением покинули «нечестивый» пир.

Все недовольные подверглись опале, включая Леона, который был сослан в Ростов.

Впоследствии князь хотел прийти к компромиссу с несговорчивым епископом, поставив перед ним вопрос о возможности отмены поста по средам и пятницам на Пасхальной не-

деле, но так и не добился положительного результата. Видимо, Леон понимал, что его слабость в вопросе о постах будет расценена, как возможность русских земель проводить независимую от патриархии политику и в других важных вопросах.

По мнению Рыбакова, взятие Киева войсками Боголюбского в 1169 году современниками рассматривалось как продолжение конфликта и споров о мясоедении по постным дням. Лаврентьевская летопись сообщает: «Се же здеся за грехы их (киевлян), паче же за митрополичю неправду: в то бо время запретил бе Поликарпа, игумена печерьскога про господьские праздники, не веля ему ести масла ни молока в среды и в пяткы...»

Еда как маркер социального статуса

Обладание едой всегда было одним из главных признаков силы и власти. По мнению многих историков, довольно большое количество случаев добровольного обращения себя в подневольного человека — закупа означало, что альтернативой перехода в это зависимое состояние была голодная смерть. То есть именно страх голода способствовал становлению определенной общественной структуры.

Первоначально главную роль играло количество еды. Возможность гарантировать себе и своему окружению не умереть с голоду очень долгое время была ключевым фактором в отношениях господства и подчинения. Но постепенно акцент, по крайней мере в западной цивилизации, переходил от количества к качеству. Возможность неограниченного насыщения переставала быть признаком принадлежности к элите. Главную роль стала играть возможность наслаждаться теми блюдами, которые по той или иной причине недоступны большинству.

Если постараться быть объективным, насколько это вообще возможно при обсуждении вопроса о вкусе еды, далеко не всегда эта статусная еда особенно вкусна. Зачастую это еда дефицитная, запрещенная, неизвестная.

Но едой мало обладать. Для обозначения своего высокого статуса ей нужно наделять других, становиться кормильцем, уподобляясь в этом отцу и требуя соответствующего повиновения и сыновьей почтительности.

В «Сказании об индийском царстве», которое должно было поведать о таинственной стране пресвитера Иоанна, могущество этого царя утверждалось через описание его застольных обычаев. «А обедают со мной за столом каждый день двенадцать патриархов, десять царей, двенадцать митрополитов, сорок пять протопопов, триста попов, сто дьяконов, пятьдесят певцов, девятьсот клиросников, триста шестьдесят пять игуменов, триста князей, а в соборной моей церкви служат триста шестьдесят пять игуменов, пятьдесят попов и тридцать дьяконов, и все обедают со мною; а стольничают у меня и чаши подают четырнадцать царей, сорок королей и триста бояр; а поварней моей ведают два царя и два короля, помимо бояр и слуг».

Согласно русским обычаям следовало отсылать угощение тем, кто не смог присутствовать за столом, в соответствии с их достоинством и чином. Отвергнуть подобный подарок считалось страшным оскорблением. С другой стороны, для служивого человека не получить подобное угощение становилось поводом задуматься о возможной опале или по крайней мере недовольстве со стороны вышестоящего лица.

Учитывая такое трепетное отношение к подаркам, не должно удивлять жестокое наказание, и даже тюрьмой, когда дело касалось царских подарков, для тех по чьей вине произошла путаница в рассылке блюд. Вот как описывает происходящее Котошихин: «Да в то ж время, как царь кушает, раздается всем боярам и думным людям и спальникам, посылают к ним на дворы от обеда и от ужина поденные подачи с истопниками, по росписи, по блюду; и на утрее, или того дни в вечеру, приехав бояре за подачу царю бьют челом. А будет которого дни к которому боярину и ближнему человеку подачи не пришлют... и они сказывают дворецкому, или бранят дьяков и путных ключников, что к ним не прислано... и ставят себе в бесчестье и бьют челом о том царю, что он вины на себя не ведает никакой, а в подаче его перед своею братьею обесчестили. И царь, или дворецкий, велят про то сыскати росписми и записными книгами, что послана ль та к нему пода-

ча и с кем именем: и будет сыдут что послана, а тот человек с кем послана, не отнес, для себя, или ненарочным делом идучи уронит в грязь, или прольет, и тому человеку, кто так учинит, бывает наказание, бьют перед царскими палатами батоги».

Особо почетным считалось получить пищу непосредственно из рук царя. Для большинства даже знатных москвичей такая возможность могла представиться не чаще, чем раз в году. По обычаю, цари раздавали пироги в день своих именин на Золотом крыльце. Подобные раздачи устраивались также от имени царицы или царевичей, но лично пищей они не одаривали.

Никто не видел урона для царской чести, если правитель демонстративно приглашал к своему столу людей с заведомо низким социальным статусом — нищих или даже пленников. Это вполне соответствовало духу евангельских идеалов. Прототипы таких пиров могли быть легко найдены и в библейской истории, и в поведении древнерусских князей, того же Владимира Святого.

Сохранились свидетельства, что Алексей Михайлович в 1661 году угощал польских пленных. Обед дополняли денежные пожалования.

Пасхальное меню для пленных могло быть достаточно обильным. Вот как угощали заключенных по приказу Алексея Михайловича в 1664 году: «Государь пожаловал на Английском Дворе пленным полякам, немцам и черкасам, а также и колодникам, всего 426 человекам, каждому: чекмень, рубашку и порты и потом приказал накормить их; еств им давали лучшим по части жаркой, да им же и остальным всем по части вареной, по части ветчины, а каша из круп грешневых и пироги с яйцами или мясом, что пристойнее; да на человека же купить по хлебу да по калачу двуденежному. А питья: вина лучшим по три чарки, а остальным по две; меду лучшим по две кружки, а остальным по кружке».

Приглашенные на пир также могли и должны были действовать в духе христианских добродетелей. Если они не съедали предложенную им пищу, то должны были унести ее в сосудах и раздать нищим. Но вот в заметках австрийского дипломата Иоанна Кобенцеля, описывавших царский пир

Грозного, говорится: «Остатки со снятых блюд сбрасывали в кучу, ни сколько не дорожа лакомствами».

По мемуарам немцев Таубе и Крузе, когда один опричник в Великом Новгороде, где свирепствовал голод, решил поделиться хлебом с бедной вдовой, его наказали — скоро и беспощадно. И опричник, и вдова были обезглавлены; их тела пролежали на площади три дня, причем рядом лежал хлеб, который стал поводом для казни.

Судя по всему, считалось, что еда требует к себе особого отношения и раздавать ее кому попало — а новгородцы в это время обвинялись Грозным в коллективной измене государю — было преступным действием.

Богатый стол со множеством блюд, судя по всему, далеко не всегда предполагал, что вся эта пища должна быть съедена. Ситуация, когда после пира оставалось довольно много еды, была нередка. Сильвестр дает подробные наставления, что с нею делать. Блюда следовало перебрать, отделить недоеденные от вообще не попробованных, разложить по чистой посуде и обложить льдом. Обьедки рекомендовалось использовать в пищу для слуг. А вот нетронутые блюда вполне могли пойти на хозяйский стол.

Сильвестр с одобрением отзывается об обычаях многих «боголюбцев», которые оставшуюся нетронутой за пиршественным столом еду сохраняют и используют для тех же подарков. Соответственно порицается человек, который пожелал бы отведать сразу все блюда, поданные к столу. «Если же кто, бесчувствен и неискусен, не учен и невежда, без рассуждений все блюда подряд починает, уже насытаться и не желая есть, не заботясь о сохранении блюд, такого обругают и высмеют, он обесчещен перед Богом и людьми». Сложно сказать, носило ли это правило общий характер или было распространено только в социальном слое, к которому принадлежал автор «Домостроя». Большой грех видели в том, чтобы самовольно, без разрешения и благословения хозяина, вынести еду из-за стола.

Сильвестр, по-видимому, понимал, что попытка буквально выполнять евангельские заповеди и кормить всех нуждающихся, обратившихся за помощью, может разорительно сказаться на хозяйстве. Поэтому он допускает и возможность

отказа в этом со стороны хозяина. Главное — соблюсти определенные нормы поведения, не допустить злости и грубости по отношению к просителю. «Если кого не накормишь, спокойно объясни, не облаяв и не побив, и не обесчестив, вежливо отпусти, отказав. А пойдет со двора кто, жалуясь на хозяйское невнимание, так учтивый слуга вежливо гостюшке проговорит: “Не прогневайся, батюшка, много гостей у хозяев наших, не успели тебя употчивать”».

Впрочем, угощение объясняется не только необходимостью выполнять божественные заповеди, но и вполне прагматическими соображениями. Оказав уважение человеку, усадив его за стол, можно рассчитывать на встречное положительное отношение с его стороны. Это касается, разумеется, не нищих, а, например, торговых людей. «А купит он у кого что-нибудь много ли, мало у приезжего ли купца или у крестьян, или у здешнего торгового человека, сговорись полюбовно, а деньги плати из рук в руки. А затем, по человеку судя и по покупке, почти его хлебом да солью и питьем — в том убытка не будет, а дружба и впредь остается, никогда он тебя хорошим товаром не обнесет: и лишнего не возьмет, и плохого не даст».

Сильвестр делится личным житейским опытом, утверждая, что хлебосольство помогло ему в налаживании отношений со множеством людей. «Да еще вот неплохо недруга напоить и накормить хлебом да солью, глядишь, вместо вражды и дружба. Хоть многие были мошенники да и бражники, но со всеми теми мастерами за сорок лет, дал Бог, обошлось без клеветы, без судебного пристава и без всякой кручины; все, что было, улажено хлебом да солью, да питьем, да подарком и всякою добродетелью».

С другой стороны, как утверждает Изборник от 1076 года, дружба, имеющая основанием лишь совместные трапезы, вряд ли может быть особо надежной и долговечной. «А есть друг — соучастник в пирах, не будет его в день скорби твоей, но в богатстве твоём останется при тебе, и к рабам твоим протянется, а если кротко это снесешь, и против тебя поднимется и от лица твоего скроется».

Как отмечает Костомаров, многие высокие государственные чиновники также использовали пиршественные обы-

чай не просто в прагматических, но откровенно в корыстных интересах. Предполагалось, что после пира гости делают хозяину подарки. Отказаться от приглашения многие считали рискованным, а подарки в таком случае могли значительно превышать сумму, потраченную на приготовление угощения.

Для работников и слуг «Домострой» требует готовить пищу «хорошо и чистенько», как для себя. Сама хозяйка или ключник должны попробовать еду, приготовленную для прислуги, и выбрать повара, если та не соответствует необходимым стандартам.

Сильвестр грозит небесными карами тем, кто отнесется к приготовлению пищи без энтузиазма или тем более попытается обмануть хозяина, введя его в заблуждение по поводу количества использованных припасов: «А кто еду и питье и какое еще рукоделье не чисто исполнит, и в ремесле каком что украдет, подмешает, подменит или соврет и притом побожится ложно: не настолько сделано или не в столько стало, а он врет, — так те все дела не угодны Богу, и тогда запишут их бесы, и за это все взыщется с человека в день Страшного суда».

Для добрых слуг у хозяина должно быть припасено не только доброе слово. Он должен «одарить» их едой и питьем. И даже если хозяин решил расстаться с глупым и ленивым слугой, то, отказав ему в месте, нужно его обязательно накормить и только потом прогнать со двора.

«Домострой» дает примерный список блюд, который подходит для питания прислуги и работников: «В скоромные дни хлеб решетный, щи каждый день да каша с ветчиной жидкая, а иногда, сменяя ее, и крутая с салом, и мясо, если будет, дадут к обеду: а на ужин ши да молоко или каша: а в постные дни ши да житная каша (ячневая), иногда с вареньем, когда и горох, а когда и сушик (мелкая сушеная рыба), когда печеная репа. Да в ужин капустные щи, толокно, а то и рассольник, ботвинья. По воскресеньям да праздникам к обеду какие-нибудь пироги или густые каши, или овощи, или селечная каша, блины и кисель, и что Бог пошлет». Еще раз подчеркивается, что ко всем этим блюдам добавляются остатки с хозяйского и гостевого стола.

Сложно сказать, насколько вкусными считались перечисленные блюда с точки зрения той эпохи, но сытость и опре-

деленное разнообразие они должны были гарантировать. Не стоит, конечно, забывать, что Сильвестр описывал некоего идеального домохозяина. Вряд ли все домашние слуги питались именно так.

Но как бы то ни было, кормление слуг рассматривалась как одна из основных обязанностей знатного человека. Невыполнение ее могло привести к тому, что отношения зависимости со стороны несвободных людей оказывались разорваны, и это подтверждалось государственной властью. В 41-й статье «Соборного уложения» говорится, что если хозяева прогоняли своих холопов кормиться самостоятельно, то «и впредь им до тех холопей дела нет».

Отдельные наставления в области пищевого этикета даются и слугам. Они не должны, находясь в чужом доме вместе с хозяином или по его поручению, что-либо пробовать без предложения со стороны хозяев: «То святотатство и чревоугодие».

Уделено внимание и контролю за поведением жены. Ей запрещается есть тайком от мужа, делать «захоронки» с едой. Также ничего из пищи нельзя принимать в подарок или самой отдавать без разрешения супруга, даже родственникам. Сильвестр настоятельно рекомендует супругам по крайней мере завтракать вместе, единственным поводом для нарушения этого правила может быть только тяжкий недуг.

Семнадцатое столетие считается веком женского затворничества и неравноправия. Но видимо, в некоторых случаях хозяйка дома тоже могла выступать в качестве организатора пиров. Например, упоминание об этом встречается в «Повести о Карпе Сутулове» (XVII век). Главный герой обращается перед отъездом к своей жене: «Госпоже моя, Татиана... Егда начнешь творити без меня частыя пиры на добрых жен, на своих сестер, аз тебе оставляю денег на потребу, на что купи ти брашна на добрых жен, на своих сестер, и ты поди по моему приказу ко другу моему Афанасию Бердову и проси у него на брашна денег, и он тебе даст сто рублей, и ты, чай, тем до меня и проживешь».

Не обойдено вниманием и поведение детей. В ряду жизненных наставлений можно встретить рекомендацию юношам иметь «пищу и питье не острые». Вряд ли здесь речь идет именно о пище с пряностями. Скорее всего, имеется в ви-

ду, что молодым людям не стоит увлекаться вкусной пищей, а больше думать о спасении души.

Сильвестр не мог не коснуться и положения священнослужителей. Он рекомендует первые плоды с огорода относить в церковь для благословения и на пробу священникам. Особенно стоит почтить духовного отца, также отправив ему подарки из урожая.

Христианство всегда подчеркивало равенство всех людей перед Богом независимо от их социального статуса. Но в реальности проявления неравенства могли проникать даже в самые благочестивые обычаи. Так, традиционно христосование на праздник Пасхи сопровождалось вручением друг другу крашенных яиц. Существовало негласное правило, по которому вручать яйцо первым должен человек, чей статус в обществе был выше.

Еда в качестве даров могла подноситься не только людям, но и реликвиям. В 1540 году два старца, Адриан и Леонид, удалились в пустынь для основания монастыря. Принесенную с собой икону они пристроили на дуб, а сами отправились искать место для постройки кельи. Тем временем икону, чудесным образом «явившуюся» на дереве, обнаружили местные рыбаки. Один из рыбаков хотел снять ее с дерева и забрать с собой, но неведомая сила откинула беднягу на приличное расстояние. После этого он долго не мог прийти в себя, а когда товарищи все-таки привели его в чувство, заявил, что ему явился некий старец, который запретил трогать святой лик. Рыбаки в благоговении удалились, но перед этим оставили перед иконой пшеничный хлеб и рыбу. Это подношение пришлось как раз для трапезы оголодавшим старцам.

Подарки в виде съестного составляли норму даже в представлениях людей с самым высоким статусом. Но если престиж царя поддерживала как раз его возможность потреблять множество разнообразных яств и одаривать ими, то для церковных иерархов престиж заключался как раз в смирении, в том, что они в потреблении пищи ничем не отличаются от своей паствы.

Настоятели монастырей должны были питаться за одним столом с монахами. Даже когда монастырь посещали гости,

игумен не должен был угощать их отдельно в своей келье, чтобы не соблазнять братию. Хотя, разумеется, из этого правила было множество исключений, что не мешало в житийной литературе подчеркивать идеал, к которому следует стремиться любому пастырю.

Так, настоятель Коневецкого монастыря на Ладожском озере Арсений имел обыкновение угощать благодетелей монастыря за столом у себя в келье и там же хранил необходимые для этого припасы. Так продолжалось до тех пор, пока один из старцев не услышал разговор двух бесов. Нечистые обменивались мнениями по поводу персоны Арсения, и один из них сказал, что единственное радостное для него в жизни этого человека — запасы еды в его келье. После этого Арсений принимал пищу только за общей трапезой. Требование придерживаться этого правила он оставил и в своем завещании.

О том же наставлял братию перед смертью преподобный Ефросин Псковский, основатель Спасо-Елеазаровского монастыря: «В игумсна изберите себе человека благоразумного, духовного и “богородного”, который бы желал служить единственно Богу и святой Церкви, а не заботился иметь что-либо лишнее против братии, ни риз более светлых и мягких, ни пиши более вкусной».

В жизни не все готовы были следовать такому идеалу. В Кирилло-Белозерском монастыре сохранилась рукопись, где среди записей служб имеется жалоба клиросного монаха на монастырское начальство. Суть ее в том, что настоятель упрекает братию за любую мелочь, а сам позволяет себе во внеурочное время потреблять различные вкусности.

Не исключено, правда, что в этом и подобном случаях не столько чревоугодничал настоятель, сколько монахи были недовольны своим скудным рационом. Ведь монастыри традиционно кормили большое количество нищих, и, согласно монастырским уставам, настоятели могли быть нищелюбивыми даже за счет телесных потребностей братии, а это не всегда встречало понимание у монахов. Кстати, имелось одно общее требование к духовным и светским властям. Это хлебо-сольство — и те, и другие должны были быть готовы в любой момент накормить страждущих.

Со стороны монастырских настоятелей можно наблюдать попытки завести в кормлении нищих определенный порядок. Возникает понятие «записные нищие», то есть приписанные к определенному монастырю и регулярно получающие в нем трапезу. Например, в Волоколамской обители количество таких превышало 50 человек. Впрочем, считалось, что не один нуждающийся не должен уйти из монастыря обойденным милосердием и хотя бы куском хлеба.

Так, Иосиф Волоцкий, в то время когда его монастырь переживал не самые лучшие голодные времена, приказал накормить явившихся к обители 700 человек. Узнав, что запасы муки иссякли и денег на ее покупку нет, он приказал денег занять, но не допустить, чтобы монастырь кто-то покинул голодным. Братия на это отреагировала так: «Покупать, чтобы прокормить столько народа, — это безрассудная милость: нас переморит, а их не перекормит».

В письме к княгине Голениной Иосиф Волоцкий объясняет, на что идут приношения, пожертвованные обители. Объяснение во многом вынужденное. Видимо, княгиня предъявляла какие-то претензии. По крайней мере, начинается письмо с оправданий: «А что ты писала: “Дать двадцать рублей за семь лет — то грабеж, а не милостыня”, — так это не грабеж, это мы с тобою заключаем добровольное соглашение, по воле твоей и по нашей, а если тебе угодно, то мы так и сделаем, а не угодно — не сделаем». И только потом уже следует перечисление многочисленных трат обители, в которых затраты на питание занимают немалое место: «Надобно готовить церковные вещи, святые иконы, и святые сосуды, и книги, и ризы, братию кормить, и поить, и одевать, и обувать, и удовлетворять иные всякие нужды, опекаль и кормить нищих, и странников, и путешествующих. А расходуется каждый год по полтора ста рублей деньгами, а иногда и больше, да хлеба по три тысячи четвертей расходуется, потому что каждый день в трапезной едят иногда шестьсот, а иногда семьсот душ: сколько Бог пошлет, столько и расходуется».

Благочестивое поведение игумена было вознаграждено. О ситуации в Волоке узнал великий князь и не только опла-

тил монастырские долги, но и накормил всех голодных из своих закровов.

Терминология, употреблявшаяся при наделении тех или иных людей пищей, также могла играть важную роль и служить показателем социального статуса. В сохранившихся записях о проведении так называемой прокопьевской трапезы (праздник в честь поминовения святого на Русском Севере) указывается, что священнослужители «потчиваны», а вот нищих той же самой едой уже «оделяли».

Нередко вышестоящего человека, зачастую и самого царя называли не иначе, как «кормильцем», что опять же подчеркивало его высокий статус. Человек способный накормить других, очень много значил в глазах людей доиндустриальной эпохи.

Даже сам правитель мог сравниваться с пиршеством. Вот как звучала похвала инока Фомы тверскому князю Борису Александровичу: «Воистину, он сам — царская трапеза, от которого насыщаются многие».

В переводном с греческого «Наставлении отца к сыну», которое было широко известно на Руси, жизнь скупых сравнивалась с поминальной трапезой, на которой «все вокруг плачут и нет веселящегося».

Особо отмечается в летописях стремление правителя угостить не только приглашенных, но и вообще всех желающих. Это делал, например, Борис Александрович Тверской. «А сам великий князь Борис Александрович вернулся на свой двор в новооснованном том городе и задал веселый пир не только для тех, кто был зван, но и для тех, кто оказался там случайно».

Человек, принявший у другого еду, особенно если это происходило регулярно, попадал в зависимость от своего благодетеля. Сделать зло тому, кто тебя накормил, одно из самых страшных прегрешений. Эта мысль отражается не только в наставлениях, исходящих из церковно-книжной среды. Подобным настроением проникнуты и русские сатирические сказки.

Петух в записанной еще в XVII столетии «Сказке о куре и лисе» говорит: «Тако ж и я, госпожа моя лисица, у крестьянина жил, хлеб ел и пшеницу я у них клевал, как же добра

им не хотеть? Тому и Бог не поможет, кто хлеба и соли не помнет. Хлеб-соль великое дело, без него человек не может жить ни единого часу».

Довольно критично в целом настроенные иностранцы часто отмечали за русскими такую добродетель, как гостеприимство, которое выражалось в стремлении как следует накормить гостя. «Но справедливость требует сказать, что гостеприимство есть общая добродетель русских, так что ничем нельзя скорее рассердить их, как отказавшись от угощения», — писал Адольф Лизек, секретарь посольства императора Священной Римской империи, к царю Алексею Михайловичу.

Предполагая кого-либо угостить, надо, однако, соблюдать осторожность. Даже гипотетическое предложение еды смутьяну и бунтовщику могло привести к неприятным последствиям. Один из таких случаев упомянул хроникер голландского посольства, которое находилось в России как раз во время разинского восстания: «Даже в Москве нашлись лица, которые с похвалою о нем говорили, как о человеке, стремящемся к их свободе и благополучию. Дело дошло даже до того, что некий старик на вопрос, что следует делать, если Стенька подойдет к городу Москве, неосторожно отвечал: его следует встретить с хлебом и солью (под этим русские разумеют всякое хорошее угощение); за это он публично был наказан».

Иностранцы также часто говорят о том, что многие придворные стараются пустить пыль в глаза за счет пышных угощений, но в повседневной жизни далеко не всегда могут позволить себе роскошный стол. Как пишет побывавший в Москве в том же, что и Лизек, 1675 году голландский дипломат Бальтазар Койетт, «богатые иногда держат более пышный дом и стол, особенно при приеме чужеземцев; последним, однако, подарками приходится за все это расплачиваться более чем достаточно. С другой стороны, они очень скупы в обыкновенных своих обедах; средств у них мало, так как очень много выходит на рабов и на лошадей».

В Изборнике можно встретить рекомендации по угощению священнослужителей: «Пусть твой дом будет — дом молитвы и покоя иереям, служителям Божиим, и всякому чину церковному. Введи таких в дом свой, со всякою честью их уса-

ди, стол накрой им, словно Христу самому, сам же стань им служить».

Вполне возможно, что первоначально сельские священники не имели собственного хозяйства и питались поочередно у всех членов общины. «Святительское поучение новопоставленному священнику» (XIII век) резко осуждает излишнюю неумеренность батюшек при таких угощениях и сравнивает их с «псами», которые не могут «насытятся от неудержания своего».

Название совместных трапез — братчина, — устраиваемых крестьянской общиной по тем или иным поводам, говорит само за себя. В этом слове явное указание, подкрепленное многочисленными ритуалами, что родство по пище мыслилось едва ли не столь же важным, как родство по крови. Это заставляло крайне внимательно относиться к тому, кто может принимать участие в трапезе, не допускать на нее чужаков и случайных людей.

Неприкосновенность братчины от чужаков защищалась законом, который был в данном вопросе суров даже к боярским людям. Вот что говорится в жалованной грамоте князя Василия III: «А на пир и на братчины к ним боярские люди ино ниhto незваные не ходят. А хто к ним на пир и на братчину придет незван, а случитца у них в том пиру какова гибель, — и тому незваному та гибель платить без суда». Как мы видим, на незваных гостей возлагалась ответственность за все чрезвычайные происшествия во время пиршества, что должно было заставить их держаться от братчин подальше.

Неслучайно Владимир устраивает пир после окончания строительства Десятинной церкви в Киеве. Участие народа в совместной трапезе должно было подчеркнуть, что христианская религия с ее праздниками и обрядами является теперь общенародным делом, строительство храма должно было восприниматься как совместное действие всего народа.

Еда может объединять и разделять не только людей разных наций и социальных групп, но даже живых и мертвых. Общеизвестный сказочный сюжет заключается в том, что герою, попавшему в царство духов, ни за что не следует вкушать предлагаемую ему пищу, иначе он никогда уже не вернется домой.

Человек, побывавший в ином мире, уже не может иметь дело с земной пищей. В «Измарагде» (XIV век) приводится история одного праведного воина, который был привержен блудному греху. Он должен был отправиться в ад, но по молитвам ангелов ему был предоставлен еще один шанс для покаяния. Для этого умершему пришлось вновь вернуться в свое тело и прожить на земле еще сорок дней. Но все эти дни он не вкусил ни крошки хлеба.

Героиня сказки «Гуси-лебеди» получает помощь лишь тогда, когда соглашается принять угощение: яблоко, пирожок, кисель. Только после этого она признается своей, человеком, которому можно оказать помощь.

Просьба накормить хлебом, судя по всему, рассматривалась как своего рода ритуальная. Это должно было выражать признание зависимости, готовность отдать свою судьбу в руки другого человека. С подобными формулировками мы можем встретиться в «Повести о битве на Липице»: «Утром же рано выехал Юрий с двумя братьями, и поклонился князьям, и сказал Мстиславу и Владимиру: “Братия, кланяюсь вам и бью челом: дайте мне жить и накормите хлебом”».

С такой же ритуальной формулой обращается к братьям и Ярослав: «И во вторник четвертой недели выехал сам Ярослав из города, ударил челом брату Константину и сказал: “Господин, я в твоей воле, не выдавай меня ни тестю моему Мстиславу, ни Владимиру, а сам, брат, накорми меня хлебом”».

Отказ разделить трапезу и принять угощение воспринимался как оскорбление и мог привести к прямой агрессии. Даже стремление к соблюдению поста большинством не считалось уважительной причиной для отказа.

Печальный случай произошел с благочестивым Никандром Псковским. Направляясь в свою обитель, он попросился переночевать в дом к одному крестьянину. Дело было на Масленой неделе, в доме по этому случаю угощались и предложили принять участие в пиршестве и Никандру. Когда же тот отказался есть молочные блюда, то его заподозрили в злом умысле против хозяев и начали избивать палками. Хорошо, что среди пировавших нашлось несколько разум-

ных людей, которые избавили Никандра от смерти и накормили хлебом.

Скромность в застольном поведении и умеренность в еде считались для светских властей большими добродетелями. Именно эти качества, по мнению антиохийского патриарха Макария III, заслуживали уважения у Богдана Хмельницкого. В отличие от многих дворов, у гетмана подача блюд к столу была очень скромной. «Воззри в эту душу от праха земного! Да продлит Бог ее существование! У него нет виночерпиев, ни особых людей для подачи ему кушаньев и питья, как это водится у царей и правителей».

Особенно гостям бросилось в глаза, что во время обедов Хмельницкий усадил патриарха на самом почетном месте, а сам сел ниже. Этим он отличился от правителей Молдавии и Валахии, которые не додумались оказать владыке такую честь. Именно перед патриархом ставили сначала каждое блюдо, от которого тот отведал, а затем оно уже начинало путешествие к противоположному краю стола.

Скромность Хмельницкого не сказывалась на количестве и изысканности блюд, которые преподносились патриарху не только во время обеда, но и в дар. Вот всего лишь один пример такого подарка: «Затем он подносил прочее и прочее до конца все, что принес, и ушел. Воевода также прислал от себя главных из своих служилых людей с царской (слово “царский” употреблено здесь, вероятно, в смысле “роскошный”) трапезой, состоявшей из сорока, пятидесяти блюд, которые несли янычары; тут были: разная вареная и жареная рыба, разнородное печеное тесто с начинкой таких сортов и видов, каких мы во всю жизнь не видавали, разнообразная рубленая рыба с вынутыми костями, в форме гусей и кур, жареная на огне и масле, разные блины и иные сорта лепешек, начиненные яйцами и сыром. Соусы все были с пряностями, шафраном и благовониями. Но как описать царские кушанья? В серебряных вызолоченных чашах были различные водки и английские вина, а также напиток из вишен, в роде густого сока, приятный на вкус и благовонного запаха, и еще маринованные лимоны: все это из стран франкских». Любопытна сама процедура вручения подарков. Блюда не просто вносились

и передавались патриарху. Каждое из них еще и озвучивалось. Начиналось подношение с различных видов хлеба.

Для нас интересным будет сообщение об одном из ответных подарков Макария гетману. Это были «кофейные бобы». Во всех источниках, посвященных истории распространения кофе, сообщается, что впервые в России он появился лишь в 1665 году, и то не в качестве напитка, а лекарственного средства. Придворный лекарь Алексея Михайловича англичанин Самюэль Коллинз выписал самодержцу следующий рецепт: «Вареное кофе, персианами и турками знаемое, и обычно после обеда, изрядно есть лекарство против надменных, насморков и главоболений». Макарий был в гостях у гетмана за десять лет до этого, но о кофе сопровождавший патриарха Павел Алеппский пишет, что сей подарок был сделан Хмельницкому, «так как он любитель его (кофе)».

Во время царского пира уже в Москве гости из Сирии также стараются отметить все моменты, которые можно истолковать как признание высокого статуса патриарха. Его посадили рядом с царем и московским патриархом. Серебряные блюда и кубки церковных владык ничем не отличались от царских. Именно патриархам достались первые куски хлеба, которые царь перед началом трапезы через стольников передавал всем присутствующим.

Уже в процессе пира царь также отправлял некоторым боярам или священнослужителям какие-то блюда со своего стола. Как отмечает Павел Алеппский, подобные подарки не съедались здесь же, а тщательно береглись и отсылались домой, как великое свидетельство царской милостыни.

Спустя несколько дней Макарий был приглашен на обед русским патриархом Никоном. Павел не осмелился хоть словом высказать неудовольствие главой русской церкви. Но мне кажется, определенный намек читателям он все же дал. При чем сделал это как раз через описание пира.

Во время обеда для Никона был приготовлен отдельный стол, откуда он распоряжался пиршеством, подражая царю и точно так же раздавая приглашенным куски хлеба и прочие яства. Учитывая, что даже царь посадил Макария за один стол с собой, поступок Никона выглядел не слишком подхо-

дящим для того, кто должен был всем православным на Руси подавать пример кротости и смирения.

С этим пиром у Никона связан крайне любопытный эпизод, напрямую касающийся нашей темы. В Москве оказались представители северного народа лопарей, живущих на далеком Кольском полуострове. Никон решил развлечь своих гостей экзотикой и пригласить вождей лопарей на пир.

Павел подробно описывает внешность и обычаи дикарей, причем в самых отрицательных тонах. По его мнению, они мало чем отличаются от животных, как внешне («Когда они идут, то их не отличить от стада медведей или других животных»), так и по своим моральным качествам. Среди прочего рассказывает он и про пищевые привычки лопарей, которые такие же мерзкие, как и они сами. Они поедают собак и прочих нечистых животных, причем в сыром виде, а также являются людоедами. Поедают даже своих умерших родственников.

Именно на деликатную тему людоедства Никон и затеял с лопарями примечательный разговор. «“Правда ли, спросил он, что вы едите человеческое мясо?” Они засмеялись и сказали: “Мы едим своих покойников и собак, так почему же нам не есть людей?” — “Как вы едите человека?», — спросил он. Они отвечали: “Захватив человека, мы отрезаем ему только нос, затем режем его на куски и съедаем”. Он сказал им: “У меня здесь есть человек, достойный смерти; я пошлю привести его к вам, чтобы вы его съели”. Они начали усиленно просить его, говоря: “Владыка наш! Сколько ни есть у тебя людей, достойных смерти, не беспокойся наказывать их сам за преступление и убивать, но отдай нам их съесть; этим ты окажешь нам большое благодеяние”».

Кандидатом на жертву этого гастрономического представления, по записи Павла Алеппского, должен был стать также чужеземец, но при этом православный. Мало того, это был митрополит города Миры, который, оказавшись в России, подвергся наказанию вместе со всей своей свитой за многочисленные греховные поступки, не соответствовавшие высокому духовному сану, в том числе за курение табака. Но когда за несчастным послали, чтобы привести его к дикарям, оказалось, что он уже скрылся. Где он находился, Павел не уточняет.

Сложно сказать, насколько достоверной можно считать всю эту историю. Никон отличался крутым характером, может быть, даже и самодурством. Но поверить в то, что он реально собрался прямо на пиру устроить подобное развлечение? Да и если бы у патриарха были насчет кого-то такие кровожадные планы, то он наверняка лучше позаботился бы о его охране.

Скорее всего, придется опять сделать вывод, что писал Павел в расчете на своих соотечественников, для большинства которых русское государство было очень далеким и малореальным. Какие конкретно чувства у читателей должна была вызвать эта байка? Негативное отношение к жестокому Никону? Или к русским дикарям, которые мало чем отличаются от лопарей? А может быть, это был урок как раз православным обитателям Сирии, который должен был продемонстрировать строгость соблюдения правил в далекой, но истинно верующей стране.

Несмотря на «побег» митрополита, развлечение на пиру все-таки состоялось, хоть и не столь кровавое. «Патриарх дал со своего стола блюдо превосходной рыбы и хлеба, чтобы они это съели; они поклонились ему и извинились и просили его, говоря: “Наши желудки не принимают вареного и мы к этому совершенно не привыкли; но если тебе благоугодно, дай нам невареной рыбы”. Он велел принести. Им принесли большую рыбу, называемую штука (щука), — она была мерзлая, как чурбан, — и бросили перед ними. Увидев ее, они сильно обрадовались и много благодарили. Патриарх приказал им сесть, и они сели. Старшина их подошел и попросил нож. Взяв рыбу, он сделал надрез кругом головы и снял кожу сверху донизу с такую ловкостью, что мы были изумлены. Затем он стал резать ее ровными ломтями, как режут ветчину, и бросал их своим, а те наперебой их хватали и съедали с большим наслаждением, чем человек ест что-либо вкусное и редкостное из царских сластей. Так они съели ее всю с костями, кишками и головой, ничего из нее не отбросив. Попросили другую и также распорядились с нею, выхватывая друг у друга из рук (куски) с дракой. Зловонный запах ее распространился по палате, и мы едва не лишились чувств от величайшего отвращения к ним и при виде того, как они обтирали руки о свои шубы».

Эта часть рассказа, разумеется, выглядит более достоверно.

Для нас также интересно отметить тот факт, что интерес к людям не просто другой нации, а, по сути дела, другой эпохи не в последнюю очередь заключается в интересе именно к их пищевым привычкам. «Другой» должен отличаться странными и неприятными пищевыми обычаями, и лопари подтверждают это ожидание.

В заметках иностранных путешественников встречается еще одно упоминание подобного пищевого аттракциона, правда, без такого множества подробностей. Вот довольно скупое воспоминание участника шведского посольства: «После полудня послу показали несколько ненцев: они все пали ниц перед ним, плясали и пели для него; перед ними поставили мясо, которое они жадно проглотили, напились водки. Когда я спросил, сколько им лет, они сказали, что не знают никаких лет».

Статус державы также очень часто проявлялся через отношения в пищевой, застольной сфере. Секретарь шведского посольства отметил, что персидскому послу, который также находился при дворе Алексея Михайловича, пожаловали корма вполовину меньше, чем выдали шведам. По описанию английского путешественника, некрещеные татары хоть и участвовали в царском пиршестве, но посажены были не в том зале, где пировал сам Иван IV.

Место, которое человек занимал на пиру, определялось двумя факторами. Прежде всего это было связано с происхождением. В одной былине говорится: «По имечки тебе можно место дать, по отечеству пожаловать». Но изменение этого порядка возможно — оно в руках князя, который может изменить место человека в иерархии за его личные заслуги, как это и происходило с известнейшими русскими богатырями, которые не отличались высокородием.

Григорий Котошихин, чиновник Посольского приказа, сбежавший из России и перешедший на службу к шведскому королю, оставил нам одно из самых интересных описаний местничества, которое к середине XVII века оставалось еще в силе, несмотря на попытки царей активно с ним бороться. Если во время назначения воевод в походы с грехом пополам

улавалось еще добиться выполнения царских указов «быть без мест», то вот за царским столом новая практика никак приживаться не хотела.

Занятие достойного места за царским столом не ниже определенной позиции и ни в коем случае не ниже того человека, чьи предки были ниже по статусу твоих предков, считалось настолько важным, что бояре готовы были нарушить все прочие правила приличия и едва ли не самую царскую волю. Многие, полагая, что их честь во время царского обеда может понести урон, сказывались больными, чтобы не ехать на царские угощения. Впрочем, эти боярские хитрости были слишком очевидны самодержцам, и те приказывали болящим все равно являться на пиры. Дальше могли разыгрываться целые драмы, очень ярко описанные Котошихиным:

«А будст царь уведает, что... не хотя под которым человеком сидеть... поедет к себе домой; и таким велит быть и за столом сидеть, под кем доведется. И они садится не учнут, а учнут бить челом, что ему ниже того боярина, или окольникового, или думного человека, сидеть немочно, потому что он родом с ним ровен, или... на службе и за столом преж того род их с тем родом, под которым велят сидеть, не бывал: и такова царь велит посадить сильно; и он посадить себя не даст, и того боярина бесчестит и лаёт. А как его посадят сильно, и он под и ним не сидит же и выбивается из-за стола вон, и его не пушают и разговаривают, чтоб он царя не приводил на гнев и был послушен; и он кричит: “хотя де царь ему велит голову отсечь, а ему под тем не сидеть” и спустится под стол; и царь укажет его вывести вон и послать в тюрьму, или до указу к себе на очи пушать не велит. А после того за то ослушание отнимается у них честь, боярство, или окольниковство и думное дворянство, и потом те люди... своей службы дослуживаются вновь».

Карьера, тюремное заключение и место за обеденным столом. В нашем понимании это вещи из разных весовых категорий, но в XVII веке дело обстояло совсем по-другому.

Котошихин также отмечает, что блюда для всех членов царской семьи готовятся разные и приносятся также порознь.

Разумеется, нормы застольного этикета формировались постепенно, на протяжении столетий. Так, Василий III впол-

не мог сидеть за одним обеденным столом не только со своими родственниками, но и с боярами. Но уже Иван Грозный и его наследники допускали за свой стол только сыновей. Исключение могло быть сделано разве что для царствующих особ, что случалось в те времена крайне редко. Например, в 1602 разделить царскую трапезу за одним столом было позволено герцогу Голштинскому.

Важным оказывался не только стол, но и с какой его стороны размещались приглашенные. Более почетным считалось размещение «в лавке», то есть у стены и лицом к залу. Что характерно, в былинах богатыри очень часто скромно занимают место за дальним концом стола. Впрочем, мотивом такого поведения могло быть как раз и стремление к публичному восхвалению, когда хозяин при всех предлагал пересесть на место, более соответствующее статусу гостя.

Правда, среди героев былин встречаются и такие, которые могут явиться на пир незванными. Как, например, делает Василий Буслаев.

Он, Василий, матери не слушался,
 А взял свою дружину хоробрую
 И пошел к князю на почестен пир.
 У ворот не спрашивал приворотников,
 У дверей не спрашивал придверников,
 Прямо шел во гридню столовую.
 Он левой ногой во гридню столовую,
 А правой ногой за дубовый стол,
 За дубовый стол, в большой угол,
 И тронулся на лавочку к пестно-углу*,
 И попихнул Василий правой рукой,
 Правой рукой и правой ногой:
 Все стали гости в пестно-углу;
 И тронулся на лавочку к верно углу,
 И попихнул левой рукой, левой ногой:
 Все стали гости на новых сенях.
 Другие гости перепалися,
 От страху по домам разбежались.
 И зашел Василий за дубовый стол
 Со своей дружиною хороброю.

* Угол против устоя печи.

Опять все на пир собиралися,
Все на пиру наедалися.
Все на почетном напивалися,
И все на пиру порасхвасталися.

Иностранцы не без брезгливости писали, что блюда даже на царских пирах могли предлагаться двум гостям на одной тарелке. По этому поводу, кому и с кем достойно есть из одного блюда, также могли возникать распри. Известно, что на одном из застолий в правление сына Грозного царя Федора Иоанновича рязанский епископ жаловался, что архиепископ Ростовский не дал ему есть с ним из одного блюда. В поданной челобитной обиженный иерей ссылался на то, что в свое время едал из одной миски с новгородским архиепископом.

Угощение из царских рук также могло быть разных категорий. Самым почетным считалось получение так называемых «останков», то есть блюд, которые были опробованы царем. Речь, разумеется, идет не об обедах — царь обычно демонстративно лишь прикоснулся к еде. Особенно большой удачей считалось получить с царского стола соль. По мнению австрийского дипломата Сигизмунда фон Герберштейна, посылая этот дар, государь выказывал не просто расположение, а любовь.

Пища, переданная кому-либо царем, воспринималась настолько значимой, что это порой приводило к своеобразным эпизодам. Так, шведский посол, усевшись за присланные ему блюда, по обычаю, собрался прочитать молитву. Но это вполне благочестивое действие, которое, разумеется, совершали и все русские, было грубо прервано русским приставом, который заявил, «что это он может делать у себя за собственным столом, эта же пища царская, которая уже благословлена».

Иностранцам, кроме того, не нравился обычай вставать при каждой передаче царского пожалования или заздравном кубке. Это вызывало большую суматоху и мешало нормально насладиться трапезой.

Отправка обедов послам также производилась в соответствии с очень строгим и пышным ритуалом, который должен был произвести неизгладимое впечатление как на иноземцев, так и на московскую публику, наблюдавшую за процессиями.

Одно из самых подробных описаний этого ритуала сохранил для нас в своих записках француз Жак Маржерет, бывший на русской службе в 1600–1606 и 1608–1611 годах.

«Если император не расположен пировать с послом, после приема, по обычаю страны, император посылает ему обед домой следующим порядком: прежде всего направляет какого-нибудь знатного дворянина, одетого в золотую парчу, с воротником и в шапке, расшитыми жемчугом, который перед обедом отправляется верхом, чтобы передать послу приветствие и объявить милость императора, а также чтобы составить ему компанию за обедом. Его лошадь окружают пятнадцать или двадцать слуг, затем идут два человека, несущие каждый по скатерти, свернутой в свиток, затем следуют двое других, несущие солонки, и еще двое с двумя уксусницами, полными уксуса, затем еще двое, один из которых несет два ножа, а другой две ложки, весьма дорогие, далее следует хлеб, который несут шесть человек, идущих парами; далее следует водка и после — дюжина человек, несущих каждый по серебряному сосуду, примерно в три шопина каждый, с винами разных сортов, но по большей части с крепкими винами из Испании, с Канар и из других мест. После этого несут столько же больших кубков немецкой работы; дальше следуют кушанья, а именно: сначала те, которые едят холодными, затем вареное и жареное и, наконец, пирожное. Все эти кушанья приносятся в больших серебряных блюдах, но если Император благоволит послу, то вся посуда, которой накрывают на стол, — золотая. Я видел до трех и четырех сотен их, несущих, как сказано выше, кушанья и напитки для одного обеда, и видел, как в один день посылали три обеда разным послам, но одному больше, другому — меньше; однако тем же вышеописанным порядком».

Во время угощения послов кушаньями с царского стола соблюдалась строго все церемонии, которые были характерны именно для пира в царском присутствии. Вот характерный рассказ на эту тему немецкого путешественника Адама Олеария, несколько раз посетившего Московию в 30–40-х годах XVII века: «Великокняжеский посланец сел вверху стола и попросил послов сесть с ним рядом. Наши гофьюнкеры прислуживали за столом. Посланец велел поставить перед

послами три больших бокала, наполненных вином аликанте, рейнским вином и медом, и приказал затем подавать на стол в 38 большею частью серебряных, но не особенно чистых больших блюдах, одно за другим, всякие вареные и жареные, а также печеные кушанья. Если не было места, то ранее поставленное опять убиралось. Когда последнее блюдо было подано на стол, князь поднялся, стал перед столом, кивнул послам, чтобы и они стали перед столом, и сказал: “Вот кушанья, которые его царское величество, чрез него, велел подать великим голштинским послам: пусть они ими угощаются”. После этого он взял большую золотую чашу, наполненную очень сладким и вкусным малиновым медом, и выпил перед послами за здоровье его царского величества. После этого он и послам и каждому из нас дал в руки по такому же сосуду с напитками, и мы все вместе должны были их выпить. Один из нас, стоявший несколько поодаль от него и не могший, из-за множества народа, стоявшего вокруг, получить чашу из его рук, хотел, чтобы чаша была ему передана через стол. Князь, однако, не позволил этого, кивнул ему, чтобы он вышел из-за стола, и сказал: “Стол теперь знаменует собою стол русского императора: никто не смеет становиться за ним, но следует стоять перед ним”».

Даже на уровне государственных отношений угощение и соответственно его принятие рассматривались как один из возможных путей для налаживания добрососедского взаимодействия. По крайней мере, это официально декларировалось. Вот с какой речью обратился к польским послам от имени русского царя чиновник Золотов: «Священный царь, он же все милостивейший наш государь, не желая упустить никакую возможность доказать свое доброжелательство особе светлейшего короля вашего и республике, повелел мне поднести вам, знаменитейшие послы, сласти сии и иные прочие лакомства, отложенные в сторону во время вчерашнего пира, и в этом вы можете увидеть, что с нашей стороны ничего разумного не упущено для подкрепления мира, искренней дружбы и братского между нами союза. По той же причине имеем и мы повод надеяться на подобное отношение с вашей стороны; а так как неусыпные наши старания клонились к тому, чтобы переполнилась мера ваших ожиданий, желательно нам, чтобы

мы стремились к одинаковой цели. Дай Бог, чтобы все сии лакомства и сласти, предлагаемые вам благосклонностью его священного царского величества, отозвались бы наисладостнее в устах ваших и вместе с тем оставались бы напомниманием в душах ваших дружелюбивых наших к вам чувств».

Попытки иноземных гостей самим разнообразить свой рацион и закупить у местного населения что-либо сверх отпускаемого царского корма рассматривались едва ли не как оскорбление царской чести.

Если самим послам все же ничего особо страшного не грозило, то русские, которые решили получить выгоду таким образом, наказывались с крайней жестокостью. Датский дипломат Якоб Ульфелдт описывает один из таких случаев: «Послав нашего переводчика, мы купили на свои деньги двух гусей, чтобы поскорее подкрепить силы, подорванные усталостью (ведь на всем этом пути нам не давали ничего, кроме коров, овец и цыплят, которых приносили лишь глубокой ночью, так что нашим поварам едва хватало времени, чтобы их заколоть и приготовить; прежде чем они успевали всех их заколоть и [доварить] до готовности, [поваров] снова заставляли садиться на корабли, [чем] доводили их почти до изнеможения. [Итак], когда приставы случайно узнали об этом, те несчастные люди, которые продали нам гусей, немедля были наказаны плетью и палками с такой жестокостью и яростью, что если бы они нанесли оскорбление царскому величию, [никакие] христиане не стали бы бить и полосовать их более [бесчеловечно]».

Выдача содержания послам именно в натуральной форме долгое время считалась обязательной. Когда в 1599 году дьяк Щелкалов выдал грузинским послам деньги, это стало поводом к его немедленной отставке.

Русские послы за границей, в свою очередь, настаивали на том, чтобы их обеспечение пищей соответствовало тем почестям, которые оказываются при приеме послов в России.

В 1570 году русский посланник в Турции Новосильцев вел долгие переговоры с турецкими чиновниками по поводу снабжения посольства. Турки считали, что обязательства перед посланниками заканчиваются в день прекращения их миссии и отъезда из Стамбула. Новосильцев же настаивал,

что русских должны обеспечивать провиантом, пока они не покинут турецкие пределы, потому что именно так поступают с послами на Руси. В итоге послам пришлось все равно покупать пропитание на свои деньги, но они до конца не соглашались с таким порядком и продолжали предъявлять претензии туркам, а значит, не уронили государевой чести.

Именно через снабжение посольства пищей показывалось отношение к его статусу. Это зависело не только от влияния страны, откуда прибыли посланники, но и от отношений с этим государством в данный момент. Так, например, побывавшему в Москве папскому легату Антонио Поссевино в знак уважения было приказано выдавать даже пряности. А вот шведскому посольству во главе с П. Юстеном корм выдавали в два раза меньший, чем обычно полагалось шведским послам, что должно было свидетельствовать о том пренебрежении, которое Иван IV испытывал к тогдашнему шведскому королю.

Юстен описывал ситуацию, в которую попали шведы: «Мы покупали бы квас, но этого не разрешали, так же как никто из нас не смел выходить за калитку, чтобы купить что-нибудь. Так как охранники строго держали нас взаперти, а пристав не приходил к нам четырнадцать дней, хотя его обязанностью было докладывать наместнику о наших нуждах и нехватке припасов, а также приносить из замка ответ, мы провели 14 дней в нехватке питья. Еды мы получали столько, сколько достаточно лишь для поддержания духа.

Пищу нам приносили во время обеда. Не всегда можно было отличить, было ли мясо лошадиным или мясом другого животного, нужда заставляла нас есть все, что давали. Нельзя скрыть, что нам приносили и мясо падали, которое мы брезгливо оставляли нетронутым. Так мы провели всю весну и лето. Всемогущий Господь, как заботливый отец, оберегал нас словом, чтобы мы выжили, так как написано: не хлебом единым жив человек».

Иногда размеры содержания могли изменяться в зависимости от поведения самих послов. В 1563 году, когда литовские послы долго спорили с царскими дьяками по поводу времени, когда они должны были въехать в столицу (послы намеревались въехать утром, а не вечером), Грозный прика-

зал им выдавать не более пищи, чтобы они только не умерли с голоду. А в 1607 году, когда польские послы заявили о том, что самовольно уедут из Москвы, им сократили отпускаемый корм вдвое. Лишение пищи применялось при Грозном и к ногайским послам: «...Царь и великий князь... корму им давати не велел же, потому что Юсуф (бий ногайской орды) князь Петра Тургенева (русского посла) велел ограбити и нечесть ему великую учинил».

Русские дипломаты также привыкли рассматривать как знак бесчестья, что их не приглашают к столу правителя. По этому поводу приходилось вести долгие переговоры с турецкими чиновниками, которые никак не могли объяснить, что не в обычае султана участвовать в подобных мероприятиях. То же самое пытались донести до русских послов и представители австрийского императора, заявляя, что «у римских цесарей изначала того в обычае не ведется, что послов звати ести».

Русские послы в Швеции были приглашены к королевскому столу, но когда они явились в пиршественную залу, то увидели, что короля там нет. Посланники отказались садиться за трапезу, видя в том урон своей чести и чести своего государя. Ведь в Москве царь не погнушался принимать шведских послов на своей трапезе. Шведы попытались выйти из положения, говоря, что король внезапно почувствовал сильное недомогание и вместо него на пире будет присутствовать его родной брат. Но русские остались непреклонны и покинули королевский двор.

Когда же на посольский двор прибыли шведские чиновники с угощением, то глава посольства попенял шведам, что они могут поднимать пиршественные чаши, когда король, по их словам, опасно болен. В итоге русские послы добились своего и вскоре во время обеда могли лицезреть шведского короля.

Статейный список посольства Новосильцева в Турцию подробно описывает все угощения со стороны турецких чиновников еще до того, как посольство добралось до Стамбула, где, как мы уже знаем, возникла сложная ситуация, связанная с тем, что турки не собирались допускать посла к султанскому столу. Оскорблять прямым отказом не стали, но и объяснение выбрали малодостоверное: якобы по православному

календарю день приема послов является постным, а за трапезой султана будут мясные блюда. В русской передаче их аргументация выглядит так: «А у государя тебе сего дни не ести, потому что у нас едят мясную еству. а вы говееете, а рыбы здесь мало».

Особенно забавно упоминание малого количества рыбы в Стамбуле. Настолько мало, что не нашлось на нескольких человек из посольства. Но так или иначе, а Новосильцеву пришлось смириться с подобным объяснением.

В рассказе про посольство в Англию уже во времена Бориса Годунова послы особо отмечают, что их допустили непосредственно к королевскому столу, тогда как выходец из итальянского герцогского семейства был посажен в другой палате с королевскими «боярами». В своих записях послы акцентируют внимание на том, что английские дворяне, даже самые знатные, в присутствии королевы во время обеда стояли, в отличие от самих послов.

Порой понимание правил этикета русскими посланниками смешило иностранцев. Так, после завершения обеда королева Елизавета вымыла руки и велела серебряный сосуд с водой поднести послу Григорию. Тот сердечно поблагодарил, но руки мыть не стал, аргументировав это следующим образом: «Великий государь наш, царское величество Елисавет-королевну, зовет себе любительною сestroю, и мне, холопу его, при ней рук умывати не пригодитца». Дошла до нас в воспоминаниях послов и реакция королевы: «И королевна почала быть весела, и Григорью то похвалила, что ее почтил, рук при ней не умывал». Кстати, как отмечает Поссевино, на русском царском обеде вода для мытья рук подавалась только царю и его сыну.

Из-за тонкостей застольного этикета русские послы не смогли побывать на приеме у лондонского лорд-мэра. Приглашая послов к нему на обед, их предупредили, что, по обычаю, все иноземные гости сидят ниже лондонского правителя, так как он представляет в данном случае саму королеву. В ответ на это послы ответили весьма многословно: «Нам некоторых государств послы и посланники не образец: великий государь наш, царь и великий князь Борис Федорович, всея Руси самодержец и многих государств государь и обладатель,

над великими славными государи величайший государь, самодержавный царь. Будет лорд-мэр нас похочет видити у себя, и ему нас чтити для царского величества имени, и мы к нему едем. А будет ему чину своего порушити и меня местом выше себе почтити нельзе, и мы к нему не едем». В общем, честь русского монарха опять была спасена.

Даже в монастырской жизни с ее евангельской простотой и идеалами равенства прежний социальный статус иноков зачастую не забывался. В «Стоглаве», основанном на решениях церковного собора в 1551 году, рекомендуется максимальное послабление монастырских уставов для знатных людей, которые в качестве вкладов приносят в монастырь немало денег и земель. Для таких должны дозволяться, по их желанию, отступления от монастырских правил употребления пищи. В том числе и от обязательно совместной и одинаковой для всех трапезы. Статья об этом гласит: «Да в великих же честных монастырех стригутся князи и бояре и приказные люди великие и немощи или при старости, и дают вкупы великие и села вотчинные по своим душам и по своим родителям в вечной поминок, и тем за немощь и за старость законов не полагаги о трапезном хождении и о келейном ядении; покоити их по разсужению ествою и питием, про таких держати квасы сладкие и черствые, и выкислые — кто какова требует, и ества такоже, или у них случится свой покой, или от родителей присылка, и о том их не истязати же».

Конечно, в тексте есть упоминание немощи и старости, но, понятно, что старый монах, не имеющий богатства или подарков от родственников, вряд ли мог рассчитывать на столь значительные послабления.

Отношение к людям очень часто осмысливается через пищевые категории. В сказке «О старом муже» молодая жена описывает свое отношение к пожилому супругу и к молодому любовнику. Вот что ожидает нелюбимого мужа: «Ешь сухой хлеб, да квашеные поскрепки, а вместо мяса тебе, старому смерду, мостолыга старые коровы и та недоварена». А вот какая сладостная перспектива открывается перед любимым молодцом: «...мяхкия крупичетые калачики, и здобныя пироги, и различныя овощи, да сахар на блюде...»

Совместная трапеза с благочестивым человеком может оказать очень сильное воздействие на людей. Так, однажды шайка разбойников задумала ограбить скромное жилище подвижника Михаила Клопского. Трое грабителей подошли к кельям и были немедленно приглашены за стол. Дальше, судя по тексту жития, произошло следующее: «Сели в трапезной за стол, да не едят. Тогда спрашивает их старец: “Почему, детки, не едите?” А они говорят: “Есть, господин, у нас еще товарищи”. И он одного послал: “Позови товарищей”. И тот пошел и позвал их. А их идет, к тем троим, еще двенадцать человек с оружием. И стал старец понуждать их поесть хлеба — не хотели есть. И некоторые из них поели, а один, старший среди них, и хлеба не захотел попробовать, и охватил его сердечный недуг. И те, которые поели, пошли прочь, а двое из них разболелись. И одному из них старец сказал: “Постригись — тогда выздоровеешь!”, — а другому сказал: “Иди, скажи своим друзьям: с этих пор больше не крадите, не разбойничайте, отступитесь от своих грехов”. А товарища их постригли и дали ему имя Дорофей».

В жалобах главного героя «Повести о голом и небогатом человеке» бедность воспринимается в основном через состояние голода, нехватки пищи. Герой отзывается о своем положении: «Ведает весь мир, что мне ни пить, ни есть нечево и взять негде. Живу я на Москве, поесть мне нечево и купить не на што, а даром не дают. Ерыщетца у меня по брюху, потому что не ел, да и насила хожу».

Но дискомфорт доставляет не только физическое ощущение голода, героя угнетает также невозможность полноценно играть свою социальную роль за трапезой по причине бедности. Его гнетет чувство стыда. «Стыдно мне з богатыми людьми в пиру сидеть, на них платье цветное и хорошее, а на мне худое и то чужое».

В «Повести о горе-злосчастии» самые чувствительные жалобы главного героя связаны именно с испытываемым чувством голода:

Ахти мне, злочастие горинское!
до беды меня, молотца, домыкало:
уморило меня, молотца, смертью голодную,
уже три дни мне были нерадошны;

не едал я, молодец, ни полу куса хлеба!
 Ино кинусь я, молодец, в быстру реку —
 полошь мое тело, быстра река,
 ино еште, рыбы, мое тело белое, —
 ино лутчи мне жития сего позорного...

В «Молении Даниила Заточника» автор описывает свое бедственное положение через многочисленные пищевые образы. Друзья отвернулись от Даниила, так как он «не предложил им трапезы с многообразными яствами».

Люди всегда готовы разделить радость с человеком, но не спутствовать ему в скорби. «Многие ведь дружат со мной, опуская руку со мною в блюдо, а в несчастье ведут себя как враги». Наконец и само осознание своего несчастья описывается через пищевые сравнения:

Когда увеселяешься многими яствами —
 Вспомни меня, сухой хлеб жующего;
 Или когда пьешь вкусные напитки —
 Вспомни меня, теплую воду пьющего на ветру.

Некоторые виды рыб могли ассоциироваться с бедностью, невозможностью позволить себе более вкусные и престижные блюда. В «Сказке про Ерша Ершовича» так отзываются о ершах: «Знают Ерша на Москве бражники и голыши и всякие люди, которым не сойдетца купить добрые рыбы, и он купит ершев на полденьги...»

В шуточной «Росписи о приданом» бедность показывается именно через своеобразие хранящихся пищевых припасов: «Да с тех же дворов сходитца на всякой год насыпного хлеба 8 анбаров без задних стен; в одном анбаре 10 окороков капусты, 8 полтей тараканьих да 8 стягов комарьих, 4 пуда каменного масла, да по 40 кадушек соленых лягушек, киса штей да заход сухарей, да дубовой чекмень рубцов, да маленькая поточка молочка, да овин киселя. А как хозяин станет есть, так не за чем сесть, жена в стол, а муж под стол, жена не ела, а муж не обедал».

В злом сатирическом произведении «Азбуке о голом и небогатом человеке» многократно описывается чувство голода,

которое постоянно преследует главного героя, вызывая у него раздражение богатыми и сытыми:

«Азь есми наг, наг и бос, голоден и холоден, съести нечаво...

Живу я, доброй молодец, весь день не едши, а покушать мне нечево.

Зеваецца мне по брюху с великих недоедковъ; ходечи, губы помертвели, а поесть мне нечево.

И живот мой истощал, по чужим сторонам волочась, а бедность меня, голенькова, изнела...

Люди богатыя пьют и едят, а голеньких не ссужают, а сами тово не распознают, что и богатыя умирают...

О горе мне! Богатыя люди пьют и едят, а того не ведают, что сами умрут, а голеньким не дадут...

Учинилася мне беда великая, в бедности хожю, весь день не едши, а поесть мне никто не даст...

Ерычитца по брюху с великих недоетков; ел бы мяса, да в зубах вязнет.

Ючится по брюху с великих недоетков, играть не хочетца; вечер не ужинал, утрось не завтрикал, севодне не обедал».

Свидетельства о том, что красота ассоциировалась с сытостью, во множестве сохранились в русском языке. Неслучайно ведь слово «поправиться» означает и перестать болеть, и набрать вес. «Здоровый» означает не только человека не подверженного болезни, но и вообще крупного, сильного. Слово «худоба» раньше имело также значение «болезнь».

Поэтому нас не должны удивлять фиксируемые в этнографических материалах народные представления о красавицах как о женщинах, мягко говоря, с пышными формами.

Людям часто приходится иметь дело с теми, кто может им быть неприятен. Практически все можно вытерпеть, но только не совместного принятия трапезы. Пировать с неприятными людьми кажется слишком тяжелым испытанием. В переведенном на Руси в XII веке и обретшем громадную популярность византийском сборнике «Пчела» говорится: «...С дурными плыть в одном корабле еще можно стерпеть или в доме одном с ними жить, но с ними быть на пиру — безумье».

Конечно, пир с христианкой точки зрения далеко не безупречное занятие. Присутствующий на пиру подвергает свою

добродетель многочисленным искушениям; поэтому святые подвижники всегда старались избегать подобного времяпрепровождения сами и советовали делать это другим. Например, в «Житии Авраамия Смоленского» говорится, что «на трапезы и на пиры он никогда не ходил из-за многих ссор, которые бывают там между выбирающими себе места, и из-за многих других бед, которые бывают из-за неумеренного пьянства; поэтому он избегал пиры».

Пиры провоцируют человека на гнев, заставляя завидовать тем, кто занимает более высокое место за столом. «Придя на пир, всякий хочет прежде всего занять почетное место, и если не выйдет это, то, будучи еще трезвым, молчит, но начинает ненавидеть брата своего, сидящего на более почетном месте, и тут уж затаит гнев на него в своем сердце», — пишет выдающийся русский публицист Ермолай-Еразм в «Повести о Петре и Февронии» (XVI век).

Если вдуматься, однако, сам пир не несет ничего плохого — греховны лишь сопутствующие ему обстоятельства. Идеальный же пир может быть благодатен. Поэтому церковные власти разрешали священникам присутствовать на пирах и вкушать угощения. Чего не должен был себе позволять священнослужитель, так это участия в «игранье и плясанье и гуденье». По возможности он должен был остановить начавшийся разгул или, по крайней мере, покинуть место пира.

Таким образом, признавалось, что на пиру возможны некоторые нарушения христианского идеала. Так, одной из главных добродетелей, которая помогает бороться с грехом гордыни, являлась скромность. Человек не должен был хвалиться своими успехами, личными качествами, достатком, понимая, что все это дано ему исключительно по Божьей воле. Но пир становился исключением из правил, подразумевалось, что человек должен похвастаться, иначе становилось непонятно, а почему, за какие заслуги он, собственно, присутствует на пиршестве, особенно если это пир, устраиваемый князем.

В русских былинах положительные герои отличаются среди прочих качеств еще и «вежеством», которое проявляется в умении прилично вести себя в обществе, в первую очередь как раз за пиршественным столом.

В свою очередь, отрицательные герои, наоборот, допускают грубейшие нарушения застольного этикета. Так, про Тугарина Змеевича в былине говорится, что он ест хлеб «нечестно», толкает в рот, не разжевывая, по целой ковриге. Кроме того, похабным образом ведет себя по отношению к княгине, допуская непристойные ухаживания.

Трапеза Тугарина в былинном описании такова:

Принесли то на стол да как белу лебедь,
Вынимал то собака свой булатен нож,
Поддел то собака он белу лебедь,
Он кинул, собака, ей себе в гортань,
Со щеки то на щеку перемётыват,
Лебязье костье да вон выплюиват.

Пир рассматривался также как своеобразный вид милостыни, предназначенный для всех желающих, а не только для приглашенных. Поэтому нас не должно удивлять, что организаторами крупных пиров могли быть и монастыри. Хотя, конечно, церковное руководство понимало двусмысленность ситуации с пирами. Митрополит Иоанн II (ум. 1089) говорил о пирах: «Иже в монастырех часто пиры творят, и в тех пирех друг другу преспевают, кто лучей створит пир, то ревность не о Бозе, но от лукавого бывает ревность си».

Церковь стремилась все-таки не к полному запрету пира, а к его трансформации, старалась сделать его благочестивым. Понятное дело, что в реальности удавалось это с большим трудом. С другой стороны, христианский пир формировался как образец, что было уже не малым достижением.

Довольно сильная дискуссия развернулась в церкви по поводу того, можно ли петь христианские тропари за трапезой, тем самым ее освящая. Первоначальная позиция церкви была скорее отрицательной. Видимо, пиршества слишком сильно ассоциировались с язычеством. Некоторые отцы церкви, обсуждая данный вопрос, приводили евангельские слова о том, что не стоит «метать бисер перед свиньями и давать святыню псам» В качестве святыни здесь выступают духовные песнопения, чья задача донести до Бога молитвы, а не усладить слух подвыпивших гостей на пиру. Но постепенно церковное

ление стало привычным сопровождением княжеских и боярских трапез.

Интересно, что если следовать «Повести временных лет», то только после принятия христианства Владимир начал отличаться невиданным хлебосольством, которое рассматривается именно как христианская добродетель. «Устроил он и такое: сказав, что “немошные и больные не могут дойти до двора моего”, приказал снарядить телеги и, наложив на них хлеба, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: “Где больной, нищий или кто не может ходить?” И раздавали тем все необходимое».

Из многочисленных источников мы знаем, что обычай совместных пиршеств правителя с дружиной был распространен практически во всех раннесредневековых обществах. Образ князя, пирующего с соратниками, вызывает скорее языческие ассоциации. Но и эта трапеза также осмыслялась по-новому, становилась свидетельством христианских добродетелей. Вот знаменитый отрывок «Повести временных лет» про отношение Владимира к дружине: «И такое делал он для людей своих: велел он по всем дням недели на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходиться туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — при князе и без князя. Бывало на обедах тех множество мяса — говядины и дичины, — было все в изобилии. Когда же, бывало, перепьются, то начнут роптать на князя, говоря: “Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными”. Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: “Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой с дружиною доискались золота и серебра”».

Несмотря на христианский характер «Повести временных лет», княжеские пиршества в ней вполне одобряются.

Такое же трепетное отношение к своим воинам было характерно и для князя Мстислава: «Был же Мстислав могуч телом, красив лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей».

Разнообразие снедей, которыми угощают дружину, подчеркивается в былине про Волха Всеславьевича.

А поил, кормил дружинушку хоробрую,
А все у него были ества переменные,
— Переменные ества сахарные.

Впрочем, по мнению доктора исторических наук И. Фроянова, авторитет князя проявляется не тогда, когда он приглашает кого-либо на пир, а, наоборот, когда та или иная земля, город организуют угощение правителя и его дружины.

Пирьы связаны с древней функцией распределения урожая, осознания его как плода коллективных усилий общины. Соответственно князь играет роль жреца, распределяющего урожай и удачу. Философ и культуролог М. Бахтин полагал, что «еда в древнейшей системе образов была неразрывно связана с трудом. Она завершала труд и борьбу, была их венцом и победой. Труд торжествовал в еде. Трудовая встреча человека с миром, трудовая борьба с ним кончалась едою — поглощением отвоеванной у мира части его. Как последний победный этап труда еда часто замещает собою в системе образов весь трудовой процесс в его целом. В более древних системах образов вообще не могло быть резких границ между едою и трудом: это были две стороны одного и того же явления — борьбы человека с миром, кончавшейся победой человека. Нужно подчеркнуть, что и труд и еда были коллективными; в них равно участвовало все общество. Эта коллективная еда, как завершающий момент коллективного же трудового процесса, — не биологический животный акт, а событие социальное».

В целом любое пиршество — это победа, хотя бы и временная, человека и жизни над смертью. Неслучайно в фольклоре смерть никогда не может являться концом сюжета, таковым должна стать надгробная тризна, утверждающая жизненную силу коллектива.

Немало усилий церковь тратила на то, чтобы развеять убеждения людей в том, что голод и неурожай могут быть следствием вредоносного колдовства. Мы привыкли приписывать масштабную охоту на ведьм именно Средневековью. На самом деле хронологически большая часть сожжений в Европе относится к XVII веку, который в западной историографии Средневековьем уже не считается.

В самые же что ни на есть средневековые времена церковь была озабочена скорее тем, чтобы убедить людей в том, что Бог не только является источником всех благ, но и попускает бедствия за человеческие грехи или в качестве очистительного испытания. Во всяком случае, мысли о том, что люди по своей воле могут вызвать глобальные перемены в погоде и повлиять на урожай, считались совсем не христианскими.

В своем духовном наставлении Серапион Владимирский (XIII век) обвиняет свою паству в том, что она придерживается языческих верований и даже сожгла несколько человек, обвинив их в начавшемся в княжестве голоде. С точки зрения церкви эти люди, обвиненные в колдовстве, — невинные жертвы. Рассуждения Серапиона, надо признать, очень логичны: «Из книг каких иль писаний вы слышали, будто от колдовства на земле наступает голод или что колдовством хлеба умножаются? Если же верите в это, зачем тогда сжигаете их? Молитесь вы колдунам, и чтите их, и жертвы приносите им — пусть правят общиной, ниспущат дожди, тепло принесут, земле плодить повелят! Вот нынче три года хлеб не родится не только в Руси, но у католиков тоже — колдуны ль так устроили? А не Бог ли правит своим твореньем, как хочет, нас за грехи казня? Обычай языческий взяли: кудесникам верите и сжигаете на огне неповинных людей. Где вы найдете в Писанье, что люди властны над урожаем иль голодом?»

Нам не известно, насколько проповедь Серапиона оказала воздействие на обитателей Владимирщины. Понятно, что вера в колдовство и порчу никуда не делась. С другой стороны, широкомасштабных преследований колдунов на Руси так и не случилось.

Пища святая и грешная

Очевидно, что русская пищевая культура формировалась в русле христианской традиции.

Из всех монотеистических религий христианство отличается наименьшим количеством прямых пищевых запретов. Конечно, христиане признают святость ветхозаветных книг, в которых содержатся многочисленные пищевые ограничения, до сего дня характерные для иудаизма, но вся проповедь Христа и его последователей строилась как раз на противопоставлении старому закону с его мелочной регламентацией. На смену букве закона должен был прийти Дух, основанный на любви к ближнему, а не на ограничениях в еде и тому подобном. Но что-то все-таки было заимствовано из ветхозаветной традиции.

По словам Христа, осквернить человека может только то, что исходит от него (зло, ложь, клевета), а не то, что в него входит. Но все же полного отказа от представлений о том, что пища может быть не просто вкусной и невкусной, полезной и вредной, а именно правильной и неправильной сама по себе, так и не произошло.

Немало мучеников во время первых гонений на христиан в Римской империи пострадали именно из-за отказа вкушать

идоложертвенное, то есть блюда, приготовленные в качестве подношения языческим богам. В повествовании о страданиях благочестивых Акепсима, Иосифа и Аифала говорится:

«По прошествии некоторого времени, святые мученики снова были вынесены к судье из темницы, и он сказал им:

— Пожалейте сами себя, люди, вкусите жертвенной крови и освободитесь от мучений.

Они же единогласно отвечали:

— Пить кровь прилично не людям, а только плотоядным псам. Но так как ты хотя и человек по природе, но пес по нраву, лающий на создавшего тебя Бога, то сам пей кровь и насыться ею.

Судья, разгневавшись, снова повелел бить их. Присутствующие, сожалея их, стали говорить:

— Вместо крови, вкусите, хотя вареного жертвенного мяса, чтобы освободиться от мучений. Святые отвечали:

— Мы ничем не оскверним нашей непорочной веры».

Хотя игумен Даниил во время своего хождения в Святую землю, находясь в Ионии, вспоминает примечательную историю, произошедшую с самим святым Петром: «В этом городе Петр, постившийся в горнице девять часов, увидел сходящую с неба плащаницу, подвешенную за четыре края. Петр взглянул и увидел, что плащаница наполнена четвероногими животными и всякими гадами. И был ему голос с неба: “Петр, встань, заколи и ешь”. И сказал Петр: “Господи, никогда скверное и нечистое не войдут в мои уста”. И ответил ему голос с неба: “Если Бог очистил, ты не осквернишься”».

Тем не менее в запретную пищу могли угодить какие-то блюда и пищевые привычки, имеющие непосредственные связи с языческими культами. Так, запрет на употребление конины был введен христианской церковью еще в VIII веке. Отказ от лошадиного мяса должен был способствовать забвению языческих ритуалов. Но запрет этот не был повсеместным, церкви порой приходилось идти на уступки. Когда около 1000 года встал вопрос о христианизации Исландии, церкви пришлось пообещать исландцам не запрещать есть конину.

Ну и, конечно, не стоит забывать о преломлении всего этого через народную культуру, с ее своеобразными представлениями о пищевых запретах.

К сакральной пище в первую очередь относился хлеб. Но не обычный, а предназначенный для литургии и Святого причастия. Разумеется, просфора воспринималась не как обычная еда, поскольку считалась воплощением плоти самого Спасителя. Поэтому и отношение к ней даже с чисто материальной стороны было не такое, как к обычному хлебу.

Автор «Домостроя» дает по этому поводу целый ряд указаний. Священный хлеб нельзя откусывать, а только ломать руками. Жевать в идеале следовало также без использования зубов, «губами и ртом». Требование не чавкать в данном случае стоит понимать не как обычное требование этикета, а указание на особый характер вкушаемого.

Особо подчеркивалось, что просфора не может потребляться вместе с другой пищей, что, очевидно, низводило бы ее на роль обычной еды. Максимум, что позволялось, — это запить ее водой. Недопустимым считалось уронить на землю хотя бы частицу святыни.

Просфора защищается от возможного сочетания с другими сакральными блюдами, чья ритуальная значимость, возможно, воспринималась не столь однозначно. Отсюда и запреты на употребление просфоры с кутьей и кануном или даже просто возложения ее на кутью.

Священнику строго, под угрозой отлучения, запрещалось вносить в алтарь любую другую еду, кроме просфор для причастия.

Встречаются упоминания неких неразумных, которые на просфорах пишут бесовские письма и используют для разного колдовства.

Очень строго по церковным уставам наказывалась такая вещь, как рвота, если этот казус случился в день принятия Святого причастия. При уважительной причине, то есть болезни, наказанием был двадцатидневный пост. Но в случае, если рвота случилась после злоупотребления спиртным и обжорства, срок епитимьи увеличивался вдвое. А если извергнутое желудком съела свинья или собака, то поститься надо было уже 100 дней.

Интересно отметить, что «Номоканон» отдельной статьей воспрещал давать причастие покойникам. Вероятно, это связано с тем, что некоторые христиане полагали, будто хлеб

и вино будут способствовать благодати, даже если человек уже не способен принять их по своей воле.

Приготовление просфор было почетным делом. Неслучайно Сергей Радонежский, уже будучи игуменом, никому не уступал эту обязанность, хотя многие из братии и хотели бы взять на себя это послушание.

Считалось, что просфоры, являясь сакральной пищей, могут принимать самое активное участие в чудесах Божьих, а также служить указанием на грех того или иного человека. «Волоколамский патерик» (XVI век) рассказывает, как однажды было совершено убийство праведного юноши Матвея и Бог выступил в роли справедливого мстителя: заказчик и исполнитель убийства умерли от тяжелой болезни. Но самое интересное для нас произошло дальше. «Мать того убийцы захотела на третий день по обычаю принести дары в память о нем. Священник же облачился в одежды, послал за просфорами, желая начать проскомидию, чтобы принести дары об убийце. Пекущий просфоры открыл печь, чтобы взять их и отправить к священнику, — и увидел печь, полную крови. Священник же и все бывшие с ним в великом страхе прославили Бога, отомстившего за кровь праведного, несправедливо пролитую, и поняли, какое наказание приняли убийцы праведного, ибо были лишены они всякой помощи».

Любая просфора находилась под защитой божественной силы. Так, однажды торговые люди получили просфору от преподобного Зосимы Соловецкого, но каким-то образом хлебец потерялся. Спустя какое-то время по берегу проходил один из монахов в сопровождении пса. Пес повел себя странно, он как будто хотел схватить что-то на земле, но никак не мог этого сделать. Подошедший монах увидел, что собаку отгоняет бьющий из-под земли таинственный огонь. Подойдя еще ближе, монах сумел разглядеть просфору.

Такая значимость просфор, безусловно, связана с особым отношением к любому хлебу вообще. Тем более что сакральное восприятие хлеба имеет глубокие корни и в языческих верованиях. Именно с хлебом и его потреблением было связано огромное количество примет, многие из которых дожили и до наших дней. Мало кто не знает с детства, что нельзя оставлять надкусанный кусок хлеба. Ведь съевший за тобой этот ку-

сок заберет твою силу. По той же причине нельзя было есть за спиной человека. Запрещалось оставлять кусок хлеба на столе после трапезы. Упавший на пол хлеб запрещалось выбрасывать. Его нужно было либо доесть, либо уж сжечь в печи, предварительно попросив прощения.

Доедание чужих кусков хлеба могло привести и к другим последствиям. В народных верованиях надолго закрепилось поверье, что если женщина доест хлеб за мужчиной, то он будет по ней «сохнуть», и наоборот.

Хлеб часто использовали в качестве оберега. Его клали в младенческую колыбель и на место, где прежде лежал покойник, чтобы вместе с человеком не исчезло плодородие. Его даже кидали в пламя начавшегося пожара, чтобы не дать распространиться огню.

По поверью, тех, у кого есть дурная привычка за едой скатывать из хлеба шарики, черти на том свете будут потчевать уже железными катышками. Вообще по привычкам человека в еде могли делаться далеко идущие выводы о его характере. Например, любителям есть рыбы хвосты или птички гузки приписывали привычку хвастаться, а также сладострастие.

Во всем этом тесно переплетались христианское вероучение и языческие мотивы. Так, по данным этнографа А. Топоркова, еще в начале XX века «в Житомирской области на месте, где предполагали поставить хату, ставили крест, а около него — стол с хлебом; разрезали хлеб на четыре части, первую клали на крест, чтобы святые ели и просили счастья для тех, кто будет здесь жить, вторую клали под стол для домовиков, чтобы съели и не вредили хозяйству».

Обращение с едой могло повлиять на судьбу не только самого человека, но и его умерших родственников. Так, если кто-то подавал в виде милостыни молоко, считалось, что оно заливает на том свете адское пламя вокруг грешных родственников.

Вполне возможно, что во многом именно этими представлениями и объяснялся характерный и для русских традиций обычай раздельного принятия пищи мужчинами и женщинами. Совместная трапеза разрешается только мужу и жене.

Ведь довольно долгое время женщина считалась не просто человеком с заведомо более низким статусом, но и риту-

ально нечистым. Нечистота осознавалась и как постоянная, но были определенные моменты, когда она усиливалась. Поэтому к выпеканию просфор из женщин допускались только старухи, у которых эта нечистота в силу естественных причин уменьшалась.

Наказание за неблагоговейное обращение с просфорами живописно излагается в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам». Нерадивых иереев ждет незавидная судьба. «И сказал архистратиг: “Пойдем, Госпожа, покажу тебе, где мучаются иереи”, и она увидела попов, подвешенных за края ногтей, от их голов исходил огонь и опалил их. Увидев это, Пресвятая спросила: “Кто они и в чем согрешили?” И ответил Михаил: “Это те, кто служили литургию, и пред престолом Божиим предстояли, почитая себя достойными, а когда совершали проскомидию, не хранили просвиру, роняли крупинки ее, как звезды Божии, на землю, и тогда колебался страшный престол и подножие Божие дрожало, за то они теперь так мучаются”».

В кулинарной сфере для слабого пола могли быть и другие ограничения. Так, считалось, что женщине не следует резать скотину, так как мясо делается от этого невкусным. Поэтому, как пишет Герберштейн, можно было наблюдать следующую картину: «Если они хотят зарезать курицу, а мужа или рабов случайно нет дома, то они становятся у дверей, держа курицу или другое животное и нож, и усердно просят прохожих мужчин, чтобы те зарезали животное».

Сакральная значимость еды усиливалась, если она подавалась не за обычным обеденным столом, а предназначалась для пиршества. Очень хорошо это заметно на примере того же «Домостроя», где тщательно записаны негласные нормы, касающиеся свадебных обрядов. Особую роль в них должны были играть такие блюда, как сыр и хлеб. Именно куски каравая и сыра дружка должен был раздавать всем присутствующим, когда жених приезжает за невестой. Такое же угощение посылалось родителям жениха и находившимся в их доме гостям.

Пир непосредственно перед брачной ночью устраивается отдельно для мужчин и женщин. Жених и невеста к еде не

прикасались. Но в месте, где приготовили постель для новобрачных, также помещали каравай, пироги и сыр.

Судя по всему, важным элементом брачного пира было угощение присутствующих лебединым мясом. Скорее всего, это должно было подчеркнуть особый статус новобрачных в этот день. Неслучайно жениха и невесту именовали князем и княгиней. Лебедятина, которая была неременной принадлежностью великокняжеских и царских пиров, должна была подтвердить особое положение молодоженов.

Разумеется, надо учитывать, что автор «Домостроя» описывает брачные обычаи определенного слоя населения. Нам остается только гадать, насколько сильно отличались в плане церемоний свадьбы городского простонародья или крестьян.

Определенные правила касались не только самих блюд, но и того, кто их подносит, и даже каким манером это следует делать. Так, когда жених давал понять, что невеста стала уже собственно женой, кормить молодоженов отправлялась теща. Причем «Домострой» подчеркивает как важную деталь, что кушанья она должна нести в руках.

В качестве пищи молодоженам предлагалась разварная курица с кашей (какая именно это должна быть каша, не уточняется). Впрочем, по традиции курятину жених должен был только разломить и вернуть. А вот кашу новобрачные должны были отведать. Но и в этом случае вряд ли стоило говорить о полноценной трапезе. По крайней мере, Сильвестр пишет, что эту кашу оставляют до утра и именно с ней едут в дом родителей жениха. Дальнейшая судьба каши, съедают ли ее в конце концов, Сильвестром не уточняется.

Зачастую большое влияние на трапезу оказывало не мясо само по себе, а способ умерщвления животного. Так, можно встретить упоминания, что нечистыми животными считались зайцы. Но на самом деле в России просто унаследовали запрет на употребление в пищу мяса с невыпущенной кровью. А зайцы, конечно, имели гораздо больше шансов попасть в силоч и подвергнуться удушению, чем большинство домашних и диких зверей. То есть против зайчатины православная церковь ничего не имела — главное, чтобы зверька

умертвили по правилам. В «Домострое» блюда из зайца упоминаются довольно часто.

Иностранцы порой довольно любопытно объясняли те или иные пищевые запреты. Австрийский путешественник, например, полагал, что русские не употребляют зайцев в пищу, так как они рождаются слепыми. Почему именно это обстоятельство должно было помешать есть зайчатину, правда, не уточнялось.

В ряде российских регионов, особенно на Севере, запретным мясом считалась медвежatina. Некоторые исследователи склонны видеть в этом запрете отголоски древнего тотемизма славянских племен.

Впрочем, отношение к поеданию мяса тотемного животного — довольно сложный вопрос. У большинства народов той же Сибири мясо поедалось, пускай и при соблюдении определенных ритуалов, которые должны были обеспечить прощение охотникам со стороны зверя или обмануть, убедить, что люди не виноваты в его гибели. Поэтому допустима также версия, что именно из-за обрядового характера трапезы из медвежатины, придания ей оттенка сакрального действия этот вид пищи попал под церковные запреты.

Любопытно, что по сообщениям этнографов у многих крестьян сохранилось представление, что у медведя также существует пищевой запрет на употребление в пищу человечины. Медведь, конечно, может задрать человека, но это всегда происходит только по Божьему попущению, в качестве наказания за грехи.

Гораздо большее количество запретов в пищевой сфере касалось монахов. Существовала пища, даже попадание которой на территорию монастыря было под строжайшим запретом. Сюда относились все блюда из мяса, запрет на которое для монахов был абсолютным.

Употребление мясной пищи было дозволено людям только после того, как первые из них совершили грех. Подробное объяснение приводится в «Изборнике» от 1073 года: «После отпадения человеку позволена была мясная пища. Раньше ведь <Бог> велел ему довольствоваться только плодами земли. Они ведь были и в раю. А когда он лишен был совершен-

ства, ему было попущено и прощено есть мясо. Требуется ведь человеку еда и питье, потому что они проходят и выходят. Ибо истощается живое существо через видимые и невидимые отверстия, так что необходимо или приносить на место истощаемого равное, или живому существу быть уничтоженным из-за недостатка входящего. Поскольку истощаются сухое и влажное, и дыхание, жизнь нуждается в сухой и влажной пище и в дыхании. Еда же наша и питье состоят из тех же элементов, из каких мы составлены. Каждый ведь питается тем, что ему подобно, а противоположным лечится».

Спор возникал по вопросу, можно ли мирянам есть мясо в тот день, когда они прикладываются к кресту. Некоторые священнослужители рекомендовали в этот день отказываться от скоромной пищи. И опять же наказание Божие за нарушение установленных правил не заставляло себя долго ждать.

Один из наиболее ярких случаев описан в житии Пафнутия Боровского; произошел он с известным иконописцем Дионисием. Он и его артель были людьми мирскими, но настоятель категорически запретил им приносить свою еду в монастырь. Однажды мастера то ли забыли про запрет, то ли соскучились по мясному. Так или иначе, но они захватили на обед баранью ногу, нафаршированную яйцами.

Когда сели за трапезу, Дионисий первым взялся за мясо, но получить удовольствие ему не удалось. Вместо яиц в ноге оказались скопища мерзких червей. Ногу немедленно выбросили за монастырскую ограду, но Дионисий все равно тяжело заболел, все его тело покрылось язвами. Излечиться живописцу удалось только после искреннего покаяния и водосвятного молебна с последующим омытием всего тела святой водой.

Но и постная пища, та же самая рыба, могла стать причиной грехопадения, если была употреблена в неположенный для того день.

Взгляд на принятие пищи как на своего рода богослужение идет с ветхозаветных времен. Так называемая мирная жертва в обязательном порядке заканчивалась трапезой, которая устраивалась во внешнем дворе храма.

В еще большей степени сакральное понимание принятия пищи было характерно для христианской церкви.

Хотя любая пища является Божьим даром и несет в себе частичку благодати, но хлеб, благословленный в церкви во время вечерней службы, должен обладать особыми свойствами. Множество сокровенных смыслов имела кутья. Она должна была вызвать в памяти евангельскую притчу о зерне, которое своей смертью дает новую жизнь. Употребление кутья также напоминало православным о ждущем праведников вкушении райского блаженства. Христианские богословы постоянно замечали, что человеческий разум не может представить всю полноту ожидающих нас в раю радостей, но образ рая очень часто осмысливался именно через вкусовое восприятие. Здесь важно и описание самого процесса — ведь не случайно блаженство именно вкушают.

Мы можем встретиться с представлениями о вреде той или иной пищи именно для телесного здоровья. Они вполне соответствуют средневековым представлениям о необходимости поддержания в организме баланса различных субстанций, но вряд ли нашли бы понимание у современных врачей. Так, вполне невинная с точки зрения диетологов капуста оказалась в списке довольно опасных кушаний. «Подобное мы видим и в телесном: ибо есть некоторые роды пищи, по свойству своему производящие серную желчь как, например, капуста, чечевица и некоторые другие, подобные сим; но не от того, что кто-нибудь один раз или два раза поест капусты или чечевицы или чего-нибудь подобного, он становится черножелчным, а от частого употребления оных; и если потом в нем усилится черная желчь, то образуется горячка, которая мучит одержимого ею и влечет за собою и другие бесчисленные болезни», — поучает отец Дорофей.

Впрочем, несмотря на внимание, с которым на Руси относились к наставлениям первых подвижников, такой взгляд на капусту никак не отразился на объеме ее потребления.

В сборнике житейской мудрости «Назиратель» мы можем встретиться со вполне конкретными рассказами о том, как разная по характеру пища влияет на здоровье человека. Один из главных продуктов питания — пшеница — характеризуется следующим образом: «Пшеница печеная, то есть хлеб пшеничный, больше толстит человека и хотя не так раздувает живот и гонит злой дух, но сушит его и сжимает; вареная

же — дает тяжесть и вздутие и возбуждает бурчание в животе, и к кислотности склонна, поскольку рождает мокроты жирные, липкие. Пшеница вареная, если в желудке она хорошо переварена, очень тело толстит и укрепляет суставы, поэтому есть ее хорошо тем людям, которые много работают и по природе сильные; однако больным и ленивым людям она вредна. Крупы пшеничные, варенные в молоке, порождают хорошую кровь, но сильно толстят, их следует есть умеренно, ибо те, кто часто их ест, получают запор, отвердение селезенки и камень в почках, мошонке и в срамных членах, особенно те, у кого от рождения почки горячие или случайно запаленные. Пшеничный калач и всякое тесто, особенно пресное — липкая пища, которая и раздувает и затыкает живот, и тяжела для желудка, и потому к запорам ведет, к болям внутри и в жилах, особенно тесто жареное или калач, который только сверху пропекся или снизу, в середине ж сырой; также вредит и плохо пропеченная лепешка. Можно все это есть работающим и тем, кто с хорошим желудком, а у отдыхающих и ленивых подобная пища вызывает запоры, вздутия, гонит злой дух».

В принципе такое рассуждение одобрили бы и современные врачи. Правда, более широкие обобщения «Назирателя» вряд ли бы показались им достоверными. Вот, например, мысль о связи климата и пищеварения: «В холодных же странах люди бывают смелее и лучше по пищеварению; а если к тому же там влажно, люди быстро грузнеют, жилы у них глубоко зарастают плотью, а сами они белы, однако разумом слабы».

Многие обычные в нашем представлении продукты рекомендовалось использовать в качестве средства от разнообразных недугов. Взять хотя бы самую обычную капусту. Сушеная капуста способна излечивать раны от собачьих укусов. Квашеная спасет от пьянства и укрепляет жилы. Сок свежей капусты предохраняет от всяких ядов и укуса бешеной собаки. Со ссылкой на древнеримского врача Галена утверждается, что печеная капуста, данная младенцу, заставит его раньше научиться ходить.

А вот овес у составителя «Лечебника от семи мудрецов» не заслужил теплых слов. «Овес есть брашно скотское, а не че-

ловеческое, но при нужде и дорогом хлебе, и из него хлеб печем. Но тот хлеб не питателен телу человеческому, и силы не дает и кровь от того не рождается».

Зато репа не только могла выступать в качестве простого и доступного блюда, но и лекарственным средством оказывалась не хуже капусты: «Если который человек вредительную коросту имеет на теле, или чирьи, тогда да оmyвает тело водою, в которой репа варена, и тако тело чисто и гладко станет.

Репа вареная в воде и потом принята со свежим молоком коровьим, поварив ее в нем, тогда пространство жилам в персех творит (позволяет легче дышать).

Вода, в которой репа варена, если ее пить, сухой кашель уймет».

Для нашего времени с его распространенностью депрессий особенно актуально, что репе приписывали способность излечивать «колеру рубию» (черная кручина, меланхолия).

Любимый русскими, по замечаниям иностранцев, чеснок мог выступать актуальным лекарственным средством от весьма деликатного недуга. «Если некий человек ослабеет постелью, тот пусть возьмет чеснока дикого (молодила) и положит его в молоко козье, пока не свернется, и молоко процедив, пусть поварит, и к тому пусть добавит желтков яичных, сколько захочет, и то принимает по три и по пять дней, тогда естество его в своем существе станет. Но женам бесплодным того не даем, поскольку существо их противоположно есть и им это вредит».

Наставления даются не только в связи с отдельными продуктами, но и по части организации процесса питания. Здесь вполне разумные рекомендации также смешиваются с довольно странными с точки зрения современного человека. Лечебник рекомендует:

«Пусть никто не пьет ни вина, ни пива, никаких напитков холодных в бане, а после бани не ест ни перца, ни лука, ни чеснока, ничего горячительного. Прилежно внимай совету, потому что иначе возникает болезнь под названием “собачий аппетит”, то есть ненасытность.

Когда же возникнет желание пищу вкушать по обычаю, утомляя свои члены борьбой или ездой на коне, такие движения устраняют злой дух, сохраняя и укрепляя живот; и это и осла-

бит его, и жар разожжет в желудке, и укрепит члены, возвращая их к обычному состоянию, все лишнее изгонит вон из желудка и пробудит аппетит.

И лишь после этого поставь перед собою разные яства и ешь, что захочешь, но хлеб при этом принимай лишь допевший и пропеченный.

Однако следует прекращать еду, не дойдя до четверти сытости, потому что избыток пищи стесняет дыхание. Да если воды будешь много пить, тем перегрузишь желудок. Если придется тебе воду пить — по желанию или потребности, — пей поменьше, да была бы вода та студеной.

После еды походи немного тихонько и приляг на мягком месте на правом боку, да засни, а потом повернись на левый бок и тем заверши свой сон. Спать до еды — похудеешь, иссушает телесную влагу, сон же после еды толстит, да и крепит желудок. Поэтому остерегайся есть после того, как наступит первое насыщение, что сам ты легко заметишь по обилию слюны и легкой отрыжке. Если же кто в неурочное время поест, проглоченную пищу встречает телесное тепло, от их столкновения возникает сильный жар.

Когда же настанет время и очень захочется есть — ешь немедленно, если помедлишь, то чрезмерно потянет желудок да смешается пища и пропитает мозг парами вредоносными, потом хоть и станешь есть, да без радости, и желудку не в пользу».

Не обошлось в этих лекарских рекомендациях и без влияния астрологии. Был даже составлен краткий сборник «Первосушности каждого месяца», в котором давались советы по поводу употребления той или иной пищи. Так, например, от имени июля говорилось следующее: «Заслуженно я пожинаю ячмень и пшеницу, все гумна я наполняю снопами и хлебом радую сердце людей; советую я избегать овощей, поскольку для тела они теперь бесполезны, и только в пушице ввергают они болезни».

Февраль советовал: «Насыщайся больше, не боясь излишеств, ибо я умерщвляю и кровь и жилы, цепенеют члены, и все существо пременяется холодом в бледность; советую каждому я избегать свеклы, теперь преисполненной яда и вредной для заднего прохода».

Особого предупреждения удостоились разного рода смешанные напитки, судя по всему, что-то вроде нынешних коктейлей, которые вызывали возбуждение аппетита. Употреблять их — намного более грешно, чем пить обычное вино. «Желающим укротить воздымающиеся члены тела не должно касаться искусственно приготовляемых напитков, которые хитрецами такого изобретения называются предпитием по той причине, что они обыкновенно пролагают в чрево путь множеству яств. Ибо не только качество их бывает во вред подвизающимся телам, но и самое безмысленное смешение входящих в их состав веществ, сильно поражает богобоязненную совесть. Ибо чего такого недостает в естестве вина, чтоб нужда налегала примешением разных сластей смягчать его крепость?»

В «Книге земледельческой» (1674 год) можно найти своеобразные кулинарные рекомендации, которые должны были способствовать максимальной полезности употребляемой пищи: «И подобает ти делати печеным тучное мясо, зане огонь умалает жир его. И безжирное вари, понеже юха врачует безсилие его».

Порой временные запреты на то или иное блюдо объяснялись скорее соображениями этикета. Довольно забавно звучит правило, по которому священнику, служащему литургию, запрещалось за день до этого употреблять в пищу лук. Видимо, прихожане могли быть довольно чувствительны к таким моментам.

Запретным мясом долгое время считалась телятина, хотя ни в одном церковном уставе или наставлении никогда о подобном запрете не упоминалось. Иностранцы, сталкивающиеся с подобным ограничением в пище, называли его суеверием. Впрочем, этому суеверию они находили вполне рациональное объяснение: дескать, съесть телятца просто-напросто невыгодно, ведь он может вырасти в молочную корову или огромного быка и принести намного больше пользы. Они даже отмечали благотворные последствия такого пищевого запрета: «Но сей недостаток щедро, без сомнения, вознаграждается великим изобилием жирного мяса, меду, масла; ибо они имеют невероятное множество скота, овец, коз и коров, тем более

что здесь нет обыкновения убивать телят, и потому стада увеличиваются по желанию хозяина и по обширности хлебов».

Неясно, правда, тогда, почему запрет на употребление телятины соблюдали и богатые, знатные люди, вплоть до князей и царей. Вряд ли соображения экономии играли для них значительную роль.

О том, насколько строгим был этот запрет, свидетельствует рассказ Александра Гваньини о случае, произошедшем в правление Ивана Грозного: «В том же году, когда сам князь был в крепости Вологда, которую приказал построить и укрепить, сами мастера испытывали сильный голод; они купили телянка, зарезали его и таким способом насытились. Об этом услышал великий князь и приказал всех их схватить и сжечь, тогда как, однако, сама необходимость могла бы их извинить».

По мнению Петра Петрея, изложенному в его «Истории о Великом княжестве Московском», поедание телятины могло рассматриваться как грех более страшный, нежели людоедство. По крайней мере, Петрей приводит одну якобы достоверную историю на этот счет: «Когда великий князь строил с башнями и раскатами город Орел, лежавший на литовской границе, он до того изморил голодом рабочих и крестьян, что они принуждены были убить самого жирного между ними и так спаслись от голода. Другие же, которые не могли есть человеческого мяса, принуждены были с голода заколоть телянка. Узнав о том, великий князь велел евших телятину сжечь живьем и пепел бросить в реку, а евшие человеческое мясо были прощены и избавлены от наказания. Это потому, что москвитяне питают отвращение к телятине и есть ее для них гораздо грешнее, нежели человеческое мясо».

По поводу телятины сохранилась также любопытная реплика Де ла Невилля в его «Записках о Московии»: «Они не едят вовсе ни телятины, следуя правилу, которое неудобно назвать, ни голубей, потому что Св. Дух явился нам в его обличье». Если с голубями все понятно, то насчет «неудобного» правила, которое нельзя даже написать на бумаге, остается только гадать.

Впрочем, вряд ли Невилль может быть особым авторитетом в области пищевых пристрастий русских. Чего стоит хо-

тя бы вот эта фраза из его сочинения: «Они едят и пьют очень плохо, всю их пищу составляют огурцы и арбузы из Астрахани, которые они летом мочат, а также мука и соль». Арбузы в качестве чуть ли не основной русской пищи выглядят не очень правдоподобно.

Вообще попытки иностранцев объяснить пищевые пристрастия русских или различные обычаи, связанные с приемом пищи, заслуживают отдельного изучения. Так, Поссевино, пытаясь объяснить смысл известного русского выражения «хлеб да соль», утверждает, что фраза эта стала распространенной после чуда, совершенного Сергием Радонежским, который именно этими словами изгнал демона в присутствии князя Дмитрия.

Олеарий отмечал, что русские, как и татары, пренебрегают раками, не используя их в пищу.

Чтобы избежать употребления крови, даже случайно, церковь запрещала употреблять молоко коровы в течение двух дней после отела, так как оно могло быть смешано с кровью.

Церковные власти рассмотрели даже такой деликатный вопрос — можно ли употреблять в пищу мясо и молоко той коровы, с которой совокуплялся человек. Ответ оказался положительным. Правда, эта пища запрещалась самому зоофилу.

Строгости в пищевых запретах порой довольно причудливым образом проникали и в другие бытовые сферы. Как отмечал Петрей, русские священники могут носить меха только тех животных, мясо которых употребляется в пищу, что не давало возможности священнослужителям выглядеть чересчур роскошно.

По народным представлениям к запрещенным рыбам относился также угорь, который слишком уж напоминал змею. Этнографические записи XIX века сохранили на этот счет мнение крестьян. В книге этнографа А. А. Коринфского «Народная Русь» говорится: «Угорь слывет на деревенской Руси запрещенной рыбою. Можно его есть, — говорят сведущие старики, — только тогда, когда “семь городов наперед обойдешь — никакой ястывы не найдешь”, да и тогда запрещается вкушать голову и хвост угря. Народное суеверие принимает его за “водяного змея, хитрого и злобного”, поясняя при

этом, что за великие прегрешения этому змею положен запрет на жало: “не жалить ему веки вечные ни человека, ни зверя”».

В русских книгах можно встретить перекочевавшие из византийских сборников запреты на мясо орла и осла. Понятно, что на Руси данные ограничения были просто неактуальны.

«Правило о верующих в гады» в число запретных животных включает также ворону, кукушку, лисицу, ежа.

Ну и, разумеется, крайней степенью греха было вкушение человечины. В «Хождении Богородицы по мукам» мы сталкиваемся с описанием мучений грешников, в чем-то схожих с дантовскими кругами ада. Правда, фантазия автора «Хождения» оказалась менее богата. Различия в степени жестокости наказания зависят от того, насколько глубоко человек погружен в обжигающее пламя. Кого же мы встречаем на предпоследней ступени адских мучений? «И спросила Пресвятая Богородица: “А кто те, что по шею в огненном пламени?” И сказал ей архангел: “Это те, кто ел человеческое мясо, за то здесь и мучаются так”». Хуже греха людоедства может быть нарушение клятвы на кресте. Такие грешники погружены в пламя уже с головой.

Впрочем, во время голода даже протопоп Аввакум не избежал отступлений от церковных уставов о трапезе. «На Нерче реке з голоду много померло. Немногая с нами остались, — едали траву, корения копали, кобылятину и волков мертвых, и прочих звероядину ели, и лисиц. И я сам, грешен, кабылятину и мертвечину всякую ел».

Не секрет, что для очень многих праздник Пасхи в первую очередь ассоциируется с определенными блюдами, собственно с творожной пасхой, куличом и, конечно, крашеными яйцами.

Однако, если судить по вопросам русских епитимейников, обычай биться крашеными яйцами долгое время воспринимался церковью отрицательно, как дело противное вере, так как ассоциировался с языческими обычаями. Исповедующимся среди прочего предлагалось ответить на вопросы: «Не бился ли яйцами?» «Не потолкал ли красными яйцами в зубы?»

Впрочем, можно предположить, что традиция стучаться вренными яйцами утвердилась как общепринятая и одобряемая

довольно рано, несмотря на сопротивление отдельных священнослужителей. Уже в 1659 году архиепископ Суздальский Стефан был обвинен в том, что «собрав своей области всех попов и дьяконов на поучение... проклинал их [то есть заклинал], чтоб на светлое тридневное воскресение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа с яицы никому христианом не целоваться и на завтреню в самую неделю Пасхи [то есть на пасхальную заутреню] с яицы отнюдь никою в церковь не пускали б...». Архиепископ вынужден был оправдываться, что он не имеет ничего против самого обычая, а только не считает возможным делать это непосредственно в церкви. «А на светлое воскресение Христово попом и дьяконом заказывал, чтоб мирский люди в церкви яиц не носили и с яйцами не целовались, потому что во уставе и в треоди не описано; а велел яйца приносить в притворы; а священников и дьяконов и мирских людей за то не проклинал, а окроме церквей с яицы целоватца не заказывал нигде».

Мы не знаем, чем закончилось это конкретное дело, но кто оказался прав в исторической перспективе, понятно всем.

По крайней мере, уже во времена Алексея Михайловича секретарь шведского посольства пишет про пасхальные яйца как об обычае, характерном для всех слоев русского общества, включая самые высшие: «В этот день есть обычай раздачи яиц, он очень здесь распространен: царь жалует ими своих начальных людей, старших слуг и наших купцов, раздают их и среди народа. Каждый дает другому яйцо, говоря: “Христос воскресе”, это значит — Христос восстал из мертвых и целуют друг друга, а кто получает яйцо, тот отдает его, целуясь, другому. Этот обычай означает, что подобно тому, как из неживого яйца происходит живое существо, так и мессия восстает из мертвых. Каждый здесь так делает, и в поцелуе не откажет ни одна, какая бы ни была знатная дама, хотя бы и на улице. Мне тоже случилось целовать многих важных дам: и иноземных и русских девушек».

Пища, пользующаяся репутацией волшебной, очень часто могла в разных регионах менять знак присущей ей силы с положительного на отрицательный. Благодаря многочислен-

ным вампирским фильмам мало кто не знает про значимость чеснока в борьбе с нечистью.

Менее известно, что на территории нынешней Украины в XIX веке исследователи фиксировали легенды, в которых чеснок вырастает из тела повесившегося Иуды или казненной колдуньи — поэтому есть его грех. Версию о сотворении чеснока сатаной зафиксировали и в северорусских преданиях.

Пищевые запреты и правила могли быть причиной, ну или, по крайней мере, поводом довольно жестких политических конфликтов. Две таких характерных истории зафиксированы в летописи в 1458 году.

Сначала архиепископ Ростовский Феодосий разрешил есть мясо в канун праздника Богоявления, который в том году пришелся на субботу. Митрополит же Иона увидел в этом столь страшное нарушение, что хотел даже лишить архиепископа сана. Конфликт удалось каким-то образом уладить при помощи великой княгини, которая за заступничество получила от Феодосия село Петровское.

Другая история выглядит более запутанной. «Той же зимой было навечерие Крещения в воскресенье, и архимандрит Чудовского монастыря Геннадий по своей воле приказал братии воду богоявленскую, поев, пить. В уставе же написано: литургию отпев, вкусить по куску хлеба и по чаше вина в церкви, и вечерню начинать, и воду святить. О питье же не сказано, когда воду пить. А митрополит прислал взять Геннадия силой и привести, а он убежал к великому князю. Митрополит сам пошел к великому князю и много говорил против Геннадия: “Во-первых, самовластно, — сказал митрополит, — все учинил, меня не спросив. Во-вторых, — сказал, — такую священную воду обесчестил, которую святые отцы оглашенным вместо причастия велели только на Пасху пить, а тем, кто не кается в это время, на Крещение пить до вкушения доры, а Геннадий приказал пить, поев”. Тогда великий князь выдал его митрополиту, а митрополит приказал его сковать и посадить в ледник под палатой». Дело вновь закончилось вмешательством светских властей, на этот раз самого великого князя, который упросил митрополита даровать прощение грешнику.

Еще раз подчеркнем: сложно сказать, насколько страшными считались эти нарушения сами по себе. Не исключено, что

в данном случае митрополит искал лишь предлог, чтобы расправиться с неугодными ему иерархами.

Церковь в лице своих проповедников грозила страшными карами тем, кто продолжал по старинным обычаям готовить трапезы для языческих божеств, в первую очередь для Рода и рожаниц. Безымянный автор XII века писал: «Вас же, покинувших меня, забывших мою святую гору, готовящих пир в честь Рода и двух рожаниц, наполняющих ковши свои на потребу бесам, — вас я предаю мечу и все вы падете пронзенными!... Я вас звал и вы не отозвались; я говорил вам и вы не слушали... Когда верные мне люди начнут пировать — вас будет мучить голод, но сыты вы будете лишь тем, что приготовили рожаницам... Возрадуются (верные) в веселии сердца, вы же, покоровившиеся бесам, молящиеся идолам и устраивающие пиршества в честь Рода и рожаниц, вы закричите в сердечной муке, будете рыдать в судорогах сердец своих!»

Рожаничными трапезами, согласно церковным поучениям, лакомились бесы. Поучения даже приводят слова обрадованных бесов: «Всего досыти. И пити, и ясти. И zde же и мяса приповедуют нам. Zде же и сыры, и масло, и яйца».

Судя по всему, такое ритуальное блюдо, как кутья, также первоначально подвергалось запретам из-за своей тесной связи с языческой обрядностью, но постепенно церковь смягчилась.

Некоторые священники, судя по всему, старались придать своеобразный христианский характер рожаничным трапезам, сопоставляя их с праздником Рождества Богородицы и читая соответствующие молитвы. Но такие инициативы не находили одобрения. Вот как таких священнослужителей характеризовал один из отцов церкви Григорий Богослов: «Череву работнии (чревоугодливые) попове уставиши тропарь прикладати Рожества Богородицы к рожаничной трапезе. Таковы нарекаются кормогузцы, а не рабы Божии». Как видим, священников упрекают в том, что из желания вкусно поесть они принимали участие в далеко не православных обрядах, смешивали великий христианский праздник и языческий обычай.

Еда чужих и борьба с нею

Современный человек привык смотреть на мир глазами туриста. Даже завзятый домосед является таковым благодаря телевидению и Интернету.

Турист же всегда настроен к окружающей его реальности позитивно. Он расслаблен, отрешен от повседневных забот и готов восхищаться всем, в том числе не в последнюю очередь и диковинной иностранной едой.

Если уж не восхищаться, то, по крайней мере, интересоваться. Не каждый европеец съест жареного скорпиона, но вот посмотреть и сфотографировать — это с удовольствием.

Но надо не забывать, что туризм как явление появился сравнительно поздно, едва ли раньше XIX века. До этого времени для большинства людей мысль добровольно, не имея к тому какой-либо насущной причины, оставить родные края показалась бы весьма странной.

Далекie земли и населяющие их люди представлялись дикими, опасными, ритуально нечистыми.

Можно вспомнить австралийских аборигенов, полагавших, что только они являются настоящими людьми, а все осталь-

ные — злые духи, которые только притворяются, принимая человеческий облик.

Обычай и привычки чужеземцев часто казались если не опасными, то уж точно странными и неприятными. И в первую очередь пристрастной оценке подвергалась именно еда. Чужеземцы не ели правильную, благодатную пищу. Среди множества нелестных эпитетов, которым награжден в русских летописях правитель Орды Мамай, встречается и такой показательный, как «нечистый сыроядец».

Разделить трапезу с человеком другой культуры — всегда было связано с большим риском. Еда чужеземцев всегда была грешной, неправильной. Ее следовало всячески избегать. Не случайно, даже в сказках главный герой, если хочет вернуться назад, зачастую должен отказываться от предлагаемой ему в чудесных мирах заманчивой, но чужой еды.

При этом уж если Баба-Яга накормит и напоит его, то можно не опасаться козней с ее стороны. Обидеть того, с кем разделил трапезу, — страшный грех.

Соответственно отказ от совместной трапезы с кем-либо воспринимался как самое строгое разграничение, признание абсолютной невозможности считать этих людей «своими». Очень характерна клятва, которую произносили опричники Грозного: «Я клянусь быть верным государю и великому князю и его государству, молодым князьям и великой княгине, и не молчать о всем дурном, что я знаю, слышал или услышу, что замышляется тем или другим против царя и великого князя, его государства, молодых князей и царицы. Я клянусь также не есть и не пить вместе с земщиной и не иметь с ними ничего общего. На этом целую я крест».

Весьма интересен для нас записанный Павлом Алеппским рассказ про отношения русских к мусульманам, в котором вновь очень сильно проявляется пищевая тема, а если конкретно — запрет на совместное употребление пищи с иноверцами. «Патриарх Никон сообщил в этот день за столом нашему владыке патриарху, что кругом города Казани живут шестьдесят тысяч мусульман, которые платят харач и (всякие) поборы. Он рассказывал, что москвиты считают их нечистыми и не сообщаются с ними, не едят с ними и не пьют. Кто из них окрестится, тот не смеет ходить к своим родным,

а если пойдет по необходимости, то не ест с ними из одного блюда и за их столом, а из отдельного блюда и за отдельным столом из опасения возбудить злобу москвитов и подвергнуться наказанию от них за то, что он ел с мусульманами, ибо у них это считается чем-то отвратительным и весьма нечистым, именно (они думают), что крещение оставило его, и он нуждается в новом крещении».

Как видим, считалось, что принятие пищи с неверными может даже разрушить благодать, которая нисходит на человека при крещении. Правда, следует заметить, что доверять записям Павла вряд ли стоит полностью. Ни в одном отечественном источнике не удалось разыскать сведений о проводимых повторно крещениях или хотя бы о возможности возникновения такой ситуации.

Обычай иноземцев учитывались при приеме посольств. Если послы были приглашены во время поста за царский стол, то им приходилось удовлетворяться скромными постными блюдами. В то же время выдаваемый посольствам мясной и рыбный корм оставался неизменным независимо от того, в какое время прибывали посланники.

Не только для священнослужителей, но и для обычных христиан далеко не все трапезы были разрешены. Особо предупреждалось о недопустимости посещать пиры «варварские и еретические». Отлучить от причастия в таком случае могли на два года.

В то же время в поучениях начинает подчеркиваться мысль, что сама по себе совместная трапеза не означает еще обязанности хорошо относиться к человеку. Гораздо большее внимание следует уделять его поведению в целом. «Не бо еже ясти и пити творит дружество. Таковое бо имут и разбойницы, и мужеубийцы».

В «Стоглаве» предусматривались специальные меры, которые должны предпринять власти и конкретно царь, чтобы люди избегали греха от вкушения запретной пищи: «И того ради благочестивому царю повелети по всем градом свою царскую заповедь послати и по торгом многжды кликати, чтобы удушенных тетеревей и утиц, и зайцов не возили, и православные бы християне удушенины зайцов и тетеревей, и утиц удушенных не покупали, и удушенины бы и всякого животно-

го крови не яли, тем бы себя не оскверняли и Бога тем не гневляли, и боялись бы священных правил запрещения».

Особо запрещается пища, которая у чужеземцев имела сакральный характер. Считалось, что принятие такой еды грешно вдвойне, так как человек приобщается к чужой вере непосредственно. Неудивительно, что под строжайшим запретом было употребление иудейской мацы.

Осуждалась не только пища сама по себе, но и особенности, обстоятельства ее поедания. В решениях Шестого Вселенского собора можно найти статью, посвященную обычаям армянской церкви. Запрету подвергается обычай, по которому «некоторые, сварив части мяса, внутрь священных алтарей приносят части и разделяют священникам, по иудейскому обычаю».

Принятие чужой сакральной пищи может изменить сущность человека. В «Житии святого Маманта» рассказывается, как некий нечестивый царь приказывал кормить детей идоложертвенным мясом, рассчитывая, что, привыкшие к такой пище с детских лет, они будут истовыми идолопоклонниками. Вполне реальный правитель, Юлиан Отступник, приказал окропить идоложертвенной водой все продукты, продаваемые на рынке Антиохии, тем самым приобщив всех жителей к трапезе в честь языческих богов.

Причащение католиков пресным хлебом рассматривалось в православии как соблюдение иудейских традиций. Александр Гваньини пишет: «...Русские употребляют квасной хлеб, а не опресноки (как римская церковь) и объясняют это таким образом: так как иудеи в память освобождения своего из Египта употребляют, по предписанию Божьему, опресноки, то они, русские, говорят, что став однажды христианами, никогда не были в египетском рабстве и тем самым свободны от этих иудейских опресноков и соблюдения субботы и обрезания; ведь если кто-нибудь исполнит что-либо одно из этого (по свидетельству Павла), то будет вынужден соблюдать весь закон».

Но вот есть вместе с латинянами в случае нужды православным все-таки не возбранялось. Правда, потом человек должен был прочесть специальные очистительные молитвы.

Католик, желающий перейти в православную веру, кроме определенных молитв и ритуалов должен был семь дней воздерживаться от мяса и молочной пищи. Любопытно, что если желание стать христианином изъявлял мусульманин или язычник, то пост устанавливался гораздо более строгий — сорок дней.

Люди, отвергающие официальные церковные доктрины, или, проще говоря, еретики, не только оспаривали суть тех или иных положений христианского учения, но и создавали в противовес ортодоксальным свой собственный ритуал. Это не могло не коснуться и традиций, связанных с сакральной пищей.

В XVII веке в секте капитонов ее основатель Капитон на праздник Пасхи красил луковицу и съедал ее вместе с учениками. В секте подрешетников было принято в качестве причастия использовать не хлеб и вино, а изюм. По описанию православного вероучителя это «причащение» происходило следующим образом: «Причаствие же у них бяше некое волшебное, не хлеб, но ягоды, изюм глаголемыя, чарованием напоенныя. Причащаются же таковым чином: изберут от между себе едину девку, и в подполье избы введше ее, в цветное платье нарядят, та по прошествии часа исходит из подполья, неся на главе своей решето, покрытое чистым платом, в решете же ягоды изюм, а в избе множество собравшихся мужей и жен и детей. Вышедши убо из подполья девка с решетом, на главе своей носимом, глаголет по подобию иерейскому: “Всех вас да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно, и во веки веков”; они же поклонившися отвечают: «аминь»; сие же девка оная глаголет трижды, а они трижды «аминь» отвечают. И потом девка та дает им то богохульное приношение вместо причащения Святых Таин; вкусившие же от тех ягод желают себе смерти, будто бы за Христа, или сжечься, или удавиться, или в воде утопиться, как изступивши от ума; и многии тако себе сами погубили».

Олеарий описывает богатого русского купца, далекого от общенародных представлений о необходимости строгого соблюдения постов по церковным уставам. Для полной объективности следует, правда, сказать, что проживал этот купец

в Нарве, находившейся под властью шведского короля. Этот вольнодумец, как пишет Олеарий, «сказал, между прочим: он никакого значения не придает иконам, взял свой носовой платок и провел им по иконе, говоря: “Так я могу стереть краску и потом сжечь дерево; в этом ли искать мне спасение?” Он показал мне Библию на славянском языке, в которой был очень начитан, открывал в нескольких местах и переводил, говоря: “Вот здесь я должен искать волю Божию и держаться ее”. Постов, которые соблюдаются большинством русских, он не признавал; он говорил; “Что в том, что я не ем мяса, но имею зато в своем распоряжении великолепнейшие рыбы и напиваюсь водки и меду; истинный пост заключается в том, что Богом указано чрез пророка Иоиля в первой и второй главе. Так я пошусь, если я не принимаю ничего, кроме воды и хлеба, и усердно молюсь”». Учитывая, что сам Олеарий был протестантом, сложно удержаться от мысли: а не выдумал ли он этого «идеального» русского, который своим умом дошел именно до догматов протестантизма?

Довольно много специфических правил в пищевой сфере фиксировалось у старообрядцев. Эти правила должны были подчеркнуть отличие староверов от прочих. Среди них могли быть и некогда общераспространенные запреты, забытые большинством православных, но зачастую под запретом оказывались новые продукты, которые ассоциировались с внешним, неправильным, грешным миром.

Очень часто эти запреты подкреплялись ссылками на всякого рода мифологические истории. Самая интересная относится, наверное, к картофелю, который встретил у староверов очень холодный прием. В старообрядческой «Книге Борония» рассказывалось, как дочь некоего царя Мамера вступила в блудную связь с кобелем. Узнав о таком позоре, царь приказал бросить в глубокую яму и дочь, и пса, похоронив их заживо. Именно на месте этой могилы и вырос первый картофельный куст, питаться клубнями которого христианину, конечно, не следует.

Драматическая история из жизни Иисуса должна была объяснить обязательность запрета на употребление в пищу конины. «Христос, скрываясь от иудеев, спрятался в копне сена. Пришла туда лошадь и стала есть сено, тем самым от-

крывая Христа. Тогда Господь сказал лошади: “Скверной, поганой отныне ты будешь. Только вороны будут есть твоё поганое мясо”. Между тем к копне подошла свинья и, наоборот, начала сеном накрывать Христа. Господь тогда сказал свинье: “Досель ты была нечиста, отныне благословенна ты, твоё мясо будет лучшей пищей людям”. Сомнительная привилегия, конечно, если посмотреть со стороны свиньи.

По народной быличке, записанной в конце XIX века, Иисус, выданный преследователям лошадьё, проклял ее следующими словами: «Будет ездить на тебе крестьянин, будет есть тебя татарин».

Своеобразное отражение в народных украинских легендах нашла привычка курицы постоянно подгрести землю лапой. Существуют разные варианты. То ли курица разгребала укрытие, где прятался Христос, то ли она торопилась закопать его тело, снятое с креста. Так или иначе, курица также считалась проклятой птицей. Но это, правда, не привело к запрету на её мясо. Разве что в некоторых украинских деревнях запрещалось освящать блюда из курятины на Пасху, а также есть в этот праздник куриные ножи.

Порой в старообрядческой среде возникали любопытные региональные запреты, абсолютно неизвестные в других областях России. Так, староверы, жившие на реке Печоре, воздерживались от употребления в пищу налима и щуки. Объяснялось это тем, что эти рыбы являются дьявольскими созданиями. Местная легенда гласит: «Сатана издавна существовал рядом с Богом. Господь сделал рыб, вложил дух в них и пустил в водоемы. Сатана также сделал рыб — налима да щуку. Такие же получились во всем, как и Господь сделал. Только дух в них Сатана вложить не смог — бездыханные они у него, мертвые получились. Сатана бил-бил налима и щуку, но они не шевелятся, не двигаются. Так у него ничего и не получилось, хотя с виду рыбы были такие же, как и у Господа. Не имеет Сатана духа жизни, чтобы в кого-то вложить жизнь. Смущать и грехом прельщать людей только может».

Но нередко запреты столь подробно и красочно не разъяснялись. О сахаре, например, говорили, что при его производстве используются человеческие кости. Зайцев не употребляли в пищу, потому что они мочатся кровью. Последнее

объясняется просто: красноватый цвет заячьей моче придает ивовая кора.

У старообрядцев хлеб не допускалось резать ножом. Это приравнивалось к тому, чтобы резать человека. Хлеб можно было только преломлять руками.

Многие помнят, что сомнения в подлинности Лжедмитрия I зародились из-за того, что он одевался по польской моде, брил бороду и не спал по русскому обычаю после обеда. На самом деле таких признаков было гораздо больше, и многие из них имели отношение как раз к обычаям, связанным с потреблением пищи. Так, Лжедмитрий не молился на иконы перед началом обеда и не мыл рук после окончания трапезы. Но окончательным свидетельством иноземного происхождения Дмитрия стало другое. Он приказал приготовить на обед блюда из телятины, которая, как мы помним, считалась у русских запретной пищей. Повара сразу же донесли это известие до народа, после чего, собственно, и начался бунт.

Понятно, что свержение Лжедмитрия было обусловлено многими причинами. Не известно, ел ли вообще на самом деле Дмитрий телятину, или это были всего лишь слухи. Но сам характер слухов, которые начали распускать сторонники Шуйских, уже говорит о том, что могло показаться абсолютно неприемлимым для русских людей.

Вполне возможно, что оба Лжедмитрия, что первый, что второй, понимали, насколько подозрительными могут показаться их привычки в области питания русским людям. Польский полковник Иосиф Будило сообщает, что Лжедмитрий II обращался с просьбой к папскому легату разрешить ему и его жене есть мясо по субботам «ради русских людей». Разрешение, однако, получено не было.

Конрад Буссов отмечает изменения, которые произошли в застольных обычаях после воцарения Лжедмитрия I и не пришлось по нраву его русским подданным: «За трапезами у него было весело; его музыкантам, вокалистам и инструменталистам приходилось всю стараться. Он отменил многие нескладные московитские обычаи и церемонии за столом, также и то, что царь беспрестанно должен был осенять себя крестом и его должны были опрыскивать святой водой и т. д., а это сразу же поразило верных своим обычаям московитов

и послужило причиной больших подозрений и сомнений относительно их нового царя».

Иезуит Ян Велевицкий сообщает, что однажды праздничный пир был устроен в пятницу, что также вызвало недоумение и ропот у православных. У Велевицкого, правда, также находим упоминание, что «приготовленный пир не соответствовал нашим ожиданиям и был приспособлен к обычаям и вкусу русских, пиршество продолжалось несколько дней». К сожалению, поляк не упомянул, в чем именно пир соответствовал русским вкусам, кроме его продолжительности.

Указания не общаться с латинянами во многом базируются на пищевой сфере. Феодосий Печерский говорит, что православные должны «из одной посуды не есть, и не пить с ними, и не брать у них пищи».

Именно через пищевые привычки объяснял вред латинской веры киевский митрополит Георгий. Вот его отзыв о питании католиков: «Так как едят удавленину и мертвечину, чего даже иудеи не делают... Так как нечисто есть запрещенных животных, (а они) ведь едят и черепаху нечистую, называя ее курицей. Так как нечисто для чернецов их есть сало свиное... Так как едят медвежатину и ослов, а попы их едят в говение бобровое мясо; говорят, что, мол, от воды это и как рыба всякая. Так как едят с псами в одном сосуде — сами едят, а остатки дают псам — пусть полижут».

Католики пытались, в свою очередь, упрекнуть православных в том, что «яйца едят, из которых животные и птицы рождаются, также молоко от четвероногого скота едят; этого не подобает есть монахам. Наши, мол, монахи едят сало, ибо это хлебный и травный плод». Но Георгий опровергает все эти обвинения и уверенно переходит в контратаку: «Ваше же сало жирное прорастает вместе с постным мясом и перемешивается, и все срастается вместе с кровяницей: жирное проходит сквозь постное, постное — сквозь жирное, и то, и другое кровью напитывается».

Феодосием предусмотрена была ситуация, в которой католик просит у православного накормить его. В этом случае рекомендовалась практика, которой и спустя сотни лет будут следовать старообрядцы. Выполняя заповедь о любви

к ближнему, следовало накормить просящего, но из его посуды. Если же у просителя не найдется миски с ложкой, то рекомендовалось всем этим его снабдить, но потом обязательно не просто вымыть посуду, но и прочитать над ней молитву.

Чем же объяснялись такие ограничения в общении с христианами другого исповедания? Вот известный ответ на это Феодосия: «Ибо неправо они веруют и нечисто живут: едят со псами и кошками, пьют свою мочу и едят ящериц, и диких коней, и ослов, и удуленину, и мертвечину, и медвежати-ну, и бобровое мясо, и бобровый хвост. В говенье мясо разрешают во вторник первой недели поста. Чернецы их едят сало и постятся в субботу и, попостившись, вечером едят молоко и яйца. А за грехи не у Бога просят прощения, но прощают попы их за мзду».

Как легко заметить, из всех названных грехов католиков всего лишь один пункт не имеет отношения к пищевым обыч-новениям — пресловутые индульгенции. Все остальное касается пищевых привычек — для нас не важно, насколько они реальны. Католическая трапеза нечиста уже потому, что она католическая, отдельные детали лишь подтверждают этот факт.

В послании новгородского архиепископа Геннадия в качестве доказательства нечестия католических священников приводится в числе прочих и следующий аргумент: «А попы их, завтракав и пив до обеда, служат обедню».

Из того, что католики использовали для причастия прес-ный хлеб, в православии делались далеко идущие богослов-ские выводы: «Говорят об опресноке, якобы ради чистоты и отсутствия страстей, но лгут, скрывая в себе дьявола...Го-ворят, не принял плоти человеческой от пречистой Девы Гос-подь наш Иисус Христос, но с готовой небесною плотью, точ-но трубою, девственной утробой пройдя, душу человеческую не принял, но вместо души Дух святой в нем пребывает, вот чем прельщают незлобивых душ и неустойчивых. Увы, это го-рестное прельщение и отпадение от Бога живого! Ибо если плоти человеческой не принял Спаситель, то и падшего Ада-ма и всех от него рожденных людей плоть не приобрела боже-ственность, и если душу человеческую не принял Господь, то

и теперь души людские не изведены из адских глубин» («Послание старца Филофея, XVI век).

Таким образом, использование пресного хлеба означает не что иное, как отсутствие веры в Спасение, обреченность человечества на адские муки. Зная это, уже невозможно свысока посмеиваться над нашими предками, которые готовы были пожертвовать даже жизнью из-за таких вот, на наш взгляд, не имеющих значения вещей.

С определением и изобличением «чужих» через несправедливые, отвратительные пищевые привычки мы встречаемся уже в «Повести временных лет»: «А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды». Как видим, поедание нечистой пищи находится в одном ряду со смертоубийством. Точно такие же грехи приписываются радимичам, вятичам и северянам.

Автора «Повести» вряд ли смущал тот факт, что к описываемому времени выделяемые им в качестве образца благочестивого поведения поляне также были язычниками и вряд ли могли соблюдать христианские пищевые ограничения.

Еще в большей степени негативное отношение проявляется к обычаям кочевых народов, постоянно беспокоящих набегам Русское государство. «Повесть» говорит о половцах: «Так вот и теперь при нас половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, и едят мертвечину и всякую нечистоту — хомяков и сусликов».

Говоря о причинах отвержения Владимиром ислама, по крайней мере в рамках летописного варианта, все вспоминают знаменитую фразу про «веселие Руси — есть пити», но в «Повести» говорится и о нежелании отказываться от свиного мяса.

Важен сам факт того, что при вопросе о выборе веры огромное внимание уделяется именно пищевым правилам. И в данном случае не важно, насколько достоверным является рассказ об испытании различных вер Владимиром. Важно то, какие вопросы считались важными и какие ответы приписывались представителям различных конфессий.

Вот Владимир задает вопрос посланцу Папы Римского: «В чем заповедь ваша?» Католики в ответ не находят ничего более важного, чем: «Пост по силе; “если кто пьет или ест, то все это во славу Божию”, — как сказал учитель наш Павел».

Та же история повторяется и с явившимися к Владимиру иудеями. При самом кратком изложении своего «закона» они говорят буквально следующее: «Обрезаться, не есть свинины и заячины, соблюдать субботу». Из четырех правил два касаются пищевых запретов.

Явившиеся последними христиане из Византии довольно много времени уделили критике своих конкурентов. И вновь мы видим, что обличение идет опять-таки по пищевой линии, через критику обычаев, связанных с принятием пищи. Больше всего досталось, конечно, мусульманам. Вот фрагмент из «Повести»: «Ибо, подмывшись, поливаются этой водой и вливают ее в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже большую: скверну совокупления вкушают». Реакция Владимира описана довольно правдоподобно: «Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: “Нечисто это дело”».

В «Паисиевом сборнике» (XIV век) говорится, что болгары (видимо, имеются в виду волжские, то есть к данному моменту, скорее, татары) вкушают скверну, истекшую из срамных уд, и при этом надеются, что таким оригинальным способом избавляются от своих грехов.

На этом фоне критика католиков кажется довольно мягкой, но опять же в первую очередь сводится к вопросу, связанному с едой. В «Повести» читаем: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима научить вас вере своей. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: “Это есть тело мое, ломимое за вас”».

Понятно, что для язычника, каковым был Владимир, подобные тонкости вряд ли имели значение. Для нас важно то, что основное отличие западного и восточного христианства сводится, по крайней мере в рамках данной версии, лишь к рецептуре хлеба для причастия.

Когда же посланцы Владимира возвратились на Русь, то свой выбор именно христианства в византийском варианте они объясняют при помощи пищевой метафоры: «Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь жить».

Отвратительные пищевые привычки могли приписываться не только вполне реальным инородцам, но и выдуманым, фантастическим. Некий Гюрята Рогович из Новгорода рассказывал Феодосию о чудесах, с которыми столкнулись новгородцы, дошедшие до Урала. В числе прочего был там рассказ о народе, который отделен от остального мира высокими горами, но активно пытается эти самые горы прорубить, для чего через маленькое окошечко выменивает меха на железные орудия.

Феодосий сразу же определил, что это таинственные народы гога и магога, заточенные в горах Александром Македонским. Старец сослался на Мефодия Патарского, который описал пищевые привычки далеких племен: «Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны до моря, до так называемого Солнечного места, и увидел там людей нечистых из племени Иафета, и нечистоту их видел: ели они скверну всякую, комаров и мух, кошек, змей, и мертвецов не погребали, но поедали их, и женские выкидыши, и скотов всяких нечистых. Увидев это, Александр убоился, как бы не размножились они и не осквернили землю, и загнал их в северные страны в горы высокие».

Порой, правда, в древнерусских источниках упоминаются народы, которые отличаются благочестием в пищевых обычаях. В это разряд попали бактриане, ассоциирующиеся, судя по всему, с индийскими брахманами. По мнению древнерусских книжников, они не едят мяса, не пьют вина и вообще не грешат.

У нас не так уж много свидетельств о восприятии чужой пищи, которые исходили бы от непосредственных ее потребителей. Тем больший интерес представляет в качестве источника «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Когда Никитин открыл индусам, что он не мусульманин, а верует во Христа, местные жители стали относиться к нему

с бóльшим доверием. Это позволило гораздо лучше ознакомиться с обычаями индийского населения, в том числе и в области питания. Как пишет Никитин: «И индусы не стали от меня ничего скрывать ни о еде своей, ни о торговле, ни о молитвах, ни о иных вещах, и жен своих не стали в доме скрывать».

Нас, знающих о кастовой системе индийского общества, не должно удивить сообщение Никитина, что индусы не едят и не женятся с «чужими». Правда, по мнению Никитина, это разобщение вызвано лишь религиозными причинами, так как в Индии «восемьдесят и четыре веры». Особо индусы стараются скрыть процесс своего питания от мусульман. «А от бесермен отворачиваются: не посмотрел бы кто из них в котелок или на кушанье. А если посмотрит бесерменин, — ту еду не едят. Потому едят, накрывшись платком, чтобы никто не видел».

Совместное питание для Никитина является важным маркером, позволяющим сделать выводы о религиозной жизни того или иного народа. Именно ссылкой на отсутствие совместной трапезы и специфическими пищевыми запретами Никитин, например, доказывает ложность выдвигаемой иудеями версии, что часть индусов придерживается иудаизма: «А что евреи говорят, что жители Шабата их веры, то неправда: они не евреи, не бесермены, не христиане, иная у них вера, индийская, ни с иудеями, ни с бесерменами не пьют, не едят и мяса никакого не едят».

Отметил Никитин и такую характерную особенность, что многие не едят даже со своими женами. Известно, что в определенных случаях мужчина из более высокой касты мог жениться на женщине с более низким статусом, но вот разделять с ней трапезу обычай ему не позволял.

Отношение русского купца к индийской еде довольно критическое — и к самим кушаньям, и к манере приготовления и поглощения пищи. Вот отзыв Никитина: «А еда у них плохая. А едят они рис, да кхичри с маслом, да травы разные едят, да варят их с маслом да с молоком, а едят все правой рукой, а левою не берут ничего. Ножа и ложки не знают. А в пути, чтобы кашу варить, каждый носит котелок».

Главная мысль, которая мучает, возвращающегося на родину Никитина, заключается в возможной гибели его христианской веры. Он сомневается, можно ли ему теперь называться православным человеком. Главная причина таких сомнений, по крайней мере, как ее озвучивает сам Никитин, заключается в нарушении пищевых запретов, в первую очередь правильного соблюдения постов. На чужбине он не имел возможности правильно высчитывать дни христианских праздников, не знал, какие дни выпадали на среды и пятницы. Он пытался найти выход из ситуации, постясь вместе с мусульманами, но у него нет уверенности, что этот пост послужит на пользу его душе. «Праздников христианских — ни Пасхи, ни Рождества Христова — не соблюдаю, по средам и пятницам не пощусь. А иду я на Русь с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом. Месяц март прошел, начал я пост с бесерменами в воскресенье, постился месяц, ни мяса не ел, ничего скоромного, никакой еды бесерменской не принимал, а ел хлеб да воду два раза на дню, с женщиной не ложился я. И молился я Христу Вседержителю, кто сотворил небо и землю, а иного Бога именем не призывал».

Никитин обращается с увещанием ко всем братьям во Христе, предупреждая об опасности потерять свою веру в далеких странствиях. И опять-таки речь идет о несоблюдении поста: «О благоверные христиане русские! Кто по многим землям плавает, тот во многие беды попадает и веру христианскую теряет. Я же, рабище Божий Афанасий, исстрадался по вере христианской. Уже прошло четыре Великих поста и четыре Пасхи прошли, а я, грешный, не знаю, когда Пасха или пост, ни Рождества Христова не соблюдаю, ни других праздников, ни среды, ни пятницы не соблюдаю».

В глазах православных мусульманский пост не мог считаться настоящим постом, так как не предусматривал исключения определенного рода пищи и ограничивался принятием еды только в дневное время. Вот как описывал мусульманский рамадан русский купец Федор Котов, побывавший в Персии и Турции: «Другой их праздник — пост в течение всего июля. А пост у них таков: днем никто не пьет, не ест, а как только солнце сядет, начинают и пить, и есть мясо, в кофейнях и на площади играть и плясать, показывать раз-

ные зрелища. Всю ночь у них горят свечи, лампадки и светильники; сами спят с женами и с гулящими девками. Этот пост у них добровольный — кто хочет, тот и постится, кто не хочет, тот не постится. Служилые люди не постятся. Пост у них бывает только один раз в год».

Принятие пищи от неверных означает предательство своей земли и своей веры. Сохранение даже в трудной ситуации приверженности к традиционным пищевым правилам, в свою очередь, гарантирует Божье благоволение и помощь в трудной ситуации. Вот какая нравоучительная ситуация описана в Волоколамском патерике:

«И это мы слышали у преподобного отца Иосифа. Когда, де, была Орда, называемая “Золотой”, ради наших грехов около Русской земли, взяли в плен двух детей боярских христианской веры, двух родных братьев. Один из братьев по понедельникам постился, не ел скоромного. Когда злые те кочевники стали принуждать их есть свою пищу, они, не покоровшись, один день терпели голод, а на другой день один из братьев не мог терпеть, стал есть их пищу. Другой же брат, который постился по понедельникам, не покорился им, был голодным. И они начали его бить и принуждать к принятию их пищи; он же три дня голодал и страдал от ран, но им не покорился.

Вечером кочевники, видя его твердость и терпение, связали пленника и бросили под телегу. Он же молился и стойко переносил боль. И около полуночи явился к нему человек светлый и сказал ему: “Встань!” Он же отвечал: “Как мне, господин, встать, если связан я крепко?” Тот же повторил ему: “Встань, не бойся!” Юноша начал вставать, и неожиданно все, чем он был связан, разрушилось; и, когда он встал, светлый тот человек сказал ему: “Не бойся, иди за мною”. Когда они шли через безбожное то кочевье, то видели, как в ночи кочевники по их скверной вере творят греховные дела, говоря: “Бог, — мол, — спит”, — и пьют без меры, и во всякую скверну языческую впадают. Юноше стало страшно, и сказал ему тот светлый: “Не бойся, только следуй за мной”. И так прошли они сквозь все безбожное то кочевье невредимыми. И как вышли из людного места, увидели стоящее дерево. Тот светлый приказал юноше влезть на дерево и сказал: “Никого

не бойся, только молчи”. Он же спросил его: “Ты кто, господин?” И ответил ему светлый: “Я понедельник”, — и исчез».

Такой вот счастливый конец истории. Правда, кроме вознаграждения праведного, поучительная литература не могла обойтись без наказания грешника. Вот что произошло с нестойким, согласившимся есть скверную пищу, братом: «Юноша, пребывая в великой радости и страшном волнении, сидел на дереве и смотрел на кочевье язычников. Когда же хватились те злые кочевники сына боярского, обнаружив, что под телегой никого нет, они схватили его брата и начали его бить, говоря: “Ты, — мол, — брата освободил”. И избили его, и связали по рукам и ногам, и продели сквозь них палку, и стали на огне печь, как палят свиней, и сожгли его».

Взгляд извне. Иностранец за русской трапезой

Мы видели, каким могло быть отношение русских к чужеземной еде. Ну а как иностранцы смотрели на еду русскую?

Принято считать, что к XVI–XVII векам (большая часть иностранных записок о России относятся именно к этому периоду) западноевропейцы уже готовы были воспринимать отличия других народов, в том числе и в кулинарной сфере, с интересом и даже удовольствием. Объяснить это можно тем, что наиболее развитые европейские страны уже владели многочисленными колониями во всех частях света, а там, где не удавалось основать колонии, активно торговали. Благодаря этому почвы для пищевых предрассудков становилось все меньше.

В то же время не стоит думать, что свойственное всем людям настороженное отношение к чему-то необычному было полностью преодолено. Скорее, это чувство просто замаскировалось.

Мы практически не найдем у иностранцев критики еды и связанных с ней привычек только на основании того, что это пища русских. Правда, многие претензии, предъявляемые

русским блюдам, даже современным россиянам зачастую покажутся надуманными и неоправданными.

Начнем с мнения, которое нельзя назвать полностью чужим. Во всяком случае, оно принадлежит православному христианину. Павел Алеппский в путевом дневнике пишет, что для непривычного человека распорядок жизни русского человека может показаться крайне вредным. Он приводит мнение многих путешественников, побывавших в Московии: «Сведущие люди нам говорили, что если кто желает сократить свою жизнь на пятнадцать лет, пусть едет в страну москвитов и живет среди них, как подвижник, являя постоянное воздержание и пощение, занимаясь чтением молитв и вставая в полночь». Павел доходит даже до того, что, по крайней мере, русских монахов можно назвать святыми. Впрочем, и миряне мало от них отличаются, так как и те и другие едят всего лишь один раз в день.

Русские при этом и к гостям предъявляют высокие нравственные требования, причем готовы довольно строго следить за их поведением. По крайней мере, Павел говорит об этом так: «...Московиты ставят надсмотрщиков при архиереях и при монастырях и подсматривают за всеми, сюда приезжающими, ночью и денно, сквозь дверные щели, наблюдая, упражняются ли они непрестанно в смирении, молчании, посте и молитве, или же пьянствуют, забавляются игрой, шутят, насмеваются или бранятся».

Описывая царский пир, Павел отмечает, что стол соответствовал монастырскому уставу, за ним вовсе не подавалось мясо, хотя, по мнению главного гостя — антиохийского патриарха, мирянам оно в этот день не возбранялось. Удивило также наличие чтеца, который читал житие святого, чья память приходилась на этот день. При дворе других государей с таким сталкиваться не приходилось, и гостям все больше казалось, что они попали не в царские палаты, а в монастырь.

Русский царь своим праведным поведением удостоился крайне эмоционального восхваления, в котором его поведение ставится в пример всем остальным светским властителям. «О, благополучный царь! Что это ты совершил сегодня и совершаешь всегда? Монах ты или подвижник? Сказать ли, из уважения к патриархам ты не велел подавать за своим сто-

лом мясных блюд на этой неделе пред мясопустом? Что это совершил ты, чего не делают и в монастырях? Чтец читает из Патерика, певчие время от времени поют перед тобою. Бог всевышний да хранит твое царство и твои дни, да покорит под ноги твои врагов твоих за это смирение и прекрасное имя, которое ты приобрел в своей жизни! Какое сравнение с трапезой Василия и Матвея, кои не стоят быть твоими слугами, трапезой с барабанами, флейтами бубнами, рожками, песнями турок! Какое сравнение с их обычаем сидеть на переднем месте на высоких креслах, а патриарха сажать ниже, направо от себя! За правосудие и справедливость Бог даровал тебе царство и приумножил, ибо, куда бы ты ни пошел, победа идет перед тобою и твоими воинами». Как мы видим, во многом именно исходя из обычаев, связанных с приемом пищи, царь удостоился таких похвал.

Сложно сказать, насколько крайняя воздержанность русских соответствовала истине, не сильно ли ее преувеличили гости с Востока. С одной стороны, строгость в соблюдении постов отмечали многие иностранцы, мы с этим постоянно сталкиваемся. В то же время даже в монастырях с довольно строгим уставом во многие дни питались все-таки дважды. Впрочем, книга Павла была рассчитана, конечно, не на московитов, а на его собственных соотечественников. Вполне возможно, что он был не прочь преподать восточному духовенству нравственный урок, приведя в пример строгих нравом далеких братьев по вере.

Павел отмечает, что в России практически полностью отсутствуют постоянные дворы, где путешественники могли бы получить стол и ночлег. Останавливаться приходится в домах местных жителей. Конечно, для патриарха это не составляло проблемы, так как его посольство сопровождал специальный пристав, решавший все эти житейские проблемы.

Казалось бы, приехав из теплых стран Россия вряд ли могла удивить фруктами, но это удалось сделать жителям Калуги. Павел с восторгом описывает преподнесенные патриарху местные яблоки и даже дыни! «В этом городе все: воеводы, вельможи и торговцы, дарили нашему владыке-патриарху удивительные дыни и блюда яблок; да будет благословен Творец за их красоту, величину, запах, цвет и вкус! С одной сто-

роны, они румяны, с другой — белы, чисты, как снег, с тонкою кожицей, цветом и вкусом лучше яблок дамасских. Что касается дынь, то, как мы сказали, они чудесны и исключительно свойственны этой Калуге, ибо во всей стране московской нет подобных по величине и вкусу, как нам говорили».

Не написано только, каким образом выращивали такие вкусные дыни. Может быть, так, как это описал Герберштейн? «Дыни же они сажают с особой заботливостью и усердием: перемешанную с навозом землю насыпают в особого рода грядки, довольно высокие, и в них зарывают семена; таким способом их равно предохраняют от жары и от холода. Ведь если случится сильный зной, они устраивают в смешанном с землей навозе щели вроде отлушин, чтобы семя не сопрело от излишнего тепла; при сильном же холоде теплота навоза идет на пользу зарытым семенам».

Русскими дынями восхищались не только гости с Востока, они производили сильное впечатление на многих иностранцев. Чешский иезуит Иржи Давид, бывший в Москве в 1686—1689 годах, писал: «К достопримечательностям я отношу также дыни, которые в этой холодной стране растут в огромном количестве, и такие большие, что иностранцы с трудом могут поверить, если сами не увидят, к тому же они очень мясистые и сладкие». Восхищался русскими дынями Жак Маржерет, который пишет, что в России «есть фрукты и овощи, а именно: изрядно большие дыни, лучшие из тех, что я где-либо ел». Кроме того, добавляет он, имеется «много огурцов и хороших яблок и черешен, груш и слив мало, орехов, земляники и подобных плодов там во множестве».

Австрийский посланник, также удивленный русскими дынями, рассказал о своеобразной методике выращивания и ухода за ними: «Посадивши дыни, русские ухаживают за ними следующим образом: каждый садовник имеет две верхние одежды для себя, и две покрышки для дынь. В огород он выходит в одном исподнем платье. Если чувствует холод, то надевает на себя верхнюю одежду, а покрышкой прикрывает дыни. Если стужа увеличивается, то надевает и другую одежду, и в то же время дыни прикрывает другой покрышкой. А с наступлением тепла, снимая с себя верхние одежды, поступает так же и с дынями».

Во время прибытия голландского посольства в Архангельск один из нидерландских купцов преподнес землякам в подарок дыню. В воспоминаниях участника посольства отмечается, что это весьма ценный подарок, но, как видим, даже в далеком северном Архангельске в XVII веке имелись деликатесные фрукты.

Пришлась гостям по вкусу и русская капуста. «Капуста в этой стране прекрасная и продается только плотно покрытая листьями и очищенная, — пишет Павел Алеппский. — Мы покупали сани со ста кочанами за пять, шесть копеек, не дороже».

Когда царь посетил с визитом монастырь, в котором остановился патриарх, монахини, кроме иконы Вознесения, преподнесли ему большой ржаной хлеб. Интересно (если это только не ошибка автора), что царь поцеловал именно хлеб.

Удивить русских в плане пищи гостям было особенно нечем. По замечанию Павла, неизвестными оказались только финики и фисташки. Именно последние заинтересовали царя. Алексей Михайлович «понюхал фисташки и, удивляясь им, сказал: “Какая это благословенная страна, Антиохия, что растут в ней подобные плоды!”»

Немалое впечатление произвело на гостей такое рыбное блюдо, как тельное. Павел даже приводит его подробный рецепт: «Выбирают из нее все кости и бьют ее в ступках, пока она не сделается как тесто, потом начиняют луком и шафраном в изобилии, кладут в деревянные формы в виде барашков и гусей и жарят в постном масле на очень глубоких, в виде колодцев, противнях, чтобы она прожарилась насквозь, подают и нарезают на подобие кусков курдюка. Вкус ее превосходный; кто не знает, примет за настоящее ягнячье мясо».

Единственное, что не понравилось гостям, так это продолжительность царского пира. Если верить записям, то продолжался он почти двенадцать часов. Тяжелое испытание!

Блюда на старорусской кухне в процессе приготовления не солили. Это, разумеется, не означало, что на Руси придерживались бессолевой диеты. Соль, а в более зажиточных домах перец и уксус всегда ставились на стол, чтобы каждый мог по своему вкусу приправить ими уже готовое блюдо. Судя по все-

му, наши предки не ощущали разницу между пищей, посланной в процессе приготовления и посыпанной солью уже после.

Этот обычай казался странным большинству иностранцев. Котошихин специально разъясняет его шведскому королю: «Ествы ж обычай готовить, попросту, без приправ, без ягод и сахару и бес перцу и инбирю и иных способов, малосолны и безуксусны. А как начнут ести, и в то время ествы ставят на стол по одному блюду, а иные ествы приносят с поварни и держат в руках люди их, и в которой естве мало уксусу и соли и перцу, и в те ествы прибавливают на столе». Герберштейн замечал, что в качестве своеобразного соуса используется также и кислое молоко.

Он же пишет (при том что многие иностранные путешественники как об удивительном факте сообщают, что русские священнослужители абсолютно не едят мяса) о разрешении высшим церковным иерархам в непостные дни угощать мясными блюдами своих гостей, с которыми они и разделяют трапезу. Не совсем понятно при этом, присутствовал ли сам иноземный гость на подобных угощениях и позволяли ли себе священнослужители мясное, или все ограничивалось только угощением.

Практически все иностранцы, побывавшие в России, отмечают строгость соблюдения постов православными. Тем не менее у них все равно есть претензии к правильности пощения. Во-первых — это упрек в несоблюдении канунов, то есть постов в дни, предшествующие какому-либо празднику. Во-вторых, по замечанию итальянца Паоло Кампани (XVI век), русские понимают пост слишком ограниченно, отказываясь от мясной и молочной пищи, но при этом позволяя себе питаться множество раз в день и без какого-либо ограничения количества пищи. Тут он, как видим, вступает в полное противоречие и с Павлом Алеппским, и с призывами, которые очень часто встречаются в русской поучительной литературе, питаться во время поста один раз в сутки. Миряне явно не соблюдали эти рекомендации полностью, но вряд ли европейцы могли быть для русских образцом в данном вопросе.

В продолжительных постах иностранцы видели основную причину сравнительно небольшого употребления мяса в Рос-

сии, хотя именно такая пища наиболее подходит к суровому российскому климату. В «Описании Московии», содержащемся в реляциях английского посольства 1663–1664 годов, говорится: «Мясо употребляется ими довольно редко, несмотря на то, что суровость климата и побуждает сделать его главной пищею; но они строго приучены к этому воздержанию религией, которая более чем полгода заставляет их поститься». При этом отмечается, что постная диета не мешает большинству москвичей сохранять здоровье и даже быть довольно упитанными. Кроме того, они отличаются изрядной плодовитостью. Попытки рационально разрешить данный вопрос привели англичан к выводу, что «рыба, которою москвичи питаются большую часть времени, так же питательна, как и мясо».

Бальтазар Койетт, член голландского посольства, в своих воспоминаниях подтверждает, что русских в совместном обеде с иностранцами волновали только вопросы соблюдения поста. «Голова, находившийся на нашем корабле, вместе со своею свитою, был приглашен к обеду. Они сначала очень любезно отказывались, говоря что у них постный день, когда они воздерживаются от мяса и молочного. Когда им, однако, сообщили, что угостят их рыбою, приготовленною на растительном масле, они успокоились и также сели за стол, причем они вместе с нами были очень веселы и пили всякие вина».

В описании Койетта строгость поста русских перед исповедью и принятием причастия еще более впечатляюща: «Восемь дней до исповеди они должны казнить свое тело тяжким постом, ничего не есть помимо черствого хлеба и пить лишь квас и плохое пиво, которое так кисло, что производит резь в кишках».

Подобные жесткие рекомендации в русских наставлениях не встречаются. Возможно, за норму в данном случае выдается какой-то единичный случай. Может, голландцу встретился закоснелый грешник, который таким образом хотел сильнее выказать свое раскаяние. А может, опять же, рассказывая о подобных строгостях, автор хотел преподать своеобразный урок благочестия своим соотечественникам.

Сильное впечатление на иноземцев производило питание русского войска. Все с удивлением пишут, насколько умерен-

ными в потреблении пищи русские бывают во время военных походов. Ни один европейский солдат не вынес бы тягот и лишений при подобном скромном рационе. Что же в него входило? До нас дошло не так уж мало описаний, которые сходятся в основных деталях. Приведем одно из них, принадлежащее Александру Гваньини:

«Содержание у московитов, идущих на войну, не похоже на наше: каждый дворянин имеет шесть лошадей и столько же слуг; на одну из этих лошадей навьючивают мешки с пшеном или измельченной полбой, с несколькими кусками свиного мяса, мешочек с солью (кто побогаче, смешивает обычно соль с перцем), к той же лошади привязывают мешки с горохом; кроме того, каждый берет с собой тазы, медные горшки, ларчики, притороченные к седлу; когда надо, они разводят огонь, наполняют большой горшок водой, в которую кладут ложку пшена или полбы и, посолив, варят. Иногда, когда кто-нибудь хочет поесть посытнее, он кладет туда маленький кусочек свиного мяса. Этой пищей господин, иногда вместе с шестью слугами, и довольствуется; если же господин очень голоден, он съедает все, а слуги, порою, постятся по два-три дня. Они обычно имеют также тонко размолотую овсяную муку, несколько ложечек которой кладут в миску и, смешав с небольшим количеством чистой воды, едят. Когда же у них есть чеснок или лук, то они легко обходятся без всякого гороха».

Конечно, читая воспоминания иностранцев о России, надо помнить, что далеко не все они видели своими глазами и далеко не всегда критически относились к тому, что им рассказывали сами русские. Одним из ярких примеров служат переданные Герберштейном сведения о растении под названием баранец: «Димитрий Данилович, муж важный и достойный всяческого доверия, насколько это возможно у варваров, рассказывал нам про удивительную и едва ли возможную вещь... Его отец некогда был послан к заволжскому царю; во время этого посольства он видел некое семя, в общем очень похожее на семя дыни, только немного крупнее и круглее. Если его зарыть в землю, то из него вырастает нечто, весьма похожее на ягненка, в пять пядей высотой; на их языке это называется "баранец", что значит "ягненок", ибо у него голова, гла-

за, уши и все прочее, как у новорожденного ягненка, а кроме того, еще нежнейшая шкурка, которую очень часто в тех краях употребляют на подкладки для шапок; многие утверждали в нашем присутствии, что видывали такие шкурки. Он рассказывал также, что у этого растения, если только можно назвать его растением, есть и кровь, но мяса нет, а вместо мяса какое-то вещество, весьма напоминающее мясо раков. Далее, копыта у него не из рога, как у ягненка, а покрыты чем-то вроде волос и похожи на роговые. Корень находится у него около пупка, то есть посредине живота. Живет оно до тех пор, пока не съест вокруг себя траву, после чего корень засыхает от недостатка корма. Это растение на удивление сладко, почему за ним охотятся волки и прочие хищные звери».

Тот же Герберштейн пишет, что в монастыре Святой Троицы якобы есть некий чудесный котел, в котором всегда варится пища, которую едят как монахи, так и все приходящие странники. Варено это никогда не заканчивается, но никогда не бывает и в избытке.

По воспоминаниям Петрея, за столом русские очень часто крестились, буквально не могли взять в рот новый кусок или сделать глоток, не совершив крестное знамение.

Климент Адамс, сопровождавший капитана Ченслера в его путешествии в далекую Россию в 1553–1554 годах, был впечатлен богатым убранством царского стола: «Достоверно известно только то, что весь прибор, на коем были подаваемы все кушанья и питья ста персонам, приглашенным к столу, был сделан из самого чистейшего золота. На самых столах столько наставлено было золотых сосудов, что для некоторых не было уже и места на них».

Практически все иностранцы пишут об изобилии природных богатств в России. В английском «Описании Московии» 1663–1664 годов отмечено:

«Как много страна производит ржи, так же много и плодов: слив, груш, вишен, яблок, нет только плодов, требующих много времени для созревания: орехов, винограду и проч.

Зелени и огородных овощей очень много; но изобильнее лука и чеснока ничего нет. Есть также множество огурцов, тыкв, и дынь, между которыми встречаются поразительной величины.

Сверх того есть много меду, пчелы сами без помощи человека делают свои соты.

Что касается соли, то северные княжества могут в изобилии снабжать остальные.

Так как страна эта богата пастбищами, то встречается очень много скота. Из дичи встречается очень много зайцев, ланей, диких кабанов. Дичи вообще очень много. Кроме домашних птиц, встречается много фазанов, куропаток, кур, бекасов, глухарей и диких голубей. Все леса наполнены маленькими птицами: дроздами, жаворонками и др.»

Немецкий путешественник Ганс-Мориц Айрманн полагал, что природные богатства России вполне позволяют ей обеспечивать себя всем необходимым. Он считал, что тут не обошлось без божественного вмешательства. Иначе чем можно объяснить, что «иногда, если крестьянин действительно хочет быть усердным, то он может уже на следующий год после устройства пашни совершить на ней свой посев, и Бог по своему всемогуществу дарует этим бедным людям такое благословение на их диких полях, какого мы на наших хорошо обработанных пашнях никогда не можем узреть».

Многие иностранцы отмечают дешевизну и богатый выбор съестных припасов. Койетт пишет об архангельском рынке: «Здесь находится и прекрасный мясной рынок, на который в таком большом количестве привозится говядина, что можно превосходную купить по бланку или стейферу за фунт. Здесь, наряду с большой массой говядины, привозятся окуни в полтора фута величиною, прекрасная лососина, которая, соленая или копченая, в большом изобилии вывозится в Голландию и другие места. Поэтому здесь можно прожить очень дешево, так как жизненные припасы можно получить за немного денег».

Особо удивляла иностранцев дешевизна дичи, которая в Европе считалась далеко не всем доступным деликатесом. «Что касается дичи, — пишет голландец Ян Стрейс, дважды побывавший в России во второй половине XVII века, — то она здесь очень дешева, в особенности известные дикие гуси и большие красные утки, которыми кишат соседние острова и которых ловят посредством соколов и голубятников, так хорошо выученных этому, что ежедневно добывается очень

много дичи. Так как в лесах много кабанов, которых татары, убивающие их, не едят, по магометанству, то можно купить их тоже очень дешево, как вообще все съестные припасы».

Конечно, надо учитывать, что низкие цены в представлении иностранцев могли быть совсем не таковыми в глазах большинства русского населения. Впрочем, Койетт отмечал, что не только воевода и государственные чиновники, но и крестьянские общины дарили им съестное. Он перечисляет: «200 яиц, 12 кур, 2 гусей, 8 овец, 5 поросят-сосунцов и одного жирного поросенка, которого они обвязали веревками вокруг шеи и тела; 6 крестьян несли его: в нем было более 200 фунтов весу. Они привели с собою также двух белых жирных быков».

Вообще почтительное отношение к «немцам», из какой бы страны они ни были, выражалось в том числе и в обильном снабжении пищей. Лютеранский проповедник Мартин Бер, живший в России в 1600–1612 годах, рассказывает: «Ежедневно давалось им столько вина, пива, меду, кушанья рыбного и мясного, вареного и жареного, что всего было вдоволь и в излишестве».

При этом пища в качестве подарка часто вызывала у европейцев насмешку. Вот какими впечатлениями поделился с соотечественниками неизвестный англичанин, служивший при царском дворе в 1557–1558 годах: «20 июля мы выехали из монастыря св. Николая и 24 числа прибыли в Холмогоры, где оставались 8 дней. Посол был здесь поздравляем с прибытием на родину, он получил бесчисленное множество подарков, которые все состояли только из кушаньев и напитков. Кто присылал белый хлеб, кто ржаной, кто хлеб с маслом, оладьи, говядину, баранину, свинину, яйца, масло, рыбу, гусей, уток, куриц и всякого рода провизию, рыбную и мясную, в лучшем виде, как только могло придумать невежественное население; между русскими эти подарки очень ценятся».

В целом, по западным впечатлениям, Московия — богатая страна, наделенная всеми благами природы. По мнению Адольфа Лизека, «кто не был в Московии, тому покажется невероятным, какое там обилие жизненных припасов, которые сделали бы честь самому роскошному столу. В этой большей частью лесной и болотистой стране солнце так благоприят-

ствует плодородию, что посеяв в конце мая, в июле уже собирают богатую жатву.

Помона там не скуперее Цереры в дарах своих. Смородины, вишен, яблок и слив, огурцов, арбузов и дынь родится множество, отменной доброты и необыкновенной величины. Нам подавали дыни весом больше 20 фунтов, и люди, заслуживающие полное доверие, утверждали, что бывают дыни в 30 и даже 40 фунтов».

Конечно, не надо забывать, что поразивший иностранца короткий период выращивания злаков на самом деле таил в себе множество опасностей. Это и работа на износ, и большая, чем в Европе, зависимость от погодных факторов. Ведь, в отличие от большинства европейских стран, в России заниматься земледелием кроме как в указанный период с мая по июль просто невозможно.

Косвенным доказательством пищевого благополучия и обилия являлся тот факт, что русские пренебрегали употреблять в пищу жаворонков, скворцов и дроздов, которые в Европе воспринимались как вполне полноценная дичь.

К сообщениям о богатстве русских земель, разумеется, следует относиться с известной долей настороженности. Так, по сообщениям посла Великого княжества Литовского Михалона Литвина, мяса на Руси якобы так много, что у убитых животных вырезают только филейные части, все остальное выбрасывают. Антилоп (именно так в тексте) каждый русский крестьянин убивает по тысяче. Сложно сказать, имело такое расхваливание природных богатств русских земель какую-то далеко идущую цель, или это просто невинное желание вызвать удивление у читателей.

Жак Маржерет также отмечает изобилие съестных припасов и их удивительную дешевизну, причинами чего полагает не только природные богатства, но и многочисленные посты. «Что касается быков и коров, то они множатся столь же быстро, поскольку во всей России не едят телятины, ибо это противоречит их вере, к тому же они соблюдают пятнадцать недель поста в году, помимо среды и пятницы каждую неделю, что составляет около полугода. Это делает мясо дешевым, как дешев и хлеб, которого очень много, так как его не вывозят из страны. Земля же там сама по себе столь тучна и плодород-

на, что никогда не удобряется, разве что в некоторых местах, и ребенок двенадцати — пятнадцати лет с одной лошадкой вспахивает за день арпан или два земли».

По мнению Маржерета, у русских в отличие от Европы продолжает оставаться позитивным отношение к человеку с большим количеством жира. «Они даже почитают наиболее пузатых, зовя их “дородный человек”, что означает “славный человек”». Обилие среди московской знати тучных людей Маржерет объясняет тем, что они летом ездят на конях, а зимой в санях, сведя к минимуму физическую нагрузку.

Иностранцы также отмечают особое отношение к хлебу со стороны русских. Так, Маржерет пишет: «Самый большой упрек, который можно сделать тому, кто проявил неблагодарность, это сказать: ты забыл мой хлеб и соль».

С другой стороны, можно найти свидетельства, что жизнь большинства населения России не была столь благополучна. Недостаток в пище был самым обычным делом, для борьбы с голодом использовались любые самые неаппетитные и малосъедобные предметы. Вот эмоциональное описание неизвестного англичанина, чьи записки уже однажды цитировались: «Здесь очень много бедного люду, среди которого ежедневно помирают от недостатка пищи, так что жалко смотреть на это. В непродолжительное время, в два эти года, было похоронено до 80 лиц, молодых и стариков, умерших исключительно от недостатка еды; имей они достаточно соломы и воды, они как-нибудь пробились; очень многие принуждены высушивать солому, утрамбовывать ее, делать из нее хлеб или есть ее вместо хлеба. Летом они порядочно пробиваются злаками, травами, кореньями, древесная кора — вкусная для них пища. Нет народа в свете, думаю, который бы жил так нищенски, как живут здесь бедняки».

Курляндский выходец Яков Рейтенфельс, пребывавший в Москве с 1670 по 1673 год, отмечает, что пища простонародья отличается крайней скудностью: «Когда они захотят устроить роскошный пир, то варят похлебку из воды и нескольких изрезанных листов капусты; в случае, если это блюдо им не приходится по вкусу, то они наливают в него много кислого молока. Они доят коров, с которыми живут вместе в одной избушке только ради этого, не умея совершенно при-

готовлять сыр, хотя бы в малом количестве. Коровье масло (которое они приготавливают также жидким, так что оно никогда не твердеет) они отдают в пользу своих господ. Прочие блюда, весьма простые, подаются без всякой иной приправы, кроме соли, и обыкновенно совершенно разнородные даже кушанья приготавливаются в одном и том же горшке. Если же русские поставят на стол в трех небольших сосудах соль, перец и уксус, то считают, что живут уже на большую ногу. Многие с жадностью пьют рыбий рассол, если как-нибудь раздобудут его, или макают в него хлеб, а уж если им достанется немного хотя бы и протухшего сала, то они считают себя воистину блаженными». Кроме того, Рейтенфельс упоминает об употреблении в Московии жидкой овсяной каши, что позволяет сравнить русских с ирландцами и шотландцами, которые в глазах большинства европейцев считались самыми беднейшими нациями.

И это ведь говорится о крестьянах, ведущих самостоятельное хозяйство. Еще хуже положение холопов, чей рацион полностью зависел от прихоти господина. «Кормят же их обыкновенно пищею до того гнусною, что в издевательство о них говорят, что они питаются похлебкою из яичных скорлуп», — пишет Рейтенфельс. И он же говорит, что столь скудный режим питания не мог не привести русских к невоздержанности в еде, «которою они грешат, как у себя дома, так и на торжественных пирах»; более того, «они этот гнусный порок считают удовольствием или необходимостью. Они думают также, что невозможно оказать гостеприимство или заключить тесную дружбу, не наевшись и напившись предварительно за одним столом, и считают поэтому наполнение желудка пищею до тошноты и вином до опьянения делом обычным и делающим честь».

Русская пища воспринималась многими иностранцами как нечто непривычное и не очень-то приятное. Общий упрек, который можно найти практически во всех иностранных сочинениях, это малое количество свежей пищи, которая в большинстве случаев заменяется соленой и копченой. Вот еще довольно мягкий отзыв Айрманна: «Пища их совсем отлична против обычаев нашей страны, и нам приходится при-

учать к ней свои немецкие желудки. Они предпочитают есть то, что либо пролежало перед этим некоторое время в соли или было засолено, как солонина или просольные рыбы, которых у них много разных сортов. Также и что коптилось, и все это им милее свежего мяса. В пище они употребляют много чеснока и луку».

С жалобой на пристрастие русских людей к луку и чесноку можно встретиться и в воспоминаниях чувствительного Адольфа Лизека: «Едушие из Смоленска в Москву только и могут купить, что нужно, в трех сказанных городах, потому что в деревнях, где из-за леса выказываются три-четыре хижины, у мужиков ни за какие деньги ничего нельзя достать, кроме лука и чеснока. От этих русских лакомств в крестьянских избах запах такой несносный для обоняния и для немецких плаксивых глаз, что мы боялись даже входить в них, однако ж многим из нас досталось там и ночевать».

А в «Описании Московии» английского посольства 1663–1664 годов говорится, что из-за неумеренной любви к луку и чесноку «скорее узнаешь москвича носом, чем глазами».

Не только скудная крестьянская трапеза, но и блюда, присланные с царского стола, не могли удовлетворить требовательный иностранный вкус. «В тот день мы впервые видели царя, и удостоились его угощения, — пишет Лизек. — Тридцать человек принесли нам от царя столько же больших серебряных блюд, с любимыми национальными русскими кушаньями, щедро приправленными луком и чесноком, и двенадцать кружек с медом, водкой и пивом. Все это было не по нашему немецкому желудку, и мы должны были насытить больше глаза, нежели вкус».

Вкусу блюд не способствовало и то, что они проделали из царских покоев довольно долгий путь и успели остыть. Поэтому угощение, по воспоминаниям Лизека, обычно выглядело следующим образом: «Между тем стол обременялся яствами. Но как они из дворца почти за версту несены на больших, серебряных блюдах без крышек и подавались все вдруг, то предлагались больше зрению, нежели вкусу. Кушаньев приправленных, по русскому вкусу, луком и чесноком, было так много, что слуги, подававшие блюда один за

другим по порядку, видя, что мы сыты от одного запаха, тотчас убирали их со стола».

Встречаются и более нейтральные упоминания лука и чеснока, без какого-либо недоброжелательства. Как у Олеария, например: «Мы сели за стол и попробовали некоторых русских кушаний, из которых иные были приготовлены очень хорошо, но большей частью с луком и чесноком».

Датское посольство (1659) гораздо лояльнее в своих воспоминаниях о московских угощениях, хотя и тут без критики не обошлось: «Некоторые рыбы были очень вкусно приготовлены; другие же, а именно жареные, не возбуждали нашего аппетита, так как были приправлены чесноком и постным маслом, поэтому для нас было достаточно и одного запаха».

С точки зрения западных путешественников, русские практически не заботятся о вкусе кушаний, главное для них обеспечить сытость. Вот что пишет Айрманн о знаменитых русских щах: «Пища их состоит из вяленой рыбы или мяса, которые они бросают с зеленью и капустой и еще с чем придется в общий горшок и варят все вместе; это им безразлично, лишь бы здорово наполнить большую деревянную миску, тогда они довольны».

С брезгливостью отзывался о застольных обычаях москвичей и австрийский путешественник и дипломат Августин Мейерберг, побывавший в России в 1661–1662 годах. Причем отвращение у него вызывает не только чрезмерное количество лука и чеснока (к этому мы уже привыкли), но и застольный этикет, вернее, полное отсутствие последнего. «Начало обеда делает водка. Первую подачу кушанья составляет холодная вареная говядина, приправленная уксусом и сырым луком. Другие потом кушанья подаются либо вареные, либо жареные, либо с подливой, но ни в одном нет недостатка в больших приемах чеснока или лука, которые у москвитян самые изысканные, возбуждающие вкус средства. Тут уж, наверное, нет ничего поварского, никаких изделий кухмистерского искусства, которое изгнано из всей Московии. Со всем тем на эти кушанья они напускаются с такою жадностью, что скорее пожирают, нежели едят. Оглодавши все мясо кругом какой-нибудь кости, они бросают ее оглоданную опять в то же блюдо, из которого взяли ее с мясом; туда же, потрясывая

рукой, отряхают и приставшую к пальцам слюну, которая отделилась во рту от глотания и смешалась с подливой. В продолжение стола вдруг раздражаются самою звонкою рыготней, с отвратительным запахом непереваренной смеси чеснока, лука, редьки и водки, и эта рыготня, с позволения стойков, предоставляющих полную свободу ей и чревобесию, сливаясь с громозвучными испарениями их желудков, обладает окружающих самым вредным серным смрадом. Носовой платок держат не в кармане, а в шапке, но за столом сидят с открытыми головами, так что, когда нужно бывает высморкаться, за отсутствием платка его должность исправляют пальцы, которые, вместе с ноздрями, вытираются потом скатертью. Речи разговаривающих, как людей, не образованных никакою школой или грамотностью, решительный вздор, очень часто оскорбляющий порядочный слух».

Ему вторит Рейтенфельс: «За столом они, следуя обычаю предков и нисколько не заботясь о том, что выходит за пределы пристойности, хватают пищу с блюда пальцами, опираясь на локти, пользуются постоянно на пирах грязнейшей посудой, не употребляют ни салфеток, ни тарелок, засыпают среди обеда между едою». Не менее критичен участник австрийского посольства Георг Тектандер, побывавший в Москве в 1604 году: «Что же касается далее их нравов и обычаев, то в еде и питье они подобны скотам, грубы и неприличны. Едят обыкновенно без тарелок и ножей, хватают кушанья прямо руками».

Олеарий также отзывается о застольных обычаях русских без особого восторга, хотя и пытается найти им определенное оправдание: «Они не стесняются во всеуслышание и так, чтобы было заметно всем, проявлять действие пищи после еды и кверху и книзу. Так как они едят много чесноку и луку, то непривычному довольно трудно приходится в их присутствии. Они потягивались и рыгали — может быть, против воли этих добрых людей — и на предшествовавших тайных аудиенциях с нами». Говоря о том, что все помещения, да и сами русские пропитались луковыми и чесночными запахами, Олеарий делает акцент на том, что эти ароматы неприятны именно для немцев и могут не восприниматься в качестве отталкивающих самими русскими.

А вот голландец Николаас Витсен не увидел в поведении русских каких-то особенных ужасов, хотя и отмечал отсутствие многих привычных для европейца деталей: «За столом их манеры известны: не употребляют салфеток, не провозглашают друг за друга тосты и за провозглашенный тост не благодарят; по поведению они похожи на наших крестьян» Сравнение с европейскими крестьянами вряд ли можно считать комплиментом, но и особого осуждения не заметно.

Почти все иностранцы отмечали малое распространение у русских блюд, которые предназначены в первую очередь не для насыщения, а для удовольствия. Итальянский епископ Павел Иовий, опубликовавший подробные сведения о России из первых рук (в книге о посольстве Дмитрия Герасимова к папе Клименту VII в 1525-м), пишет: «Домашняя жизнь их представляет более изобилия нежели утонченности». Паоло Кампани сообщает: «Пища у них скудна, проста в приготовлении и постоянно одна и та же... У московитов крепкие желудки, они любят грубую пищу и поэтому едят полусырое мясо». Еще один итальянец, Альберто Вимина да Ченедра, побывавший в России в 1657 году, утверждает: «Московия не имеет надобности в иностранных товарах, не зная никакой роскоши; ни пряные коренья, ни сахар, которые льстят вкусу, здесь не в употреблении, а если и употребляются, то в малом количестве, только в богатых домах, и то в случае пиршеств».

По Мейербергу, русские не умеют наслаждаться тонким вкусом блюд, единственное, на что они обращают внимание, — это большое количество пищи и богатая ее подача. «Когда же захотят задать пир друзьям, тогда выставляют на показ все, что есть у них; считают, что пир не пышно устроен или не искусно приготовлен, если вместе с мясами и птицами не подано будет множества блюд с разною рыбой, за которую москвитяне, хоть и из грубой роскоши, платят дорого. Впрочем, они не с таким тонким вкусом, чтобы бросать эту рыбу или брезгать ею, если она, по обыкновению, и испортилась».

О том же говорит и Олеарий: «Не привычны они и к нежным кушаньям и лакомствам. Ежедневная пища их состоит из крупы, репы, капусты, огурцов, рыбы свежей или соленой — впрочем, в Москве преобладает грубая соленая рыба, которая иногда, из-за экономии в соли, сильно пахнет; тем не менее,

они охотно едят ее. Их рыбный рынок можно узнать по запаху раньше, чем его увидишь или вступишь в него».

Иностранцы отмечали даже, что наличие гнилостного запаха считалось одним из главных признаков вкусной рыбы. С английской прямотой пишет об этом дипломат Энтони Дженкинсон: «На пирах у них бывает много разных яств и напитков, и они наслаждаются, поедая грубые блюда и вонючую рыбу». Неприятное впечатление произвели на него и астраханские рыбные промыслы, где заготавливалась значительная часть рыбы, идущей на русские столы: «Чтобы сушить рыбу для запасов, они развешивают ее на улицах и у домов, отчего, к их великому бедствию, здесь бывает такое большое количество мух, какого не увидишь ни в одной стране».

Петрей описывает рыбный рынок в Москве: «А что касается рыбы, русские оставляют ее про себя, солят ее в кадках с небольшим количеством соли и воды и дают ей испортиться. Когда она станет пахнуть, они считают ее тогда самую лучшею и едят. Проходя мимо торгова, где продается эта рыба, стоящая в бочках, непривычный, пожалуй, задохнется от вони. Когда же придут покупать туда русские, они возьмут сперва рыбу из бочки в руку и нюхают, достаточно ли она пахнет, и если недостаточно, бросают ее опять в бочку с такими словами: “Эта рыба не хороша или не крепка, потому что от нее нет запаха”, — в том мнении, что запах — какой-то признак здоровья в рыбе».

Не знают в Московии, как пишет Мейерберг, и о том, что такое десерт. Ведь к концу обеда желудки у всех так набиты пищей, что никакое наслаждение вкусом уже невозможно. Отсутствие десерта отмечается и в дневнике Марины Мнишек — жены Лжедмитрия I. Но при этом говорится, что по окончании обеда царь раздавал из своих рук маслины стольникам, обслуживающим гостей. С другой стороны, довольно подробное описание блюд, подававшихся за десертом, оставил датский посланник Юхан Спарвенфельд, бывший в России в 1678 году. Главное, что ему запомнилось, — это разнообразные виды пастилы. «На стол подали свернутое вишневое пюре шириной в один локоть и толщиной в мизинец, коричневое, накрученное на палочку, вкусное, но полное песка. Подали 8-угольное (блюдо) похожее на сыр высотой полто-

ры четверти, полное отвара и украшенное гербом царя с орлом с распростертыми крыльями и т. д. Оно состояло из густого яблочного пюре слегка твердого, желтого и вкусного».

О пастиле пишет и Олеарий: «30 сентября воевода велел подарить послам несколько русских сладостей: это были большие толстые пряники, а также сухое варенье из смородины и других ягод, спрессованное частью в форме большого богемского сыра, частью в виде широких свернутых кусков, похожих на фунтовую или подошвенную кожу у нас. Подобного рода свертки присылались нам и в Москве великим князем и другими господами; они кислотоватого довольно приятного вкуса и употребляются у них больше в кушаньях».

Даже обед с царского стола, который был доставлен под руководством стольника князя Алексея Буйносова-Ростовского, не удовлетворил взыскательный вкус Мейерберга. Описание его наполнено злой иронией: «Столовый прибор был незатейлив. На грубой скатерти поставили одну солонку, два сосуда с уксусом и маслом; на верхнем конце стола для знатнейшего собеседника положили единственную ложку с ножом и вилкой, но все это из чистого золота. Салфеток не положено было никаких. Сели за стол с неумытыми руками. Лепешки или ломти хлеба должны были исправлять должность тарелок, находившихся в изгнании. Поставец в беспорядке украшали стопы, братины и некоторого рода бокалы из позолоченного серебра».

Кстати, Рейтенфельс дает весьма любопытное объяснение простоте русского застолья. По его мнению, главная причина состоит в «великой праздности» русских женщин, из-за чего практически все хлопоты по домашнему хозяйству лежат на плечах мужчин, которые в гораздо меньшей степени подчиняются прихотям желудка, ну или просто не имеют времени из-за службы и более важных дел.

Даже посты, усердие русских в которых Мейерберг, как и большинство иноземцев, отмечает, он объясняет не благочестием, а желанием высших классов сэкономить на кормлении своих холопов, которым можно выделять большую часть года в виде пищи лишь хлеб и сушеную рыбу.

Еще более критичен к русским застольным обычаям Петр Петрей: «Когда придут в гости или дома устроят обед, заку-

ку или попойку, они до того грязны и бесстыдны, что не только икают, кашляют, харкают и выводят разные ноты, но позволяют себе еще дела постыднее и грубее, которые природа велит исправлять в других местах: примутся друг за другом кое-что выпускать из себя и делают потеху из того, о чем и говорить-то невежливо для приличного слуха». Причем ведут себя подобным образом не только простолюдины, но и знать, и даже царь Иван Грозный: «Сам он с грубыми манерами; именно: опирается локтями на стол, и так как не употребляет никаких тарелок, то ест пищу, взяв ее руками; иногда полусъеденное опять кладет в чашку».

Петрей пишет, как и большинство иностранцев, о строгости соблюдения поста русскими, но добавляет, что многие встают ночью по два, три раза и наедаются мясом до боли в животе. Сложно сказать, насколько достоверен этот факт. Но если он не выдуман Петреем, то интерпретации возможны различные, вплоть до влияния мусульманских представлений о посте, по которым разрешается употреблять любую пищу после захода солнца.

Впрочем, это еще цветочки по сравнению с тем, как Петрей отзывался о жестокости русских. Судя по всему, перед нами человек, который вполне может претендовать на звание первого документально зафиксированного русофоба. «Их жестокость, гнусная жизнь, варварская и немилосердная природа достаточно известны многим, бывавшим в земле их, а особливо тем, которые приведены туда пленниками из чужих краев и должны были выдержать муки и истязания плена. Потому что русские днем и ночью думают и ломают голову, какими бы новыми способами мучить людей: вешать, или варить, или же жарить их? И ни один народ, ни турок, ни татарин, не сделают ничего страшнее и ужаснее».

Порой строгое соблюдение постов, которое сказывалось и на блюдах, присылаемых иностранным послам, приводило к их сильному разочарованию. Бернгард Танер, побывавший в России с польским посольством в 1678 году, пишет: «И так велено было, чтобы в полдень пришли повара с телегами и прочими потребностями; распоряжая все к торжеству, подали нам надежду, что мы (тогда был понедельник) будем употреблять мясную пищу. Но ожидание наше не исполни-

лось; ибо мы увидели до 200 блюд великопостного, почти сырого кушанья, приготовленного большею частью с конопляным маслом. Тут совершенно был обманут аппетит наш».

Послам даже пришлось попросить позволения пользоваться своим столом и употреблять мясную пищу. Что касается присланных посольству постных блюд, то они, по замечанию Таннера, были «приличные более людоедам». Не совсем понятно, при чем тут людоеды, если жалоба как раз на отсутствие мяса за столом, — видимо, эту чересчур эмоциональную оценку стоит списать на сильный голод.

Русские в описаниях иностранцев очень сметливы и оправдывают поговорку «голь на выдумку хитра». Айрманн рассказывает, как они научились справляться с дефицитом соли: «С удивлением видишь у этих людей, чему природа может обучить человека. Вследствие того, что в то время, когда я был в стране, очень вздорожала соль и стала почти недоступной, и бедный крестьянин, для которого она составляла лучшую приправу, приведен был в отчаяние, и многие от этого померли, то они из-за этого недостатка нашли корень, который они высушивали, толкли и использовали вместо соли; я сам брал его в рот и с удивлением почувствовал, что он, точно ради этой нужды, обладает острым и соленым вкусом; мы его привезли с собой в город Москву и вызвали у многих большое изумление, поскольку они о подобном ничего не ведали». Что это за чудесный корень, нам остается только гадать.

Произвел сильное впечатление на немца и русский обычай заготовки рыбы. «Еще об одном способе хочу я вспомнить, каким они пользуются для сохранения рыбы, которая не засолена и все же остается свежей свыше 5–6 месяцев и после этого идет в пищу. Именно, когда наступает октябрь, то в Москве возобновляется холод, так что воды к концу этого месяца или в ноябре уже совсем замерзают. Раньше чем это произойдет, рыбаки или кто имеет право на ловлю в больших озерах, соблюдают свою выгоду тем, что они, пока могут пользоваться своими большими сетями, или до ледостава, имеют достаточно открытой воды для своих челнов, с величайшим усердием ловят рыбу и за это время вылавливают ее в великом множестве; однако, чтобы сохранить рыбу свежей до то-

го времени, когда она станет редкой и вздорожает, есть у них такое изобретение: коль скоро они вытряхнули свою рыбу из сетей на землю, они предоставляют ей весело скакать или кувыркаться по снегу, а несколько человек к тому приставлены, которые непрерывно закидывают ее с лопат снегом и немного поливают водой: таким образом эти рыбы настолько покрываются и обмерзают снегом и льдом, что лежат, как поленья; тогда они свозят такую рыбу на свои дворы и оставляют ее под открытым небом на снегу, укладывая ее крест-накрест, как у нас поступают с дровами. А когда прошли 2 или 3 месяца зимы, когда всякие воды крепко замерзли и достать свежей рыбы нельзя, тогда они свозят свою мороженую рыбу на саях в ближние или дальние города и продают ее вместо свежей; и она в большом количестве покупается людьми, и ее так же готовят, как только что поступившую из воды. Они берут мороженую рыбу и кидают ее в холодную воду, тогда лед отстает, и рыба, хотя бы она в нем пролежала 5 или 6 месяцев, выглядит так же отлично, точно только что вынутая из воды. Подобную [рыбу] я много и часто ел, и она мне очень нравилась». В Германии этот способ употреблять, как пишет Айрманн, нельзя, так как в отличие от России там слишком часто случаются оттепели.

Удивившая немца заморозка могла применяться не только к рыбе, но и к мясу. «Я также видел, как они брали парное мясо и валяли его по снегу с водой, давая ему обмерзнуть в большой кусок льда; это они часто делали в мое время, когда соль в Москве была так дорога, и мясо оставалось совсем свежим».

Другой иностранец, венецианский дипломат Иосафат Барбаро, также вспоминает об обыкновении замораживать мясо и рисует еще более впечатляющую картину: «Мороз там настолько силен, что замерзает река. Зимой [на лед] свозят свиней, быков и другую скотину в виде ободранных от шкуры туш. Твердых, как камень, их ставят на ноги, и в таком количестве, что если кто-нибудь пожелал бы купить за один день двести туш, он вполне мог бы получить их. Если предварительно не положить их в печь, их невозможно разрубить, потому что они тверды, как мрамор».

Любопытно, что голландец Стрюйс, описывая мясные рынки Москвы, замечает, что там продается мясо, «не исклю-

чая лошадиного». Сложно сказать, насколько это мясо было распространено и питался ли им кто-нибудь, кроме татар.

Как свидетельство изобилия пищи, Барбаро упоминает, что мясо русские торговцы продают не на вес, а на глазок.

Да Ченедра восхищается плодородием русских земель и упрекает жителей в лени, которая не дает им в полной мере воспользоваться этим богатством: «Можно сказать наверное, что если бы жители были столь промышленны, сколько земля их плодородна, то не имели бы недостатка в прекрасной зелени и овощах, подобно жителям Литвы, Швеции и других мест, лежащих на севере коих климат не менее почитается суровым. Но сколь велико изобилие разного рода хлеба, доставляющего им пищу и питье, делаемое жителями из оного, как-то: пиво и водка, столь же чувствителен недостаток в тех сортах зелени и овощей, кои требуют особенного попечения в огородах и точности в разведении оных. Но они не заботятся иметь другие огородные произрастения, кроме кочанной капусты, довольно большого количества огурцов, употребляемых в пищу, пока они еще свежи, а потом сохраняемых целый год солеными; также чесноку, луку и репы, а в некоторых местах даже и дыней». В защиту соотечественников хотелось бы отметить, что дыни, упоминаемые в этой книге уже не в первый раз, вряд ли относятся к тем культурам, которые в России можно вырастить без «особенного попечения».

Впрочем, отличия от европейских огородов могут объясняться и пищевыми пристрастиями. Тот же да Ченедра пишет: «Салат же, цветы и благовонные травы неизвестны жителям, по мнению коих, сырая трава годится для скота, а не для людей». С другой стороны, Иржи Давид отмечает, что особой разницы в потреблении зелени в России и Европе не заметил. «Других корней и трав тоже много, хотя они не такого вкуса и не такой зрелости, как в других странах: редиска, салат, репа, латук, петрушка, капуста».

По поводу салата есть еще одно мнение, изложенное в реляциях английского посольства 1663–1664 годов; оно приписывает англичанам распространение среди русских привычки кушать зелень: «Недавно они научились у англичан

и голландцев употреблять в пищу салат; прежде же они считали за зверство есть сырые травы».

Стрюйс также приписывает употребление русскими зелени и овощей влиянию иностранцев: «Тут же имеются и всякого рода кухонные овощи, особенно спаржа толщиной с палец, какую я сам ел у некоего голландского купца, моего доброго друга, в Москве, а также хорошие огурцы, лук и чеснок в громадном изобилии. Латук и другие сорта салата никогда не садились русскими; они раньше вообще не обращали на них внимания и не только не ели их, но даже смеялись над немцами за употребление их в пищу, говоря, что они едят траву. Теперь же и некоторые из них начинают пробовать салат».

Порой иностранцы, будучи знакомыми с трудами других путешественников, вступали с ними в заочный спор. Так, Олеарий пытается опровергнуть мнение о недостатке в России фруктов: «В некоторых местах, особенно в Москве, имеются и великолепные садовые растения, вроде яблок, груш, вишен, слив и смородины. Положение, следовательно, здесь совершенно иное, чем то, что изображают Герберштейн, Гвагнин (то есть Гваньини) и другие писатели, утверждающие, будто в России, вследствие сильного холода, совершенно не находится плодов и вкусных яблок. Между другими сортами яблок у них имеется и такой, в котором мякоть так нежна и бела, что если держать ее против солнца, то можно видеть зернышки. Однако хотя они прелестны видом и вкусом, тем не менее ввиду чрезмерной влажности, они не могут быть сохраняемы так долго, как в Германии».

Впрочем, далеко не все иностранцы оказывались в восторге от наливных яблочек. Вот какую характеристику им дал Стрюйс: «Родится также множество плодов и между прочим один сорт яблок, столь прозрачных, что, не снимая кожицы и не разрезывая, видишь ясно семечки. Они приторны, безвкусны, как большая часть (здешних) плодов; да к тому же водянисты». Стрюйсу не понравился и русский ржаной хлеб, который, по его мнению, способен переварить только русский желудок.

Довольно своеобразно в описании голландца выглядят и русские супы: «Некоторыми кушаньями, употребляемыми боярами, нельзя вполне насытиться, так как у них нет супу:

вместо него подают кипяченую воду с двумя или тремя грудками соли. Я видел, что подавали за хорошими обедами отвар только из рыбы с несколькими головками чесноку».

В то же время, по мнению Олеария, русские повара обладают немалыми талантами, особенно в плане приготовления постных блюд. «Они умеют из рыбы, печени и овощей готовить многие разнообразные кушанья, так что ради них можно забыть мясо. Например, однажды нам... в посту было подано 40 подобных блюд, пожалованных царем. Между прочим, у них имеется особый вид печени, вроде паштета или скорее пфанкухена, называемый ими “пирогом”; эти пироги величиною с клин масла, но несколько более продолговаты. Они дают им начинку из мелко изрубленной рыбы или мяса и луку и пекут их в коровьем, а в посту в растительном масле, вкус их не без приятности. Этим кушаньем у них каждый угощает своего гостя, если он имеет в виду хорошо его принять».

При этом Олеарий считает, что знаменитое хлебосольство, по крайней мере со стороны людей, находящихся у власти, часто объясняется вполне корыстными мотивами. Предполагалось, что каждый приглашенный на пир обязан принести соответствующий подарок — такой, чтобы хозяин не чувствовал себя внакладе.

Особо отмечали иностранцы умение русских в приготовлении квашеной капусты. В дневнике поляка Самуила Маскевича, который он вел во времена Смуты, рассказывается: «Деревня эта называлась Роднею. Крестьяне, жившие в ней, вместо всякой повинности, обязаны были ставить в царскую кухню капусту; у каждого мы нашли по 2 и по 3 кадки; она так бела и вкусна, что подобной редко найдешь у нас, или в другом месте. В особенности понравилась нам кочанная, квашенная с анисом и кишницом; мы не могли досыта наесться ей». Рейтенфельс же замечал: «Из всех отраслей поваренного искусства русские действительно хорошо владеют одним, именно: готовить холодные кушанья».

При этом едва ли не все говорят об отсутствии на столах москвитов пряностей. Михалон Литвин пишет в дневнике: «Они [москвитяне] до такой степени не признают пряностей, что и за пасхальными трапезами довольствуются такими при-

правами: серой солью, горчицей, чесноком, луком и плодами своей земли не только простолюдины, но даже и высшая знать, и верховный вождь их. На пиршественном столе князя среди золотых сосудов и местных яств [бывает] все же немного перца, однако его подают сырым отдельно в чашах, но никто к нему не прикасается».

Поссевино, отметив, что до подачи блюд русские ставят на стол каравай хлеба, солонку, перечницу и емкость с уксусом, почему-то сделал вывод, что «этими предметами московиты из-за суеверия убирают свои столы».

С точки зрения иноземцев, русские почти не ели такие распространенные в Европе молочные продукты, как сыр и масло. Иржи Давид пишет: «Сыра и свежего масла русские употребляют мало, и потому здесь этого мало и изготавливают, а больше пьют молоко и какую-то из него закваску». Не понятно, что это за закваска. Простокваша или сыворотка?

У англичан русские молочные продукты также не вызывали восторга. Читаем в «Описании Московии» 1663–1664 годов: «Что же касается масла и сыра, то они как то, так и другое плохо готовят; иностранцы, едва их могут есть».

Уже в XVII веке как специфически русское блюдо воспринималась рыба икра, хотя манера ее употребления в России показалась бы нашим современникам довольно своеобразной. В том же «Описании Московии»: «Из яиц осетра, которого ловят в Волге, готовят великолепное кушанье, называемое ими икрою, а итальянцами, которые его очень любят, савауаг. Эту икру приводят они в твердое состояние и, приготовив ее с солью в течение 10 или 12 дней, едят ее с салатом, перцем, луком, маслом и уксусом».

Голод, обрушившийся на русские земли в 1602 году, произвел большое впечатление на гостей из Европы. Нельзя сказать, что голод был чем-то непривычным для людей того времени. Поэтому чрезвычайно эмоциональные оценки современников говорят о том, что даже по меркам XVII столетия это было потрясающее бедствие.

Мартин Бер сравнивал голод в России со страданиями, обрушившимися на Иерусалим во время осады города римлянами. Конечно же, самым страшным признаком, пока-

зывавшим, что люди дошли до крайности, было массовое людоедство.

Бер рассказывает: «Свидетельствуюсь истиною и Богом, что в Москве я видел собственными глазами людей, которые, валяясь на улицах, летом щипали траву, подобно скотине, а зимою ели сено; у мертвых находили во рту вместе с навозом, человеческий кал. Везде отцы и матери душили, резали и варили своих детей, дети своих родителей, хозяева гостей; мясо человеческое, мелко изрубленное, продавалось на рынках за говяжье, в пирогах; путешественники страшились останавливаться в гостиницах». Приводимая им же цифра умерших от голода, 500 тысяч в одной только Москве, скорее всего, значительно преувеличена, но опять же дает представление о том, насколько масштабным казалось бедствие.

Такой же страшный голод впоследствии испытали в 1612 году поляки, оказавшиеся в осажденном русском ополчением Кремле. Голод этот привел к нарушению абсолютно всех социальных норм и табу. Вот жуткое описание, в котором мрачный ужас переплетается с кровавым фарсом, оставленное полковником Иосифом Будило: «Ни в каких летописях, ни в каких историях нет известий, чтобы кто-либо, сидящий в осаде, терпел такой голод, чтобы был где-либо такой голод, потому что когда настал этот голод и когда не стало трав, корней, мышей, собак, кошек, падали, то осажденные съели пленных, съели умершие тела, вырывая их из земли; пехота сама себя съела и ела других, лоя людей. Пехотный поручик Трусовский съел двоих своих сыновей; один гайдук тоже съел своего сына, другой съел свою мать; один товарищ съел своего слугу; словом, отец сына, сын отца не щадил; господин не был уверен в слуге, слуга в господине; кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ел. Об умершем родственнике или товарище, если кто другой съедал такового, судились, как о наследстве и доказывали, что его съесть следовало ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дело случилось в взводе г. Леницкого, у которого гайдуки съели умершего гайдука их взвода. Родственник покойника — гайдук из другого десятка жаловался на это перед ротмистром и доказывал, что он имел больше права съесть его, как родственник; а те возражали, что они имели на это

ближайшее право, потому что он был с ними в одном ряду, строю и десятке. Ротмистр... не знал, какой сделать приговор и, опасаясь, как бы недовольная сторона не съела самого судью, бежал с судейского места. Иной пожирал землю под собою, грыз свои руки, ноги, свое тело и что всего хуже, — желал умереть поскорее и не мог, — грыз камень или кирпич, умоляя Бога превратить в хлеб, но не мог откусить».

При Годунове голод затронул, разумеется, не только столицу. Ганзейский посланник Иоганн Брамбах описал сельскую местность, через которую проезжал в 1603 году: «Здесь мы должны упомянуть с сердечным прискорбием, что как в самой Москве, так и по всем местам, где нам пришлось проезжать, царили сильнейшая, неслыханная дороговизна, голод и кручина, так что население целых деревень оказывалось вымершим с голоду в такой мере, что даже в Москве трупы погибших голодною смертью вывозили на 6, 8 и более возах ежедневно. И во время пути, мы не раз видели, как бедные люди по деревням собирали барашки орешника или соскабливали с сосен кору, заменяя себе этим хлеб, так что в иных местах, вследствие обдирания коры погибли целые сосновые леса. Иногда же эти несчастные люди пекли себе хлеб из соломы и молотого сена. Но хлеб указанных трех видов скорее походил, с позволения сказать, на черный кал или грязь, и в нем не было ни вкуса, ни смака, ни силы, так что те, кто его ел, особенно если удавалось опять попробовать хорошего хлеба, неизбежно умирали».

Свидетельств слишком много, чтобы списать все на преувеличения. Вот еще одно описание страшного голода, данное на это раз французским путешественником де Ту: «Тогда находили матерей, готовых сожрать своих малюток, и с трудом удерживали их от такого злодейства. Мясом сыновей, убитых голодом, питались родители везде, безнаказанно, после того, как они переели всех кошек, крыс и других нечистых животных. Голод разорвал все узы любви, погасил все чувства природы и благопристойности. За меру пшеницы, стоившую не более 12 су, платили 19 талеров. Но уже не хлеб, мясо человеческое лежало на рынках; туда свозили трупы кто только мог: родные продавали родных, отцы и матери сыновей и дочерей, мужа своих жен».

Впрочем, не стоит думать, что страдания обрушились только на Россию. Соседняя с ней Ливония испытывала не меньшие страдания. «По всей Лифляндии, — пишет Брамбах, — в особенности же в округе Динабургском, свирепствовали такая дороговизна и неслыханная голодовка, что несчастные люди собирали всякую падаль на полях, снимали с виселицы трупы повешенных и вырывали из могил покойников, употребляя все это в пищу. Попущением Божиим дошло даже до того, что родители собственных детей, дети — родителей, мужа и жены взаимно убивали и друг друга съедали».

Как о вполне обыденной истории Маржерет пересказывает следующий случай: «Я был также свидетелем, как четыре жившие по соседству женщины, оставленные мужьями, сговорились, что одна пойдет на рынок купить телегу дров; сделав это, пообещает крестьянину заплатить у себя дома; но когда, разгрузив дрова, он вошел в горницу, чтобы получить плату, то был удушен этими женщинами и положен туда, где на холоде мог сохраняться, дожидаясь, пока его лошадь будет ими съедена в первую очередь; когда же это открылось, признались в содеянном и в том, что тело этого крестьянина было третьим».

Царь Борис Годунов, судя по всему, предпринимал отчаянные усилия по нормализации ситуации. Активно раздавал припасы из царских закромов, пытался поставить под контроль хлебных спекулянтов. Но в иностранных свидетельствах есть и негативные моменты. Так, Бер отмечал, что Годунов запретил торговать хлебом немецким купцам, которые прибыли с этой целью в Нарву, якобы «думая, что для него было бы стыдно, если бы в России, обильной своим хлебом, продавался чужестранный».

Придворные празднества и пиршества, на которых присутствовали иноземные послы, по-прежнему поражали своей пышностью и обильностью, что создавало резкий контраст с тем, что происходило в остальной России. Борис всячески старался скрыть от иностранцев испытываемые страной проблемы. Бер пишет: «Угощали посла с роскошью удивительною... Ни один царский подданный не смел, под опасением телесного наказания, рассказывать кому-либо из посольской свиты о великой нужде народной: надобно было говорить, что все дешево, всего в изобилии».

Именно за такую гордыню, по мнению многих, Бог обрушил на царство Бориса еще большие бедствия, добавив к году войну. Любопытно, что в качестве одного из симптомов кары Божьей называли и такой признак: «Мясо же, употребляемое в пищу, не имело вкуса, сколько его ни приправляли».

Впрочем, все в мире относительно. Из блестящего XVIII столетия царские трапезы XVI—XVII веков казались довольно скромными. Некоторые даже готовы были увидеть в этом очередной признак отсталости России и благословлять Петра I, приобщившего русских к европейским застольным традициям. Но довольно рано нашлись и такие, кто видел в допетровской старине идеал простоты и воздержанности, причем старый порядок имел преимущество во всех сферах жизни, включая кулинарную.

Вельможа екатерининской эпохи граф М. М. Щербатов вошел в историю прежде всего как автор сочинения «О повреждении нравов в России», в котором он сравнивает современную ему жизнь с минувшими временами, причем отдает явное преимущество последним. Щербатов описывает порядки при царском дворе XVII века как образец умеренности и скромности. Приведем выдержки из этого панегирика:

«Стол государев соответствовал сей простоте, ибо хотя я точно утвердить и не могу, чтобы государи кушивали не на серебре, но потому, что в мастерской палате не вижу порядочного сервизу серебряного, заключаю, что тогда государи кушивали на олове; а серебряные блюда и сделанные горы наподобие Синайских, также и другие столовые украшения употреблялися токмо в торжественные дни.

Кушанье их сходственно с тем же было, хотя блюда были многочисленны, но они все состояли из простых вещей. Говядина, баранина, свинина, гуси, куры индейские, утки, куры русские, тетеревы и поросята были довольны для составления великолепнейшего стола, с прибавлением множества пирожного, не всегда из чистой крупитчатой муки сделанного. Телятину мало употребляли, а поеных телят и каплунов и не знали».

Особо князь подчеркивал, что в те времена не ставилась задача искусственного разжигания аппетита, способствовав-

шая неумеренности в еде: «... Не знали ни капорцов, ни оливок, ни других изготвлений для побуждения аппетита, но довольствовались огурцами солеными, сливами, и наконец за великолепие уже считалось подать студень с солеными лимонами». Даже десерт был образцом простоты: «... Изюм, коринка, винные ягоды, чернослив и медовые пастилы составляли одной, что касается до сухих вещей. Свежие же летом, и осенью были: яблоки, груши, горох, бобы и огурцы. А думаю, что дынь и арбузов и не знали, разве когда несколько арбузов привезут из Астрахани. Привозили еще и виноград в пакоке, а свежего и понятия не имели привозить, ибо оный уже на моей памяти в царствование императрицы Елисаветы Петровны, тщаниями Ивана Антоныча Черкасова, кабинет-министра, начал свежий привозиться».

Скорее всего, князь несколько преувеличивал скромность царских столов. По крайней мере, мы знаем, что дыни в XVII веке не были неизвестным деликатесом даже в провинциальной Калуге, что уж говорить о Москве.

Произвести впечатление на послов старались, как мы уже знаем, в том числе и богатством присылаемых им от царского стола кушаний. Причем удивлять иностранцев должны были не только сами блюда, но и богатая сервировка, тем более что драгоценная посуда часто также передавалась в дар послу. Иоганн Брамбах рассказывает: «Затем их царскими величествами был прислан знатный придворный со многими дворянами и прислужниками, несшими нам более 100 кушаний, которые все были наложены в золотые сосуды (или блюда) с золотыми же крышками; кушанья состояли из одной рыбы, печенья и студня, а также были к ним всякие соусы и варенье из айвы, вишен, слив, земляники и т. п.; были присланы и всякого сорта напитки и вина, а также гвоздичка, вишни, дыни, причем различные сорта меду, как и прочие все напитки, были питы в кубках из чистого золота».

На праздники, например на Пасху, количество присылаемого «корма» обычно увеличивалось вдвое.

Приведем всего лишь один пример типичного дневного рациона, который выдавался шведскому посольству: «Для посла — 2 бутылки французского вина, 1 — испанского ви-

на, 2 — вареного меда, 1 бутылку двойной водки, полбутылки уксуса, 1 бочонок меда и несколько большой — с пивом. Для дворян и офицеров — на 14 человек — одну бочку меда; для офицеров и слуг вместе: 1 бочонок водки и одну бочку пива. Для посла — кусок говядины, четверть овцы. Для офицеров — овца, для остальных — 2 овцы и кусок говядины. В общем на каждый день: 7 кур, 2 утки, 2 гуся, 100 хлебов, 1 кусок свинины, 10 окуней, 4 щуки, 2 фунта слив, 1 пакет с фунтом горчичных семян, такой же — с изюмом и с лучшими сливами, 5 мускатных орехов, 1/2 лота гвоздики, 1/2 унции перца, 1 пакетик корицы, 1 голова сахара, 1 фунт риса, 1 фунт растительного масла, 50 яиц, чашка сливок, ведро огурцов, 5 редек, соль и хрен, четверик муки, 3 фунта масла, ящик крупы, 8 небольших свечей». Стоит, наверное, добавить, что изначально «корм» был меньше и шведы долго убеждали русские власти увеличить норму.

Сохранилось свидетельство о том, что австрийскому послу Николаю Варкочу в числе прочих кормов было отпущено 10 лосей.

Стремление удивить гостей внешним видом блюда также не было чуждо русским поварам. При Алексее Михайловиче в завершение обеда, который был дан в честь английского посла, принесли три небольших дерева, ветви которого были унизаны позолоченными на концах пирогами. Их срывали и ели вместо десерта.

Русские пироги, кстати, порой казались иностранцам довольно экзотическим блюдом. Вот как они выглядели в глазах голландца Витсена: «За день до нашего отъезда воевода отправил послу подношение из трех блюд — питание в дорогу. Это были пироги: сладкий и с перцем пирог, другой — черный выпеченный кусок, на вид как наши сыры, из тамаринда, слив и меда, а третий был свернутый кусок, с виду похожий на засмоленную парусину».

Присланные посольству с царского стола блюда далеко не всегда удовлетворяли европейских гостей. Койетт рассказывает о царской трапезе: «Первым блюдом был жареный гусь, около него стоял шафрановый соус. Одно за другим было подано 70 блюд, которые мы все попробовали. Выпечка была вкусная, но мясо было так сильно нашпиговано чесноком,

луком, лимонами и маринованными огурцами, что наши языки не выдерживали. Все было холодное как лед. Среди всего был старый жесткий жареный журавль, много соусов, а в них куски курятины, нашпигованные круглыми жареными шариками, и т. д. и т. д.; короче — вся пища, никогда не виденная у нас». Последняя фраза интересна. Голландец не просто говорит о каких-то особенностях русской кухни. Она вся в целом воспринимается, как нечто чуждое, диковинное.

Правда, у Койетта есть и вполне благоприятные отзывы о русском угощении, когда еда и церемония ее подачи не так уж сильно отличались от того, к чему европейцы привыкли дома. Это вызывало некоторое недоумение, поскольку гости не ожидали подобного от дикой, по их представлениям, Московии. Голландский дипломат рассказывает: «Когда мы прибыли во двор, нас прекрасно встретили; выпив в круговую рюмку секту, мы сели за стол. Первая перемена состояла из семи блюд холодного мяса, рыбы и пирогов, вторая — из двенадцати блюд с кушаньями вкусно приготовленными, как вареными, так и жареными, причем поданы были еще пироги; третья, в двадцати блюдах, давала разные печенья, четвертая, в таком же числе блюд, давала десерты, в том числе торты и много других лакомств, которых, пожалуй, нельзя было ожидать в Московии. Таким образом, прекрасно угостившись и едою и питьем, мы в веселом расположении вернулись к нашим дворам».

Воспоминаний о царских приемах и угощениях сохранилось в посольских отчетах и мемуарах довольно много. Но мало кто из иностранцев проявил любопытство к питанию обычных русских из, если можно так выразиться, среднего класса.

Тем интереснее для нас воспоминания Витсена, который описывает обед у обычного московского купца: «Стол накрыли грязноватой скатертью сами хозяин и его сын, хотя это важные люди, у которых в изобилии были холопы и слуги. Для каждого из нас была положена груда толстых ломтей хлеба всех сортов и деревянная ложка. Первым блюдом были засахаренные сливы и огурцы, на второе подали курицу в бачке, на третье — кусок свинины с уксусным соусом, который они ели ложками. Четвертое — какая-то странная жидкость,

которую тоже едят ложками. Пятое — паштет из мяса, с луком, чесноком и т. д.».

Отсутствие вилок и сладкое в начале обеда нас удивлять не должны, это обычный признак русской трапезы. Остается открытым вопрос, что же это была за «странная» жидкость. Логичнее всего предположить, что это окрошка. А вот пятое блюдо любопытно. По общепринятому взгляду на русскую кухню, до эпохи Петра и заимствований с Запада русские практически не знали блюд, подразумевающих измельчение и перемешивание различных компонентов, — словом, паштетов. А тут за столом у купца мы встречаем описание именно такого блюда. Вряд ли голландец мог перепутать паштет с просто приправленным цельным куском мяса.

В гораздо большей степени напоминали Европу блюда и застольный этикет в доме у одного из самых богатых московских купцов Аверкия Степановича Кириллова, чьим гостем был также Витсен. «Он угостил нас различными напитками, а также огурцами, дынями, тыквой, орехами и прозрачными яблоками, и все это подали на красивом резном серебре, очень чистом. Не было недостатка в резных кубках и чарках. Все его слуги были одеты в одинаковое платье, что не было принято даже у самого царя. Он угощал нас очень любезно, беседовал о недавно появившейся комете».

Упоминание простонародной пищи в записях иноземных гостей встречается не так уж часто, но понятно, что она в основном не встречает восторгов. Характерное описание читаем у Койетта: «Обыкновенная пища русских, в общем, в достаточной мере не вкусна — соленая рыба, кислая капуста, крупа, горох и бобы и при том ржаной хлеб. При своих похлебках и жарких едят они лук и чеснок; эта еда им очень нравится, хотя непривычных она отталкивает ужасающею вонью. Много едят они всякой похлебки, часто так же рыбный отвар с прибавкою к нему толченого чесноку и хлеба». А вот как описывает голландец по сей день любимую в России окрошку: «Из кушаний особо любимы чеснок, лук, огурцы; чеснок и лук они мелко рубят, затем немного толкут в ступе, заливают квасом и с удовольствием едят ложками. Огурцы свежие, как собирают с поля, так без всяких приправ прямо в коже»

едят, или разрезают на несколько частей и, также залив квасом, едят, иногда прибавив немного холодного мяса».

В дневнике Марины Мнишек можно встретить упоминание, что во время одного из пиров на стол было подано всего лишь четыре тарелки для наиболее знатных шляхтичей. То есть о тарелках русские, конечно, знали, но считали их использование излишней роскошью.

Вилки к этому времени за царским угощением уже подавались, но качество столовых приборов, по мнению иностранцев, оставляло желать лучшего. Витсен сообщает: «Стол накрыли белой скатертью и поставили тарелку, нож и вилку, три-четыре пустых кувшинчика, все из серебра, но металл так потемнел, что едва был похож на серебро». Попутно он предьявляет претензии к нравственности русских, которые «во время обедов и праздников ведут за столом очень неподходящие беседы, как мужчины, так и женщины, без всякого стеснения перед другими. Мне сообщили достоверные свидетели, что самые знатные господа, то есть самые знатные после царя, о которых я умалчиваю ради их чести, говорят за столом со своими супругами о таких вещах, о которых обычно умалчивают; немцы, присутствовавшие при этом, были поражены».

Сложно сказать, насколько можно доверять этой оценке. Сколько в ней пристрастности, а может, простого желания удивить и позабавить читателя. Во всяком случае, множество иностранцев, описывая тот же самый период, пишут, что жены русских бояр никогда не сидят за столом с мужем, если тот принимает гостей. Иржи Давид, бывший в России примерно в то же время, что и Витсен, заметил: «...Бояре и высшие чиновники двора никогда не едят за одним столом со своими женами, даже на пирах». Максимум, на что могли рассчитывать гости, — что жена или дочь хозяина вынесут им по чарке спиртного. Каким образом немцы могли быть свидетелями интимных разговоров русских со своими женами, остается загадкой. Сам Витсен, по крайней мере, такого не наблюдал и ссылается пусть и на «достоверных», но все же безымянных свидетелей.

Единственная трапеза, которая понравилась Витсену, — это обед непосредственно в царском дворце. Голландец удо-

стоил его скупой похвалы: «Все блюда были приготовлены без рыбы, мяса, масла, яиц, молока, однако все разнообразное. Во многие блюда входили горох, изюм, рис, ячмень, растительное масло, лук, чеснок, гречневая мука, были и пшеничные пироги, грибы, сладкие лимоны и т. д. и т. п. Действительно, многое было вкусно приготовлено и — не откажешь — красиво оформлено; были и разные соки и соусы и запеченные в тесте яблоки».

Как видим, эта трапеза была полностью постная. А вот как кормили шведов в скоромные дни: «Пища состояла из мяса и выпечки, разных напитков, соусов и супов, жареной дичи, кусков лося и оленя, лебедей, гусей и журавлей. У них нет вертелов, все готовят в духовых печах, так же и хлеб, выпеченный в различных формах».

Русские, видимо, понимали, что иностранцам блюда, приготовленные по местным обычаям, могут прийтись не по нраву. Радужные хозяева готовы были помочь в решении этой проблемы. По крайней мере, Витсен пишет, что патриарх Никон, который общался с посольскими людьми, «сказал, что хочет прислать нам своего повара, чтобы приготовить рыбу по нашему обычаю. “Этому новичку, — сказал он, указывая на меня, — наверно, еще не нравится наша пища”». При этом, описывая данный патриархом в одном из монастырей обед, Витсен отмечал, что некоторые блюда приготовлены «по-польски».

Еще один обед в монастыре описан следующим образом: «В доме игумена... нас угостили прекрасной рыбой, овощами, напоили хорошим красным вином и пивом; подали 10–12 блюд, все приготовлено по-польски. Последним блюдом была жареная курица, которую приготовили в нашу честь. Обычно у них на кухне никогда не появляется мясо, и мы должны были остатки взять с собой».

Возникает некоторое недоумение. Все-таки православные монастыри нельзя отнести к тем местам, где особо охотно шли на всякого рода новшества, в том числе и в области приготовления пищи. Поэтому сложно сказать, что такого польского углядел гость в монастырской трапезе. Ведь даже на обедах у царя и вельмож никаких польских блюд отмече-

но не было. Сам автор заметок поляком не был, и можно допустить, что не так уж хорошо разбирался в польской кухне.

Впрочем, по замечанию Якоба Ульфелдта, русские проявляли большую заинтересованность в иноземных блюдах. Вот описываемая им типичная сцена, сопровождавшая угощение послами русских чиновников: «После того как они как следует наелись и выпили по своему обычаю много меда, к столу был подан сыр. Увидев и отведав его, они попросили дать [его] им, что мы позволили. Они сразу же отдали его слугам, чтобы [те его] берегли. После этого был подан десерт, сахар, гранаты, финики, фиги, пряности, имбирь и прочее того же рода, все привезенное из Дании. Они съели из этого, сколько могли, а то, что осталось в мисках, взяли и спрятали себе в кушаки; суп же они ели, вызывая у нас отвращение, слизывая его с пальцев, так что нас чуть не рвало, как мальчишки или нищие, принимающие пищу у порога».

Можно предположить, что середина XVII века была своего рода переходным периодом, когда многие западные новшества в кулинарной сфере постепенно проникали в русскую традиционную культуру, хотя и не находили еще широкого распространения за пределами столицы.

Так, вилка в это время являлась редкостью, но при этом воспринималась как показатель высокого статуса. У Койетта читаем: «Около часу дня пришел великий вельможа, по имени князь Петр Семенович Прозоровский, с кушаньями от его величества; за ним следовали около 200 человек, несших приблизительно 100 блюд с разными кушаньями, а также разные напитки. Стол накрыли люди его величества столовою скатертью с вытканными на ней двуглавыми орлами, причем лишь для его превосходительства были поставлены позолоченная серебряная тарелка, ножик, вилка и ложка, а для остальных [одне] серебряные ложки; его превосх. велел поэтому подать [для всех] тарелки и салфетки». Как видим, вилка в качестве особого знака внимания и уважения была предложена только послу, не удостоились такой чести ни другие члены посольства, ни сопровождавший царские кушанья князь Прозоровский.

По спискам подарков, которые иностранные посольства вручали местным российским властям, можно косвенно установить, какая еда на Руси считалась в это время редкой и престижной. В списке голландских подарков значилось: «Марципан. Большое блюдо сушеных груш. Блюдо изюму. Коробка слив. Блюдо миндалю. Большое блюдо фиг. Блюдо лимонов». Российским воеводам, жестоко страдавшим от похмелья после шумного застолья, голландский посол велел отправить соленых лимонов.

В ответ посол получил от князя Юрия Алексеевича Долгорукого русские деликатесы. Не будем утомлять читателя длинным списком, приведем лишь разнообразные пироги: «Серебряное блюдо с пирогом, плоско вырезанным. Высокий пирог. Круглый пирог с красным деревцом и с позолоченным двуглавым орлом наверху. Круглый пирог с белым деревцом; все в виде короны. Круглый пирог с рисом и изюмом. Круглый сладкий пирог с яблоками. Пирог с маленькими [пирогам] внутри. Пирог с рыбою».

Среди этих подарков хотелось бы отметить еще одно блюдо, которое вызывает некоторое недоумение. Это «кружок ягод, прессованных с цветами; несли его двое». Прессованные ягоды, конечно, наводят на мысли о пастиле. Но что за цветы использовались при ее приготовлении? Маленькая кулинарная загадка.

Литература

- Авва Дорофей. Душеполезные поучения.
Азбука о голом и небогатом человеке.
Владимир Мономах. Поучение детям.
Воспоминание чуда святого Архистратига Михаила в Хонех.
Домострой.
Житие Александра Невского.
Житие Арсения Коневского.
Житие Герасима Болдинского.
Житие Зосимы и Савватия Соловецких.
Житие и страдание святого священномученика Анфима, епископа Никомидийского, и с ним многих.
Житие и терпение преподобного отца нашего Авраамия, нового чудотворца среди святых города Смоленска.
Житие Кассиана Босого.
Житие Кирилла Белозерского.
Житие Корнилия Комельского.
Житие Макария Желтоводского и Унженского.
Житие Маманта.
Житие Марии Египетской.
Житие Мартиниана Белозерского.
Житие Михаила Тверского.
Житие Никандра Псковского.
Житие преподобного Николы Святоши.
Житие преподобного отца нашего, Феодосия Печерского.
Житие преподобного Саввы Вишерского.
Житие святого Иоанна Постника, патриарха Константинопольского.
Житие святого пророка Захарии.
Житие Сергия Радонежского.

Житие Симеона Столпника.

Житие Ферапонта Белозерского.

Житие Фотия Волоцкого.

Изборник от 1073 года.

Измарагд.

Иоанн Лествичник. О любезном для всех и лукавом владыке, чреве.

Казанская история.

Калязинская челобитная.

Кормчая книга.

Летописная повесть о Куликовской битве.

Лечебник из многих мудрецов.

Максим Грек. Повесть страшная и достопамятная о совершенной иноческой жизни.

Многополезное сказание об авве Филимоне.

Назиратель.

Наставление отца к сыну.

Об умствования Косого.

Память святых мучеников Иувентина и Максима.

Повесть временных лет.

Повесть о битве на Липице.

Повесть о болезни и смерти Василия III.

Повесть о голом и небогатом человеке.

Повесть о Горе-злосчастии.

Повесть о житии Михаила Клопского.

Повесть о Карпе Сутулове.

Повесть о нашествии Тохтамыша.

Повесть о Петре и Февронии.

Повесть о старом муже.

Подвижнические наставления Святого Исаака Сириянина.

Послание Иосифа Волоцкого княгине Голениной.

Поучения и молитва Феодосия Печерского.

Поучения о простой чади.

Преподобный Нил Синайский. О чревоугодии.

Роспись о приданом.

Святой Кассиан Римлянин. Борьба с чревоугодием.

Севернорусский летописный свод 1472 года.

Сказание о нашествии Едигея.

Сказание о роскошном житие и веселье.

Сказание об Индийском царстве.

Сказка о куре и лисе.

Слова и поучения Серапиона Владимирского.

Слово Даниила Заточника.

Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича.
Слово о законе и благодати.
Слово о злых женах.
Соборное уложение 1649 года.
Стоглав.
Студит Ф. Подвижнические монахам наставления.
Физиолог.
Хождение Богородицы по мукам.
Хождение на Восток гостя Василия Позняка со товарищи.
Хождение на Флорентийский собор.
Хождение Стефана Новгородца.
Четыре послания и завещание Нила Сорского.

Адамс К. Первое путешествие англичан в Россию // Журнал Министерства народного просвещения. № 10. 1838.

Адрианова-Перетц В. П. Праздник кабацких ярыжек. Пародия-сатира второй половины XVII века. ТОДРЛ / Том 1. СПб., 1934.

Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. М., 2003.

Барбаро И. Путешествие в Тану // Каспийский транзит. Т. 2, М., 1996.

Баус Д. Посольство Бауса // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. № 4. М., 1884.

Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Белова О. Еврейские пищевые запреты в фольклорной интерпретации славян // Пир — трапеза — застолье в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2007.

Бер М. Летопись московская // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 2. СПб., 1859.

Бреретон Г. Известия о нынешних бедах России. Европейский дом. СПб., 2002.

Будило И. Дневник событий, относящихся к смутному времени // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872.

Буссов К. Московская хроника. М. — Л., 1961.

Варкоч Н. Донесение // Вопросы истории. № 6. 1978.

Ветловская В. Е. Летописное осмысление пиров и дарений в свете фольклорных и этнографических данных // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987.

Вими́на да Ченеда А. Известия о Московии. // Отечественные записки. Часть 37. № 105. 1829.

Витсен Н. Путешествие в Московию. СПб., 1996.

Воронин А. Андрей Боголюбский. М., 2007.

Гваньини А. Описание Московии. М., 1997.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Гильбер де Ланноа. Путешествия и посольства // Родина. № 12. 2003.

Де ла Невилль. Записки о Московии. М., 1996.

Дженкинсон Э. Путешествие из Лондона в Москву // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. № 4. М., 1884.

Дневник иезуита Яна Велевицкого о московских событиях // Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М., 1991.

Донесения посланников республики соединенных Нидерландов при русском дворе. Отчет Альберта Бурха и Иоганна фан Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг. с приложением очерка сношений Московского государства с республикой соединенных Нидерландов до 1631 г. СПб., 1902.

Забелин И. Е. Быт русских царей. М., 1895.

Записки Айрманна о Прибалтике и Московии 1666–1670 гг. // Исторические записки. Том 17. 1945.

Давид И. Современное состояние Великой России или Московии // Вопросы истории. № 1. 1968.

Кампани П. Записки // Вестник МГУ. Серия IX. История. № 6. 1969.

Карлейль. Описание Московии // Историческая библиотека. № 5. 1879.

Койэтт Б. Исторический рассказ, или Описание путешествия господина Кунрада Фанкленка // Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. 1. Ч. II. Иркутск, 1936.

Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа. М., 1993.

Котов Ф. О путешествии из Москвы в персидское царство, из Персии в Турецкую землю, в Индию и Урмуз на Белом море, куда немцы приплывают на кораблях. М., 1958.

Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.

Лизек А. Донесение о посольстве // Журнал Министерства народного просвещения. № 11. 1837.

Мейерберг А. Путешествие в Московию // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. № 1–3. М., 1882.

Маржерет Ж. Состояние Российской империи. М., 2007.

Маскевич С. Дневник // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб., 1859.

Масса И. Краткое известие о начале войн в Московии // Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Новосибирск, 2006.

- Никитин А. Хождение за три моря. М., 1948.
- Нойгебауэр С. Московия // Журнал Министерства народного просвещения. № 9. 1836.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М., 2003.
- Описание путешествия Ганса Георга Паерле // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 2. СПб., 1859.
- Павловская А. В. Традиции питания и проблемы межкультурной коммуникации // Россия и Запад: диалог культур. № 8. 2015.
- Петряков А. Царские трапезы и забавы. М., 2014.
- Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // Журнал Министерства народного просвещения. № 9. 1842.
- Посольство Ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам. М., 1991.
- Поссевино А. Записки. М., 1983.
- Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. М., 1896–1900.
- Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. № 6. 1842.
- Путешествия русских послов XV–XVII века. Статейные списки. СПб., 2008.
- Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году // Проезжая по Московии. М., 1991.
- Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002.
- Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1913.
- Сморгунова Е. Дисциплина поста в иудейской и христианской традициях // Пир — трапеза — застолье в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2007.
- Сохань И. В. Тоталитарный проект гастрономической культуры. Томск, 2011.
- Старкова Ю. Ю. Братчина-пир в языческой традиции Древней Руси // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М., 2000.
- Стройс Я. Путешествие по России // Русский архив. № 1. 18.
- Ульфельдт Я. Путешествие в Московию. М., 2002.
- Франческо да Колло. Донесение о Московии. М., 1996.
- Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. М., 2001.
- Юзефович Л. А. Как в посольских обычаях ведется. Русский посольский обычай конца XV — начала XVII века. М., 1988.

Содержание

Предисловие.	
О чем эта книга, и чего вы в ней не найдете	5
Еда — соблазн или благо?	9
Пост. Жертва, страдание или путь к спасению?	43
Еда как маркер социального статуса	91
Пища святая и грешная	128
Еда чужих и борьба с нею	148
Взгляд извне. Иностранец за русской трапезой	165
<i>Литература</i>	204

Занков Д.

- 3-28 Русь за трапезой / Дмитрий Занков. — М. : Ломоносовъ, — 2016. — 216 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-311-7

Как воспринимали наши предки еду и все с ней связанное? Чем было для них принятие пищи? Каких ритуалов при этом они придерживались? Каково было отношение к посту и воздержанию? Какая пища считалась престижной и наоборот? Насколько почетным было приготовление еды? Какие продукты запрещались на столе русского человека и чем это объяснялось? Как воспринималась еда чужеземцев? Почему возникали опасения, что ее употребление может привести православного человека к отпадению от «истинной веры»? Какими видели русские застольные обычаи иностранцы, каковы были их ощущения от русской кухни? И что такое вообще русская пищевая культура и в чем заключаются ее особенности? На эти и многие другие вопросы ищет и находит ответы кандидат исторических наук Дмитрий Занков. Для этого он привлекает множество исторических источников: от получивших широкое распространение на Руси византийских текстов до собственно русских житий, поучений и проповедей, а также свидетельства иноземцев.

УДК 94(47).02-04
ББК 63.3(2)43-45

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Дмитрий Занков

Русь за трапезой

Редактор О. Лихачев
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 29.12.2015.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13,5. Тираж 1200 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т. 8(499)270-73-59

Дмитрий
Занков

Русь
за трапезой

Как воспринимали наши предки еду и все с ней связанное? Чем было для них принятие пищи?

Каких ритуалов при этом они придерживались? Каково было отношение к посту и воздержанию?

Какая пища считалась престижной и наоборот? Насколько почетным было приготовление еды?

Какие продукты запрещались на столе русского человека и чем это объяснялось?

Как воспринималась еда чужеземцев? Почему возникали опасения, что ее употребление может привести православного человека к отпадению от «истинной веры»? Какими видели русские застольные обычаи иностранцы, каковы были их ощущения от русской кухни? И что такое вообще русская пищевая культура и в чем заключаются ее особенности? На эти и многие другие вопросы ищет и находит ответы кандидат исторических наук Дмитрий Занков. Для этого он привлекает множество исторических источников: от получивших широкое распространение на Руси византийских текстов до собственно русских житий, поучений и проповедей, а также свидетельства иноземцев.

ISBN 978-5-91678-311-7

9 785916 783117